

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ
УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

УДК 342.4

**О РОЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В
ПРЕДОТВРАЩЕНИИ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕШЕНИЙ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

Анохин А. Н., Совхоз Ф. Р.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматривается позитивная роль Конституционного Суда РФ по предотвращению негативных решений Европейского суда по правам человека в отношении России. Европейский суд, созданный как правозащитная инстанция, призванная утверждать приоритет прав и свобод человека в государствах Совета Европы, превратилась в инструмент геополитической борьбы с Россией. Это находит выражение в предвзятых и тенденциозных позициях Европейского суда по правам человека при разрешении дел по отношению к Российской Федерации, где суд фактически поддерживает деструктивных субъектов, деятельность которых направлена на дестабилизацию правопорядка и противодействие в сфере осуществления государственного суверенитета.

Ключевые слова: Конституционный суд Российской Федерации, Решения Европейского суда по правам человека, защита конституционного строя и суверенитета Российской Федерации.

Для государств, входящих в Совет Европы, фундаментальное значение имеет решение всего комплекса проблем, связанных с обеспечением прав и свобод человека. В соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, принятой 04.11.1950 года и вступившей в силу 03.09.1959 года, были сформированы два учреждения – Европейская комиссия по правам человека и Европейский суд по правам человека, фактически выступающие видами надгосударственной власти и ограничивающие суверенитет стран – участников Совета Европы в данной сфере отношений.

Ученые в позитивном аспекте исследовали правовые основы организации и деятельности Европейского суда по правам человека [1]. Подчеркнута возможность этого правозащитного учреждения вырабатывать единые подходы в вопросах понимания сущности и средств защиты прав и свобод человека [2]. Особое внимание уделено изучению практики реализации решений Европейского суда по правам человека [3, 4, 5, 6].

Вместе с тем в юридической литературе указывалось, что созданный на базе Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод контрольный механизм далек от совершенства. Он носит в значительной степени компромиссный характер [7, с.90, 91]. В еще более категоричной форме ряд авторов отмечают, что через призму обеспечения прав и свобод человека суд стал выносить предвзятые решения, обостряя геополитическую ситуацию в Европе [8, с. 364; 9].

Политизированность в деятельности Европейского суда на российском направлении проявляется при анализе решений суда по искам против Российской Федерации.

Европейский суд по правам человека является высшей судебной инстанцией для всех судебных систем европейских стран, включая Россию. Россия, являясь демократическим правовым государством, присоединилась к Европейской правовой системе. В соответствии с Федеральным законом от 30 марта 1998 г. №54 – ФЗ Россией ратифицирована Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколы к ней. Согласно статье 1 данного закона Российская Федерация признала обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека по толкованию и применению конвенции и протоколов к ней в случае предполагаемых нарушений Россией положений перечисленных международных договоров [10]. В соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции РФ [11], вступившие в силу для Российской Федерации в мае 1998 года конвенция и протоколы являются составной частью правовой системы страны и имеют приоритет над национальным законодательством.

Как говорил Марк Туллий Цицерон: «Высшее право – высшее бесправие». Действительно ли это так? И как с этим бороться?

Цель данной работы – показать роль Конституционного суда Российской Федерации в предотвращении негативных последствий предвзятого отношения Европейского суда по правам человека по отношению к Российской Федерации.

Так, опубликованная на сайте Европейского суда статистика по рассмотренным делам за 2016 год свидетельствует, что каждое пятое решение суда о нарушении хотя бы одной статьи Европейской конвенции по правам человека касалось России, вследствие чего, ей предписано выдать российским заявителям 7,4 млрд евро в качестве «справедливой компенсации». По сравнению с показателями 2013 года, составившими 4, 1 млрд. евро, здесь отмечается значительное увеличение сумм выплат [12]. И это увеличение расходов на компенсации в связи с решениями Европейского суда по делам граждан может повлечь нарушение прав российских граждан, поскольку при их исполнении невозможно будет выполнить в полном объеме все бюджетные обязательства Российской Федерации.

И как же защититься государству, если правовой институт превращается в механизм геополитической манипуляции?

На наш взгляд, именно это и послужило основанием для дополнения к части 1 статьи 3 ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Конституционном Суде Российской Федерации» пунктом 3.2 следующего содержания: «По запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации, разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека» [13].

Одним из примеров применения данной статьи является то, что 19 января 2017 года Конституционный суд России признал невозможным исполнение решения Европейского суда по правам человека о выплате акционерам ЮКОСа компенсации в 1,8 млрд евро. Напомним, что это первый случай в истории Европейского суда, когда он присудил компенсацию, произведя ее расчет исходя из принципа

restitutioinintegrum, то есть исходя из прямого материального ущерба компании ЮКОС от взыскания штрафных санкций и пеней за неуплаченные налоги и от взыскания 7% исполнительского сбора. Применив к полученным цифрам уровень инфляции в евро в 12% годовых, Европейский суд по правам человека и пришел к рекордной цифре в 1,8 млрд. евро. Проводя такую калькуляцию, суд решительно, но при этом крайне неубедительно отказался принять во внимание проведение самой компании в виде масштабного ухода от налогов.

Также, следует отметить, что это решение суд вынес в 2014 году, когда выплаченная российским заявителям компенсация достигла самой высокой отметки за все года – 9,7 млн евро. И, на наш взгляд, если бы вышеуказанное решение вынесли раньше, то размер выплаты был бы гораздо меньше.

Как указано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19.01.2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу “ОАО Нефтяная компания ЮКОС” против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации», приоритет основ российского конституционного строя и устанавливающий запрет на передачу Россией в соответствии с международными договорами своих суверенных полномочий, если это влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и противоречит основам ее конституционного строя, постановления Европейского Суда по правам человека, основанные на интерпретации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации. В качестве международного договора Российской Федерации Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает в правоприменительном процессе большей юридической силой, чем федеральный закон, но не равной и не большей, чем юридическая сила Конституции Российской Федерации [14].

Разрешая вопрос о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека как межгосударственного субсидиарного органа по защите прав и свобод человека, Конституционный Суд Российской Федерации в соответствии с международными обязательствами России нашел разумный баланс, в соответствии с которым принятое им решение, с одной стороны, отвечает букве и духу постановления Европейского Суда по правам человека, а с другой – не вступает в противоречие с основами конституционного строя Российской Федерации и установленным Конституцией Российской Федерации правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина [14].

И это правильно, ведь Конституция России – это нечто большее, чем законодательный акт государства, это основной закон (право) многонационального народа России, обладающий высшей юридической силой по отношению к праву Российской Федерации.

Следует заметить, что Россия не первое государство, которое приняло такой законодательный акт. Известно, что Франция, которую исторически называют родиной прав человека, также ранее приняла аналогичный закон. Как известно, Франция активно участвовала в составлении Конвенции о защите прав человека и основных свобод и подписала ее в числе первых, ратифицировала же в 1974 году. Так, в январе 1975 года Конституционный совет вынес своё известное решение об

абортах, указав в нём, что он проверяет законы лишь на соответствие Конституции, а на соответствие Конвенции – нет.

Великобритания же выбрала немного другой путь неисполнения решения Европейского суда по правам человека. Она не издавала подобный нормативно-правовой акт, она просто решила проигнорировать решение суда. Не увенчалась успехом предпринятая судом в 2010 г. попытка переломить ситуацию в свою пользу, когда он в своем решении прямо потребовал от Великобритании в 6-месячный срок внести соответствующие изменения в избирательное законодательство. Вынесенное в 2015 г. комитетом из трех судей Европейского суда по правам человека решение по объединённым жалобам сразу 1015 британских заключенных, в котором судьи установили факт нарушения Конвенции и не стали присуждать какую-либо компенсацию заявителям, уклонившись тем самым от новых даже минимальных финансовых санкций в адрес Великобритании, стало красноречивым нежеланием еще больше усложнять отношения с Великобританией, которая может позволить себе выйти вообще из Европейской Конвенции, тем более что выход Великобритании из Европейского Союза показал, что ничего невозможного нет.

Следовательно, Великобритания все еще не исполнила обязательство и не была привлечена за это к какой-либо ответственности.

Что касается России, то Совет Европы потребовал, чтобы она до сентября 2017 года выполнила решение Европейского суда по делу ЮКОСа. Что же будет по истечении данного срока сказать однозначно пока невозможно, но, безусловно, последствия будут.

Таким образом, можно сделать вывод, что в последние годы решения Европейского суда по правам человека несут не только юридический характер, но и политический. И когда те или иные решения затрагивают основы конституционного строя, государственный суверенитет Российской Федерации, она вправе не исполнять данные решения, так как именно через статус Конституции воплощается право народа России, которое выше права государства. Также должна решаться проблема соотношения юридической силы постановлений Конституционного суда и Европейского суда по правам человека. С одной стороны, Европейский суд – правозащитная инстанция, призванная защищать естественные права человека, а с другой стороны, в современных условиях суд в действительности превратился в инструмент геополитической борьбы с Россией, где под видом защиты естественных прав человека фактически предпринимаются попытки противодействия в сфере осуществления государственного суверенитета Российской Федерации, подрыва ее стабильности и безопасности.

Список литературы

1. Бессарабов В. Г. Европейский суд по правам человека: учебно-практическое пособие. М.: Юристинформ, 2003 – 248 с.
2. Глотов С. А., Петренко Е. Г. Права человека и их защита в Европейском суде. Краснодар: Юг, 2000 – 142 с.
3. Рехтина И.В. Исполнение постановлений Европейского суда по правам человека: проблемы теории и практики // Российская юстиция. – №11. – С. 73 – 76.
4. Соловьева Т. В., Воронцова И. В. Постановления Европейского суда по правам человека в гражданском процессе РФ. – ВолтерсКлувер, 2010 – 224 с.

5. Султанов А. Р. Правовые последствия постановлений Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. – 2011 – № 9. URL: <http://www.iuaj.net/node/811>
6. Султанов А. Р. Влияние на право России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентов Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. – 2007. – №12. URL: <http://jutyajnik.ru/documents/4130.pdf>
7. Карташкин В. А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М.: Институт государства и права РАН, 1995 – 135с.
8. Анохин А. Н., Совхоз Ф. Р. О противоречивости позиций Европейского суда по правам человека при разрешении дел в отношении Российской Федерации. URL: <http://constlaw.cfuv.ru/pdf/sbornik-aprel-2017.pdf>
9. Центр актуальной политики/ ЕСПЧ: от института правосудия к инструменту политического давления. URL: http://actualpolitics.ru/sites/default/files/reports/ECHR_report.pdf
10. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». URL: <http://base.garant.ru/12111157/#ixzz4dpXHtHAR>
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
12. Статистика Европейского суда по правам человека за 2016 год. URL: http://echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2016_ENG.pdf
13. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Конституционном Суде Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211287/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

Anokhin A.N., Sovhoz F.R. About the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in preventing negative consequences decisions of the European Court of Human Rights // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – P. 3 – 8.

The article considers the positive role of the Constitutional Court of the Russian Federation to preventing negative decisions of the European Court of Human Rights with regard to Russia.

The European Court established us human rights institution designed approve the priority of human rights and freedoms in the states of the Council of Europe has become an instrument of geopolitical struggle with Russia. This is reflected in the prejudiced and tendentious positions of the European Court of Human Rights in resolving cases against the Russian Federation, where the court actually supports destructive subject whose activities is aimed to destabilizing the rule of law and counteracting the exercise of state sovereignty.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, Decisions of the European Court of Human Rights, Protection of the constitutional order and sovereignty of the Russian Federation.

References:

1. Bessarabov V. G. Evropejskij sud popravam cheloveka: uchebno-prakticheskoe posobie. M.: Juristin-form, 2003 – 248 s.
2. Glotov S. A., Petrenko E. G. Pravacheloveka i ihzashita v Evropejskomsude. Krasnodar: Jug, 2000 – 142 s.
3. Rehtina I. V. Ispolnenie postanovlenij Evropejskogog sudapopravam cheloveka: problemy teorii i praktiki // Rossijskaja justicija – №11, s. 73–76
4. Solov'eva T. V., Voroncova I. V. Postanovlenija Evropejskogo suda po pravam cheloveka v grahdanskom processe RF. VoltersKluver, 2010 – 224 s.
5. Sultanov A.R. Pravovye posledstvija postanovlenij Evropejskogo suda popravam cheloveka // Zhurnalrossijskogoprava, 2011 – № 9. URL: <http://www.iuaj.net/node/811>

6. Sultanov A. R. Vlijaniena pravo Rossii Konvencii o zashhite prav cheloveka i osnovnyhsvobod i precedentov Evropejskogo suda po pravam cheloveka // Zhurnal rossijskogo prava, 2007 №12. URL: <http://jutyajnik.ru/documents/4130.pdf>
7. Kartashkin V.A. Prava cheloveka v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave. Moskva: Institut gosudarstva i prava RAN, 1995 – 135 s.
8. Anohin A.N., Sovhoz F. R./ O protivorechivosti pozicij Evropejskogo suda po pravam cheloveka pri razreshenii del v otnoshenii Rossijskoj Federacii. URL: <http://constlaw.cfuv.ru/pdf/sbornik-aprel-2017.pdf>
9. Centraktual'noj politiki/ ESPCh :otinstitutapравosudija k instrumentu politicheskogo davlenija. – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : http://actualpolitics.ru/sites/default/files/reports/ECHR_report.pdf
10. Federal'nyj zakonot 30 marta 1998 g. N 54-FZ «O ratifikacii Konvencii o zashhite prav cheloveka i osnovnyhsvobod i Protokolov k nej». URL: <http://base.garant.ru/12111157/#ixzz4dpXHtHAR>
11. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata v senarodnym golosovaniiem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
12. Statistika Evropejskogo suda po pravam chelovekaza 2016 god. URL: http://echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2016_ENG.pdf
13. Federal'nyj konstitucionnyj zakonot 21.07.1994 N 1-FKZ (red. ot 28.12.2016) «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/
14. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19.01.2017 N 1-P "Po delu o razreshenii voprosa o vozmozhnosti ispolnenija v sootvetstvii s Konstituciej Rossijskoj Federacii postanovlenija Evropejskogo Suda po pravam cheloveka ot 31 ijulja 2014 goda podelu «OAO «Neftjanaja kompanija «JuKOS» protiv Rossii» v svjazi s zaprosom Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211287/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

УДК 342.384.9

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ О СМЕШАННОЙ РЕСПУБЛИКЕ КАК ФОРМЕ ПРАВЛЕНИЯ

Гарчева Л. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье проанализированы положения современной юридической науки по вопросу о классификации государств по форме правления, в частности о сущности и содержании республики со смешанной формой правления. Автор освещает историю возникновения термина «смешанная республика», анализирует существующие в юридической науке точки зрения на природу такого вида формы правления, её признаки. Указывается, что до сих пор в научной литературе не закрепились устоявшиеся признаки республики со смешанной формой правления, каждый исследователь пытается определить свои собственные признаки, учитывая существование различных условий, которые установились в тех или иных республиках смешанного типа.

Ключевые слова: форма правления, республика со смешанной формой правления, парламентско-президентская республика, президентско-парламентская республика.

Проблема классификации государств по форме правления интересовала еще дореволюционных теоретиков, которые разделяли государства на монархические и республиканские. Основы классификации республик в зависимости от «степени осуществления республиканского принципа: подчинении всех государственных учреждений народа» заложил М. М. Коркунов. Он разделял республики на непосредственные и представительские [6, с. 257–260]. Большинство теоретиков того периода пользовались предложенным М. М. Коркуновым основанием для классификации республик [5, с. 236–237; 3, с. 15].

После образования СССР советские юристы начинают разделять республики на буржуазные (капиталистические) и социалистические. При этом буржуазные республики разделяются на два типа: парламентские и президентские [16]. Такое деление буржуазной республики господствовало в трудах советских теоретиков до 80-х годов XX ст. Анализ учебников по теории государства и права, изданных в СССР, показал, что все авторы придерживались постоянной модели, по которой буржуазные республики разделялись на парламентские и президентские, даже принятие Конституции Франции в 1958 г. не изменило взглядов советских ученых [13, с. 78; 14, 180–181; 16, с. 415; 18, с. 118]. В специальных статьях, посвященных исследованию института президентства в разных странах (достаточно малочисленных), авторы также не указывают на существование особенного типа республики, которая находится между парламентской и президентской [4, с. 114].

Впервые в советской литературе попытку охарактеризовать новый республиканский режим правления, установленный Конституцией Франции 1958 года, осуществил М. А. Крутоголов. В монографии «Президент Французской республики: правовое положение», опубликованной в 1980 году, М. А. Крутоголов отмечает, что политический режим, установленный Конституцией в 1958 году,

«никак не может именоваться парламентским, потому что реальность V республики резко отличается от парламентского режима» [8, с. 42]. Автор, пытаясь наиболее точно оценить французскую форму правления, называет ее смешанной – президентско-парламентской: «Этот своеобразный режим, который не укладывается в общепринятые в конституционном праве классификации, точнее именовать смешанным – президентско-парламентским» [8, с. 46].

Среди исследователей института президентства в начале 90-х годов прошлого столетия не было единодушия в классификации республик на три типа: парламентские, президентские и смешанные. Так, Е. Георгиян характеризует Францию как президентскую республику: «современная Франция – президентская республика» [2, с. 68-72]. З. М. Черниловский исследует три типа президентуры: американскую, французскую и веймарскую, при этом автор не классифицирует республики, а только дает их общие характеристики. Хотя выделение им французской президентуры в отдельный подпункт позволяет сделать вывод, что он все же отделяет ее как один из видов республиканских форм правления [19, с. 110–116]. А. Кулябин, напротив, четко отмечает, что существуют три формы республики: парламентская, президентская и смешанная. Автор также определяет круг стран, в которых установились «смешанные системы» – Франция, Финляндия и Турция [10, с. 20–21]. Однако не называет критерии, по которым он относит данные страны к республикам смешанного типа.

В начале 90-х годов и в учебниках появляется новая классификация республик по форме правления. Так, в «Общей теории права и государства» под редакцией В. В. Лазарева авторы хотя и выделяют, как и раньше, две формы республиканского правления, однако при этом предостерегают, что «в конкретике политической жизни той или другой страны, с учетом того или иного соотношения политических сил, традиций, которые сложились, или реформ, что проводятся, возможны смешанные или промежуточные (между президентской республикой и парламентской республикой) формы государственного правления» [15, с. 262].

В. И. Мельниченко в статье «Президент в структуре государственной власти: конституционный опыт западных демократий» (1995) выделяет четыре типа республики: сверхпрезидентская, президентская, полупрезидентская, парламентская и дает сжатые характеристики правового положения президента в отмеченных типах республик. Но автор не приводит основания, по которым он разделял республики на четыре типа [12, с. 34–37].

В 1996 году вышла монография А. Ш. Арутюняна «Институт Президента Республики Армения», одна из глав которой посвящена анализу правового положения президента полупрезидентской республики. По мнению автора, «смешанная форма правления выражается в том, что вместе с Президентом исполнительную власть осуществляет премьер-министр и министры, которые составляют правительство, ответственное перед парламентом» [1, с. 70]. А. Ш. Арутюнян выделяет также такое отличие полупрезидентской республики, как формирование правительства парламентом, а не президентом. На наш взгляд, это не является отличием смешанной республики, потому что, например, на Украине и в России (как в республиках смешанного типа) глава правительства назначается президентом при согласии парламента, федеральные министры – президентом. Автор отмечает, что президент смешанной республики может избираться как через

прямые, так и не прямые выборы [1, с. 73].

Тожественной точки зрения относительно избрания президента смешанной республики непрямыми выборами придерживается В. Кувалдин. Он характеризует такую форму правления как парламентско-президентскую и относит к ней Чехию, Венгрию, Словакию, Эстонию, Латвию [9, с. 11].

Исследуя феномен президентской власти, В. Е. Чиркин пытается выделить особенности полупрезидентской, полупарламентарной республики. Автор отмечает, что «в отличие от парламентарной республики, где самостоятельная роль президента небольшая и где он на деле не владеет никакой исполнительной властью, и в отличие от президентской республики, где он – глава исполнительной власти, в полупрезидентской республике заметно стремление “вывести” президента за пределы традиционной концепции разделения властей» [20, с. 20]. Такое «выведение» автор интерпретирует как отличительную черту полупрезидентской республики: «Его (президента – Л. Г.) исполнительно-распорядительная деятельность дополняется, а иногда и вытесняется арбитражной» [20, с.23]. В. Е. Чиркин подчеркивает, что президент полупрезидентской республики принимает активное участие в законодательном процессе, в том числе и заполняет пробелы в законодательстве.

До сих пор в научной литературе не закрепились устоявшиеся признаки республики со смешанной формой правления, каждый исследователь пытается определить свои собственные признаки. Но почти все сходятся в одном – президент является главой государства, при этом не является главой исполнительной власти, однако имеет ряд полномочий в сфере исполнительной власти.

Большинство авторов выделяют дуализм исполнительной власти в республике со смешанной формой правления как её неперенный признак. И это неудивительно, ибо дуализм исполнительной власти вытекает из самого названия «смешанная республика». Следовательно, любая смешанная система должна некоторым образом устанавливать бифефальность исполнительной власти между главой государства (президентом) и премьер-министром, который возглавляет правительство. Если президент не имеет полномочий в сфере исполнительной власти, то это парламентарная республика. Отметим, что президент в республике со смешанной формой правления не может быть главой исполнительной власти. Если президент является главой исполнительной власти, например, как в Финляндии и Азербайджане, то это президентская республика. При такой форме исчезает бифефализм исполнительной власти, потому что именно правительство «проводит в жизнь решение президента» (ст. 40 Конституции Финляндии).

Однако помимо закрепления на законодательном уровне дуализма исполнительной власти, важны и другие «гарантии» соблюдения государственным органами принципа бифефализма исполнительной власти. Такой гарантией является, прежде всего, реальность президентских полномочий. Ибо именно реальность президентских полномочий как в области исполнительной, так и законодательной власти позволяет определить природу смешанной республики как вида республиканской формы правления.

Сравнительно-правовой анализ конституций девяти смешанных республик (Белоруссии, Болгарии, Македонии, Польши, Португалии, России, Словении, Украины и Македонии) провел М. А. Краснов. Автор понимает под смешанной

республикой такую модель, которая сочетает в себе признаки и президентской, и парламентской республики [7, с. 16]. Российский ученый отметил, что смешанная форма правления требует наличия развитого гражданского общества. Поэтому для Российской Федерации предпочтительнее была бы модель президентской республики [7, с. 23].

С данной точкой зрения согласен и российский ученый Р. С. Мартынюк. Он считает, что «дискуссия по поводу возможности определить форму правления, учрежденную в Азербайджане, Беларуси, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, как смешанную является беспредметной» [11, с. 56]. Характеризуя форму правления постсоветских государств, он указывает, что «формы правления в них часто имеют вполне определенный характер и отражают целенаправленные усилия президентов соответствующих государств сосредоточить в своих руках огромную власть» [11, с. 60]. По мнению автора, в этих государствах сложилась не смешанная, а президенциализированная переходная (гибридная) республиканская форма правления: «Для настоящей смешанной республики не характерны такие черты, как чрезмерно усиленный конституционно-правовой статус президента и его функциональное доминирование над другими высшими органами государства, слабое влияние парламента на исполнительную власть, административная зависимость премьер-ра и министров кабинета от главы государства, а также, разумеется, нивелирование принципиально важных элементов системы сдержек и противовесов в триаде отношений президент – парламента – правительство в пользу главы государства» [11, с. 55].

Представляет интерес вывод некоторых зарубежных авторов о наличии демократии как признаке полупрезидентской (смешанной) республики. А страны, президенты которых фактически узурпировали власть, они относят к неограниченным президентским режимам. Простое законодательное признание бицефализма исполнительной власти, по их мнению, недостаточно для установления в государстве такого реального дуализма. В добавление к юридическому закреплению дуализма исполнительной власти должна также существовать практическая действительность, которая бы позволяла создание и эффективное применение необходимых условий для реализации принципа бицефализма исполнительной власти. То есть наличие конституционных предпосылок для существования смешанного режима не гарантирует, что он будет осуществлен на практике.

Следующим дискуссионным признаком республики со смешанной формой правления является порядок выборов президента. По этому вопросу авторы придерживаются трех разных позиций. Первая – президент может избираться как через прямые, так и непрямые общие выборы; вторая – президент может избираться внепарламентским путем, непосредственно избирателями; третья – президент избирается парламентом. На наш взгляд, избрание президента непосредственно избирателями придает ему признак легитимности (если выборы были честны и прозрачны) и устанавливает определенный паритет между президентом и также непосредственно избранным избирателями парламентом. Граждане могут наделить президента властью непосредственно или опосредовано (через коллегия выборщиков), но наибольшей легитимности эта власть приобретает при избрании президента всеобщими прямыми выборами.

Что касается ответственности правительства перед президентом или парламентом, то правительство может быть ответственно перед парламентом (или и перед президентом, и перед парламентом), но основным признаком республики со смешанной формой правления является подконтрольность правительства парламенту.

Таким образом, неизменными признаками республики со смешанной формой правления является: 1) бифуркация исполнительной власти между главой государства – президентом и премьер-министром, который возглавляет правительство (президент не является главой исполнительной власти); 2) реальность президентских полномочий; 3) избрание президента всеобщими прямыми выборами на определенный срок; 4) подконтрольность правительства парламенту (или и парламенту, и президенту). Все эти признаки не исключают существования других условий, которые установились в тех или других республиках смешанного типа, однако все они должны присутствовать в республике со смешанной формой правления.

Список литературы

1. Арутюнян А. Ш. Институт Президента Республики Армения: (сравнительно-правовой анализ). – Ереван: Мхитар Гош, 1996. – 311 с.
2. Георгиян Э. Институт президентской власти в современном мире // Социалистическая законность, 1991. – № 11. – С. 68–72.
3. Гессен В. М. О правовом государстве. – СПб.: Издание Н. Глаголева, 1906. – С. 15–62.
4. Гринберг А. И. Президент в механизме власти в Итальянской республике // Советское государство и право. – 1977. – № 10. – С. 114.
5. Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. – М.: Тип. «Мысль», 1915. – С. 236–237. – 417 с.
6. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1894. – С. 257–260.
7. Краснов М. А. Россия как полупрезидентская республика: проблемы баланса полномочий (опыт сравнительно-правового анализа) // Государство и право. – 2003. – № 10. – С. 16–23.
8. Крутоголов М. А. Президент Французской республики: правовое положение. – М.: Наука, 1980. – 336 с.
9. Кувалдин В. Президентство и демократия // Свободная мысль. – 1998. – №2 (1471). – С. 4–14.
10. Кулябин А. И. Президентство – лучшая ли это форма исполнительной власти? // Государство и право. – 1992. – № 8. – С. 20–21.
11. Мартынюк Р. С. Проблемы классификации президентализированной формы правления в постсоветских странах Восточной Европы и Азии // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – №1 (7) – С. 48–61.
12. Мельниченко В. И. Президент в структуре государственной власти: конституционный опыт западных демократий (Президент у структурі державної влади: конституційний досвід західних демократій) // Трибуна. – 1995. – № 1–2. – С. 34–37.
13. Общая теория государства и права / Отв. Ред. Д. А. Керимов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. – 528 с.
14. Общая теория государства и права: В 2-х т. / Отв. Ред. Д. А. Керимов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – Т. 1: Общая теория государства. – С. 180–181.
15. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов / Под ред. В. В. Лазарева. – М.: Юрист, 1994. – 448 с.
16. Петров В. С. Тип и формы государства. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. – С. 65–66.
17. Теория государства и права / Под ред. А.М. Васильева – 2-е изд. – М.: Юрид. литература, 1983. – 415 с.
18. Теория государства и права. Основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 534 с.
19. Черниловский З. М. Институт президентуры в свете исторического опыта. // Советское государство и право. – 1991. – № 6. – С. 110–116.

20. Чиркин В. Е. Президентская власть // Государство и право. – 1997. – № 5. – С. 15–23.

Garcheva L. P. Modern jurisprudence on the mixed republic as form of government // // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – С. 9–14.

The article analyzes the insights of modern legal science the question about the classification of States by form of government, in particular about the nature and content of the research Institute of the Republic with a mixed form of government. The author covers the history of the term mixed Republic, analyzes various points of view existing in legal science on the nature of this type of form of government, its characteristics. Indicates that so far in the scientific literature was not established fixed attributes of the Republic with a mixed form of government, each researcher is trying to define their own characteristics, given the existence of various conditions that have been established in the various republics of the mixed type.

Keywords: form of government, Republic with a mixed form of government, a parliamentary-presidential Republic, presidential-parliamentary Republic

References

1. Arutyunyan A. Sh. Institut Prezidenta Respubliki Armeniya: (sравnitelno-pravovoy analiz). – Erevan: Mhitar Gosh, 1996. – 311 s.
2. Georgiyan E. Institut prezidentskoy vlasti v sovremennom mire. – Sotsialisticheskaya zakon-nost. – 1991. – № 11. – С. 68–72.
3. Gessen V. M. O pravovom gosudarstve. – Spb.: Izdanie N. Glagoleva, 1906. – С. 15.
4. Grinberg A. I. Prezident v mehanizme vlasti v Italskoy respublike // A.I. Grinberg Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1977. – № 10. – С. 114.
5. Kotlyarevskiy S.A. Vlast i pravo. Problema pravovogo gosudarstva. – М.: Tip. «Myisl», 1915. – 417 s.
6. Korkunov N. M. Lektsii po obshchey teorii prava. //N. M. Korkunov/ – SPb., 1894, S. 257–260.
7. Krasnov M. A. Rossiya kak poluprezidentskaya respublika: problemy balansa polnomochiy (opyit sravnitelno-pravovogo analiza) // Gosudarstvo i pravo. – 2003. – № 10. – С. 16–23.
8. Krutogolov M. A. Prezident Frantsuzskoy respubliki: pravovoe polozhenie. – // M.A. Krutogolov. – М.: Nauka, 1980. – 336 s.
9. Kuvaldin V. Prezidentstvo i demokratiya // Svobodnaya mysl. – 1998. – №2 (1471). – С. 4–14.
10. Kulyabin A. I. Prezidentstvo – luchshaya li eto forma ispolnitelnoy vlasti? – Gosudarstvo i pravo. – 1992. – № 8. – С. 20–21.
11. Martynyuk R. S. Problemy klassifikatsii prezidentsializirovannoy formy pravleniya v postsovetских stranah Vostochnoy Evropyi i Azii / R.S. Martynyuk. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2013. №1 (7) – С. 48–61.
12. Melnichenko V. I. Prezident u struktural derzhavnoy vladyi: konstitutsionnyy dosvid zahidnih demokratii // Tribuna. – 1995. – №1–2. – С. 34–37
13. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava / Otv. Red. D.A. Kerimov. – L.: izd-vo LGU, 1961. – С.78.- 528 s.
14. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: V 2-h t. / Otv. Red. D.A. Kerimov. – L.: izd-vo LGU, 1968. – Т.1: Obshchaya teoriya gosudarstva. – С. 180–181. – 303 s.
15. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov /Pod red. V.V. Lazareva. – М.: Yurist, 1994. – 448 s.
16. Petrov V. S. Tip i formy gosudarstva. – // V.S. Petrov. – L.: izd-vo LGU, 1967. – С. 65–66.
17. Teoriya gosudarstva i prava / Pod red. A.M. Vasileva – 2-e izd. – М.: Yurid. literatura, 1983. – 415 s.
18. Teoriya gosudarstva i prava. Osnovny marksistsko-leninskogo ucheniya o gosudarstve i prave. М.: izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962. – 534 s.
19. Chernilovskiy Z. M. Institut prezidenturyi v svete istoricheskogo opyita. – Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1991. – № 6. – С. 110–116.
20. Chirkin V. E. Prezidentskaya vlast // Gosudarstvo i pravo. – 1997. – № 5. – С. 15–23.

УДК 340.15

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ КРЫМА В 1780-Х ГГ.¹

Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья посвящена изучению принимаемых Российской империей мер по восстановлению и развитию внешней торговли Крыма после его присоединения. В работе сделан акцент на изучение внешнеторговых договоров Российской империи с Османской империей, Королевством обеих Сицилий, Австрийской империей, Францией, Португалией и другими государствами. Еще одним выделенным нами направлением деятельности в восстановлении внешней торговли Крыма вообще и юга империи в частности стало создание в основных торговых форпостах Средиземного моря консульских представительств разного уровня с обеспечением их необходимыми штатами. С другой стороны, консульские агенты иностранных держав стали появляться в городах региона.

Ключевые слова: внешняя торговля, Крым, торговые договоры, консульские агенты.

Меры по налаживанию внешней торговли Крыма были предприняты со стороны Российской империи еще до окончательного присоединения полуострова. Однако принимались они лишь в отношении подчиненных Санкт-Петербургу территорий. Так, например, известно, что 28 марта 1775 г. был издан именной указ графу Орлову «О дозволении служившим во флоте под предводительством его Грекам поселиться в городах Керчи и Ениколе с предоставлением им особых выгод» (№14284) [1, с. 101–102]. Привлечение греков, умелых мореплавателей и торговцев, безусловно пошло на пользу восстановления внешнеторговых экономических связей этих населенных пунктов.

Базисным для торговли с землями Османской империи и прохода через турецкие проливы в этот период стал весьма тщательно составленный торговый договор с Турцией от 10 июня 1783 г. (№15.757) [2, с. 939–956]. В нем подробным образом отражались права российского купечества и дипломатического корпуса. Благодаря данному документу проход через проливы для российских судов как в Средиземное, так и в Черное моря становился беспрепятственным.

Уже на основе пунктов этого договора стало возможным принятие указа от 22 февраля 1784 г. (№15.936) «О свободной торговле в городах Херсоне, Севастополе и Феодосии» [3, с. 50–51]. Согласно договору иностранные купцы фактически приглашались в данные города с учетом и подтверждением прав всех торгующих в любых ситуациях. Также этим указом предлагалось селиться в этих городах и открывать любые промышленные предприятия.

В качестве дополнительной меры экономического регулирования торговли в Черноморском регионе 24 февраля 1784 г. принят указ №15938. «О пошлинах с привозимых к Черноморским портам Беломорских, Греческих, Итальянских вин, и о распространении

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112.

силы 12 статьи Тарифа 27 Сентября 1782 г. на границы Екатеринославского наместничества» [3, с. 54–55].

Еще одним направлением деятельности государственной власти по возрождению торговли Крыма стало значительное усиление защиты местных торговцев в иностранных портах и городах посредством учреждения там дипломатических представительств.

Первым шагом в этом направлении стало принятие указа от 19 августа 1784 г. №16044. «Об учреждении Генеральных Консулов в Александрии, Албании, Химаре, Сейде и в прочих местах». По этому указу «для пользы службы Нашей по торговле и другим делам» назначались генеральными консулами: в Александрию – майор Барон Тонус, в Албанию и Химару – майор Пано Бичилли, в Сейду и в прочие места в Сирии – тосканский уроженец Карл Ферриери, в Морею – майор Христофор Комнен; консулами в Кипр – капитан Иван Ацали, в Родос – майор Георгий Турновити, в Хио – отставной морской артиллерии капитан Антон Коронелли, в Самос – поручик Филипп Гатески, в Варну – капитан Георгий Милькевич, в Порто-Ферраио – тосканский уроженец Викентий Ферриери [3, с. 196–197].

Также следует указать, что при консулах в Морее, Кипре, Варне полагались помощники – драгомань, исполнявшие должность переводчика и посредника между ближневосточными и азиатскими державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами. Эта должность предполагала как переводческие, так и дипломатические функции.

Следующими шагами в этом направлении стало принятие указов от 14 января 1785 г. (№16127) «О производстве жалования состоящему в Бордо Генеральному Консулу по 1500 рублей в год» [3, с. 279]; от 1 сентября 1785 г. (№16250) «Об определении к Консулам и Вице-Консулам в Негропоинт, Санторино, Дамаск и Баруш Драгоманов и о производстве им жалования» [3, с. 447]; 27 сентября 1785 г. (№16.267) «О содержании при Консульском poste в Морее второго Драгомана, с производением ему жалования в год по 240 руб.» [3, с. 457]; 18 ноября 1786 г. (№16.464) «О бытии в Портсмуте Российскому Консулу», которым был назначен Андрей Линденгрэн [3, с. 717–718].

Этими шагами были начертаны основные внешнеторговые интересы Российской империи в Средиземном море и не только.

Учитывая активное взаимодействие на внешнеполитической арене в данный период России и Австрии, стороны перешли и к урегулированию торговых отношений. 1 ноября 1785 г. был издан манифест «Об открытии торговли между Российскою Империею и Областями Австрийской Монархии» (№16.284). Австрийцам были дарованы права наибольшего благоприятствования, они также допускались к торговле во все к тому разрешенные порты, города и пристани. Согласно п. 7 манифеста австрийские подданные, торгующие в Херсоне, Севастополе и Феодосии, получили скидку в размере $\frac{1}{4}$ пошлины вместе с другими привилегированными нациями.

По п. 8 австрийские суда получили право беспошлинно и без таможенного осмотра заходить в порты империи для ремонта. Пунктом 10 австрийские суда освобождались от принудительной службы в случае войны. Также на австрийцев был распространен принцип «вооруженного нейтралитета», позволяющего им беспрепятственно торговать с государствами, с которыми Россия могла оказаться в войне.

Оговаривались в манифесте порядок осмотра и задержания австрийских судов в случае нахождения на них запрещенных к перевозу предметов. Важным было то, что документ запрещал задерживать судно и экипаж после изъятия контрабандных товаров и даже до окончательного приговора суда (п. 13–15).

Австрийские консулы на территории Российской империи не имели права вести судебные дела соплеменников, однако могли «по желанию тяжущихся избираемы быть посредниками в спорах их, но со вседашнею тяжущимся свободою предпочтительно прибегать к нашим правительствам, которым те консулы во всем касающемся до собственных дел их равномерно имеют быть подчинены» (ст. 19).

П. 23–24 определяли процедуру банкротства австрийских подданных. Также австрийцам позволялось покупать для личного пользования дома в Санкт-Петербурге, Москве, Архангельске, Херсоне, Севастополе и Феодосии с увольнением их от постоя военных. Оговаривалась процедура наследования имущества австрийскоподданных, а также и то, что в случае войны между двумя государствами австрийцам как минимум будет дан год для распродажи принадлежащего им имущества, Россия же обязывалась не конфисковать его и т. д. (п. 27) [3, с. 475–480].

В ответном манифесте Римского императора Иосифа II у российских подданных были аналогичные права [3, с. 481–487].

31 декабря 1786 г. был опубликован «Трактат между Россией и Францией, о дружбе, торговле и мореплавании» (№16.488). Данный трактат заключался на 12 лет (ст. 36). Во всех портах и больших торговых городах обоих государств, в которые вход и торговля были «открыты Европейским народам», обе договаривающиеся державы могли учреждать генеральных консулов, консулов и вице-консулов. Как и в иных случаях, консульские представители были лишены судебных функций, а также оговаривалось, что консулы не могли быть назначаемы «из природных подданных той державы, во владениях коей они должны иметь свое пребывание» (ст. 5).

Тем не менее, генеральным консулам, консулам и вице-консулам обеих договаривающихся держав было дано право «иметь взаимно исключительную власть над экипажем кораблей их наций в портах пребывания их, как в рассуждении общего благочиния мореходцев, так и разбирательства и суда споров могущих произойти между экипажем» (ст. 6).

Договор также предусматривал, что в случае, если торгующие подданные одной или другой из договаривающихся держав будут иметь между собой тяжбы или какие-либо другие дела, то они с общего согласия могли прибегнуть к их собственным консулам, решения которых признавались действительными и законными. Консулы также получали право, в случае нужды, просить помощи у правления для приведения в действие их приговора. Если же какая из сторон не хотела отдаться на суд собственного своего консула, то она могла прибегнуть к обыкновенным земским судам, учрежденным в месте пребывания консула, и обе должны были повиноваться их решениям. В случае аварии или ущерба, случившегося на Российском судне, если только россияне «претерпели в том, российские консулы о том соберут сведения, и имеют одни разобрать все до онаго относящееся». Те же права имели и французские консулы (ст. 7).

Все дела французских купцов, торгующих в России, подлежали судебным местам, учрежденным для купеческих дел, где они должны были судиться без замедления на основании существующих законов, так, как это делалось и с другими нациями, имеющими торговые трактаты с Россией. Те же условия распространялись и на дела российских купцов (ст. 8).

Также подданные договаривающихся сторон получили право составлять с их консулами фактории и делать между собой «для общей пользы распоряжения по их соизволению», безусловно, с учетом норм местного законодательства (ст. 9).

Отдельно в договоре оговаривались и взаимные уступки в налогах с мореплавателей. В частности – французам в пошлинах в портах Черного и Азовского морей, а русским – в портах Марселя и Тулона (ст. 10, 11).

Для соблюдения всех договоренностей для отдельных видов товаров устанавливалась необходимость их освидетельствования консульскими агентами, а при их отсутствии в портах отправления – магистратами или таможенными с порта отплытия.

В ст. 16 договора оговаривались особенности применения наследственного Франции права в отношении российских подданных, права собственности; в ст. 17, относительно

контрабандистов, стороны договорились поступать по законам не строже, чем со своими подданными.

Ст. 18 оговаривала вынужденный заход судов двух держав в порты друг друга, с оплатой лишь маячных и портовых пошлин, а ст. 19 была посвящена правилам нахождения иностранных кораблей в портах, рейдах, реках и гаванях.

Важным, по нашему мнению, было и положение, по которому никакое купеческое судно взаимных подданных и никто из его экипажа не могли быть задержаны, а товары не могли быть захвачены в портах другой державы, исключая случай судебного задержания или захвата «по долгам ли личным, нажитым в той земле хозяевами ли судна, или груза онаго, или за принятие на корабль заповедным по таможенным тарифам товаров...». Кроме того, в случае возникновения тяжб или уголовных преступлений купцов следовало судить по законам того места, где пристало судно (ст. 22).

Договор включал традиционное для того времени положение, по которому предусматривался обязательный возврат бежавшего с судна в иностранном порту матроса, даже силой местной власти (ст. 23).

По договору державы не обязывались в военное время силой служить суда друг друга (ст. 24), а торговые суда, их экипажи и пассажиры не могли быть принуждены поступить против их воли в службу другой державе (ст. 25).

Ст. 26 посвящалась нейтральному плаванью торговых судов стран не участвующих в этой войне в случае войны между сторонами договора. Далее указывались специальные правила для этого.

Интересным было положение, согласно которому позволялось подданным одной из договаривающихся сторон строить в стране, с которой у с одной из сторон конфликт, суда без всяких ограничений, кроме предоставления необходимых документов на право собственности (ст. 30).

Отдельно устанавливались условия осмотра торговых судов другой стороной в случае военных действий (ст. 31).

Безусловно, договор содержал в себе положения о том, как вести себя сторонам, если на купеческом судне были найдены запрещенные к провозу товары. Как и в договорах с другими государствами, оговаривалось, что корабельщик мог их просто сдать и идти далее. В ином случае полагалось такое судно везти в порт и там отобрать их судебным порядком. Корабельщик же в этом случае имел право не дожидаться окончания суда.

В случае, если с каким либо судном договаривающихся сторон происходила авария или оно село на мель, устанавливались особые правила спасения экипажа и груза, при этом распоряжаться должны были консульские агенты, а в случае их отсутствия беречь товары должны местные государственные службы.

Тяжебные и другие гражданские дела между торгующими подданными должны были решаться в земских судах. При этом тяжущиеся могли вверять хождение за них в суды стряпчим, прокурорам или нотариусам.

Отдельно оговаривались условия работы купцов и их права, в том числе и относительно процедуры банкротства, покупки домов, которые также освобождались в тех же городах от постоя военного. Позволялось покупать дома и в других городах французам, но уже не освобождая их от постоя. В свою очередь король Франции давал российским купцам аналогичные права в Париже, Руане, Бордо, Марселе, Сетте и Тулоне (ст. 33).

Конечно, купцы имели право продать все их имущество в стране проживания и даже в случае войны между Россией и Францией в течение года вывезти его [3, с. 771–785].

Следующий аналогичный по смыслу договор был заключен 6/17 января 1787 г. (№16498) между Россией и Королем Обеих Сицилий «О взаимной дружбе и торговле» [3, с. 790]. Также, как известно, 9/20 декабря 1787 г. (№16.594) был заключен договор между Императрицей Всероссийской и Королевой Португальской «О взаимной дружбе и торговле» на 12 лет. В нем также находим традиционные для подобных трактатов пункты с

малозначительными нюансами, например, мупоминанием прав иноземцам торговать и проживать в портовых городах Херсоне, Севастополе и Феодосии [3, с. 790–800]. Не помешала этому процессу и очередная русско-турецкая война, объявленная 7 сентября 1787 г. специальным манифестом, в котором, кроме прочего, упоминались обиды консулам России и купечеству [3, с. 883–888].

В развитие и во исполнение выше рассмотренных и иных торговых договоров Российской империи в портовых городах Северного Причерноморья постепенно стали появляться консульские представители и агенты иностранных держав и вольных городов. Так, в частности, в 1787 г. некто донн Винченца Музеита был назначен консулом от Сицилии во всех судебных местах региона [4, л. 1–5]. Правда, в этом же году упоминается консул от Сицилии в Черноморских портах Винченция Музеген [5, л. 1–10].

Известен нам также и Иоганн Георга Виттерс, выступавший агентом Люблина, Бремена, Гамбурга и Гданьска в 1787–1788 г. [6, л. 1–12]. Впоследствии подобные агенты находились в наиболее важных торговых портах региона.

Таким образом, можно сделать вывод, что меры, принимаемые российским правительством на внешнеполитической арене по возрождению внешней торговли Крыма в конце XVIII в. хотя и были весьма активными, однако их нельзя назвать успешными, и вызвано это было по большей части внутренними проблемами. Так, по нашему мнению, во-первых, это было вызвано значительной эмиграцией населения, замещение которого на полуострове происходило весьма медленно, а также тем, что ранее выведенное христианское население еще не вполне вернулось в регион.

Во-вторых, из двух наиболее доступных для иностранцев для торговли городов Крыма – Севастополя и Феодосии – Севастополь все более превращался в закрытую военноморскую базу, а население Феодосии просто не могло обеспечить сколько-нибудь заметный прирост во внешней торговле. Так, как известно, в 1802 г. в этом городе числилось всего 315 жителей [7, с. 41]. И хотя в это число не входили иностранные купцы и городская округа, эта цифра показательна уже сама по себе.

Иные портовые города Крыма также не могли в изучаемый период отличиться внешнеэкономическими достижениями, в основном по тем же причинам – в Евпатории было малочисленное население, а Керчь еще рассматривалась как военная крепость.

Второй причиной бедственного состояния внешней торговли Крыма было то, что экономика региона еще долгое время находилась в весьма неприглядном положении, а с внутренними губерниями Российской империи было более выгодно торговать через порты Азовского моря, Херсон и Одессу.

Список использованных источников и литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XX. 1775–1780. – СПб., 1830. – 1034 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXI. С 1781 по 1783. – СПб., 1830. – 1083 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXII. С 1784 по 1788. – СПб., 1830. – 1168 с.
4. Государственный архив Республики Крым, ф. 799, оп. 1, д. 47. Дело о признании донна Винченца Музеита консулом от Сицилии во всех судебных местах. 31.07.1787 – 24.08.1787 г. л.
5. ГАРК, ф. 799, оп. 1, д. 110. Дело о признании консулом от Сицилии в Черноморских портах Винченция Музегена. 17.07.1787 г. 10 л.
6. ГАРК, ф. 799, оп. 1, д. 60. Дело о признании Иоганна Георга Виттерса агентом городов Люблин, Бремен, Гамбург и Гданск и об оказании ему в случае нужды и справедливых требований помощи. 29.11.1787 – 03.1788 г. 12 л.
7. Богатир В. В. Організація та діяльність комерційних судів Таврійської губернії (1819–1898 роки) / В. В. Богатир; за заг. ред. Зайчука О. В. – К. : СПД Чалчинська Н. В., 2014. – 164 с.

Zmerzly Boris. State measures on renewal of foreign trade of Crimea in 1780th // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2016. – T. 2 (68). № 4. – P. 15 – 20.

The article is sanctified to the study of the measures accepted by the Russian empire on renewal and development of foreign trade of Crimea after his joining. An accent is in-process done on the study of foreign trade agreements the Russian empire with the Ottoman empire, by Kingdom both Sicily, by the Austrian empire, France, Portugal and other states. By another direction of activity distinguished by us in renewal of foreign trade of Crimea in general and souths of empire in particular, creation in the basic trade outposts of Mediterranean of consular representative offices of different level became with providing their necessary states. On the other hand, the consular agents of the foreign states began to appear in the cities of region.

Keywords: foreign trade, Crimea, commercial treaties, consular agents.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. S 1649 goda. T. XH. 1775 – 1780. – SPb., 1830. – 1034 s.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. S 1649 goda. T. XHI. S 1781 po 1783. – SPb., 1830. – 1083 s.
3. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. S 1649 goda. T. XHII. S 1784 po 1788. – SPb., 1830. – 1168 s.
4. GARK, f. 799, op. 1, d. 47. Delo o priznanii dona Vinchenca Muzeita konsulom ot Sicilii vo vsekx sudebnyh mestah. 31.07.1787 – 24.08.1787 g. l.
5. GARK, f. 799, op. 1, d. 110. Delo o priznanii konsulom ot Sicilii v Chernomorskih portah Vinchenciya Muzgegeina. 17.07.1787 g. 10 l.
6. GARK, f. 799, op. 1, d. 60. Delo o priznanii Ioganna Georga Vittersa agentom gorodov Lyublin, Bremen, Gamburg i Gdansk i ob okazanii emu v sluchae nuzhdy i spravedlivyh trebovanij pomoshchi. 29.11.1787 – 03.1788 g. 12 l.
7. Bogatir V. V. Organizaciya ta diyal'nist' komercijnih sudiv Tavrijs'koj gubernii (1819 – 1898 roki) / V. V. Bogatir; za zag. red. Zajchuka O. V. – K. : SPD Chalchins'ka N. V., 2014. – 164 s.

УДК 340.12 (560): 348.97

«ЗАКОН О ЗЕМЛЕ» КРЫМСКОЙ АССР (1921 г.)

Кащенко С. Г., Таран П. Е.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассмотрен процесс нормативно-правового регулирования в Крыму после окончательного установления здесь советской власти, советских земельных преобразований. Поэтому проанализированы использовавшиеся для этого нормативно-правовые акты общегосударственного и регионального происхождения, значительно различавшиеся не только по своему происхождению, но и по юридическому значению, адресату, времени действия и содержанию. Обоснован вывод о том, что первоначально в это время на полуострове земельные преобразования осуществлялись на основе предписаний административных приказов Крымревкома. Показано, что в нормативно-правовом регулировании здесь земельных отношений значительные изменения произошли после того, как в мае 1921 года Совнарком РСФСР объявил о включении полуострова в ее состав, и об учреждении на нем Крымской автономной советской социалистической республики. Официально она была провозглашена 10 ноября 1921 года I всекрымским учредительным съездом советов. На этом съезде также были приняты ее конституция и «Закон о земле», вскоре утвержденные в Москве. Анализ этого закона свидетельствует о том, что он представлял собой комбинацию нормативных предписаний, почерпнутых не только из третьего земельного закона РСФСР, но и из утратившего к тому времени свое юридическое значение ее второго – «Основного закона о социализации земли» (1918 г.) и установлений других российских советских нормативных актов по земельному вопросу.

Ключевые слова: закон, приказ, постановление, съезд, план, Крымревком, совхозизация, автономная республика, юридическое значение, основной земельный фонд, нормативное предписание, трудовая норма, национализация.

В ноябре 1920 года в Крыму была окончательно установлена советская власть, начался «ревкомовский период» его истории, продолжавшийся до ноября 1921 года. Политотделами войск РСФСР здесь были созданы временные чрезвычайные административные органы советского управления – ревкомы разного уровня и их отраслевые отделы, в том числе земельные. Систему ревкомов на полуострове возглавил Крымский ревком (Крымревком). Свою власть он осуществлял с помощью административных приказов.

После окончательного установления на полуострове советской власти актуальным стал земельный вопрос, который сильно волновал местное безземельное крестьянство. 14 декабря 1920 года Крымревком издал приказ, который имел определяющее значение для первых земельных преобразований в Крыму в ревкомовский период. Он провозгласил национализацию всех бывших нетрудовых имений, но запретил под угрозой применения «решительных мер революционных законов военного времени» распределение этих земель среди трудового крестьянства. В национализированных имениях предписывалось создание совхозов и колхозов. К концу 1920 года Крымземотдел с помощью

местных ревкомов взял на учет 1134 национализированных бывших нетрудовых имений [1, с. 15]. Почти тысяча из них была превращена в совхозы, а на остальных землях стали создавать колхозы.

В советское время было принято обвинять Крымревком в том, что он по собственной инициативе, вопреки советскому земельному законодательству, осуществил на полуострове почти сплошную совхозизацию национализированных нетрудовых владений. Однако это не так: Крымревком этим лишь старательно проводил в жизнь перестройку земельных отношений на основе третьего земельного закона РСФСР. А он ставил как первоочередную задачу земорганов организацию в бывших нетрудовых владениях совхозов и колхозов [2, с. 418].

Проведенная Крымревкомом почти сплошная совхозизация национализированных нетрудовых владений вскоре убедила его руководителей в том, что это сделано неразумно: и крестьянство недовольно, и появилась реальная угроза того, что весной 1921 года останутся необработанными национализированные бывшие земли нетрудового пользования. Поэтому 2 января 1921 года он издал новый приказ, которым предоставил арендаторам бывших казенных, вакуфных, удельных и частнособственнических земель, теперь закрепленных за совхозами, право проводить на них весной «на один посев» сельскохозяйственные работы.

Одновременно Крымревком начал подготовку местного нормативного акта, который бы устанавливал иные, чем в статьях «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» (третьего земельного закона РСФСР 1919 года) принципы регулирования земельных отношений на полуострове. Обосновывалось это тем, что примечание к 3-й статье этого закона позволяет в порядке исключения отчуждать от предложенной в статье обязательной организации совхозов в нетрудовых земельных владениях [2, с. 418].

В результате 24 июля 1921 года появилось постановление Крымревкома «О наделении крестьян землей». В нем подчеркивалось, что оно является подзаконным актом, изданным в соответствии с земельным законом РСФСР, но не указывалось, в соответствии с каким – со вторым или с третьим законом, которые содержали в себе и некоторые противоположные установления относительно характера использования национализированных земель нетрудового пользования.

Важнейшим положением постановления Крымревкома, почерпнутым из «Основного закона о социализации земли» (второго земельного закона РСФСР 1918 года), было поручение Крымземотделу для «наилучшего обеспечения нуждающихся крестьян землей» создать земельный фонд «за счет сокращения земельной площади, занятой на сегодня советскими хозяйствами». В отличие и от второго, и от третьего земельных законов РСФСР постановление Крымревкома не предусматривало при наделении крестьян землей из этого фонда применение принципов уравнительного и трудового пользования, а предусматривалось «утверждение твердых норм землепользования в соответствии с действительными производственными возможностями крестьян» [3, с. 111–112] для их обработки на временной основе. Однако в чем ее продолжительность – не указывалось, но подчеркивалось, что она будет точно определена «особым земельным законом», который будет издан в Крыму.

10 мая 1921 года СНК РСФСР объявил о том, что Крым является частью РСФСР, и о том, что он решил создать на его территории автономную республику [4, л.1, 6, 36]. 18 октября 1921 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли совместное постановление, в котором говорилось: «Создать автономную ССР как часть РСФСР в границах Крымского полуострова» [5, л. 5].

10 ноября 1921 года Крымревком собрал в Симферополе I Всекрымский учредительный съезд советов, на котором было объявлено о создании Крымской АССР «по воле ее населения» и принята ее конституция. В 3-й статье этой конституции говорилось, что «республика принимает и вводит в действие на территории Крыма все законодательные акты РСФСР, как опубликованные, так и выданные в последствии, оставляя за собой право видоизменять их в соответствии с условиями и особенностями Крыма». Конституция стала высшим действующим республиканским нормативно-правовым актом после того, как была утверждена ВЦИК в Москве.

Хотя I Всекрымский учредительный съезд советов и объявил, что при проведении земельных преобразований на полуострове должны применяться установления действующего на то время третьего закона – «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», в принятом им «Законе о земле» это не было закреплено. В основу его легли нормы, почерпнутые не из этого положения, а переставшего действовать «Основного закона о социализации земли» и установления, явившиеся результатом собственного крымского правотворчества. Этот закон стал основным правовым источником для регулирования земельных отношений в Крымской АССР.

«Закон о земле» законодательно закрепил положение о создании в автономии специального фонда из земель бывших нетрудовых хозяйств для распределения их среди нуждающихся. По своим функциональным назначениям он должен был разделяться на основной и запасной. Основной предназначался «для обеспечения земель крестьян, которые в ней испытывали потребность» и тех совхозов, которые будут сохранены.

В запасной фонд должны были включиться только те нетрудовые земли, которые оставались свободными после наделения крестьян и совхозов. «Земли этого фонда, – говорилось в законе, – могут быть использованы для удовлетворения земельных потребностей татар, которые возвращаются в Крым после эмиграции в эпоху самодержавия, и иных групп тружеников, которые бедствуют без земли» [6, л. 80].

Крымский «Закон о земле» установил иной, чем Крымревком в своем постановлении от 24 июля 1921 года, порядок распределения среди крестьянских дворов земель нетрудового пользования. Как предусматривалось утратившим к тому времени свое юридическое значение вторым земельным законом РСФСР, распределение должно было осуществляться как основа уравнительности и не принимать во внимание наличие у крестьян необходимого для обработки полученной земли сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота.

Было также установлено, что наделение крымских крестьян землей должно осуществляться по примерным трудовым нормам наделения на одно среднее крестьянское хозяйство для 30 почвенно-климатических районов республики, представленных Крымнаркомземом на основе решений районных крестьянских

съездов. На I Всекрымском учредительном съезде они получили статус приложения к «Закону о земле». Было также определено, что среднее крестьянское хозяйство в степной части полуострова состоит из шести человек, в том числе трех трудоспособных, а в предгорном и горном регионах – из четырех–пяти человек (2, 5 трудоспособных).

В зависимости от почвенных и климатических условий, а также от характера обрабатываемых сельскохозяйственных культур, плотности населения, наличия в данной местности пригодных для обработки земель, утвержденные на съезде примерные трудовые нормы значительно отличались своими размерами. Для степной части Джанкойского округа примерная трудовая норма на одно среднее крестьянское хозяйство была определена в 36 десятин, а для северной части Феодосийского – в 40 десятин.

В восточной части Карасубазарского округа, где преобладали более плодородные земли, она составляла 28 десятин, а в его предгорной части с более плотным населением могла колебаться в пределах от 13,5 до 16 десятин. Иной характер в отношении их величины должны были носить примерные трудовые нормы в предгорных и горных районах полуострова, где основным занятием населения была обработка спецкультур. В этих районах они могли колебаться в следующих пределах: сада – от 0,8 до 1,7 десятин; виноградника – от 1 до 1,5 десятин; табачных плантаций – от 0,4 до 0,7 десятин; поливного огорода – до 0,6 десятин [7, л. 72–73].

Утвержденные I Всекрымским учредительным съездом советов принципы распределения земель среди крестьян и примерные районные трудовые нормы наделения на одно крестьянское хозяйство не вызвали возражений в Москве и были подтверждены специальным постановлением Федерального земельного комитета при ВЦИК [8, л. 1,2,3].

Особенностью крымского «Закона о земле» было и то, что он вопреки и второму, и третьему земельным законам РСФСР предусматривал возможность дополнительного, сверх примерной районной нормы, наделения, предоставление крестьянским дворам земельных участков в соответствии «с возможностями каждого крестьянского хозяйства и наличием вольных земель в этом районе» [6, л. 80].

Такое установление крымского «Закона о земле», хоть и не вписывалось в нормы второго и третьего земельных законов РСФСР, не было продуктом только крымского правотворчества: оно соответствовало предписанию декрета ВЦИК «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах» от 27 мая 1920 года.

Этот декрет предоставил земорганам РСФСР право по своему усмотрению закреплять землю за крестьянскими хозяйствами с интенсивной, по сравнению с иными, культурой сельскохозяйственного производства, сверх установленной нормы, но при наличии у них необходимых для обработки дополнительной земли средств производства. В декрете прямо указывалось, что при их наличии не следует уменьшать землепользование таких хозяйств до общих норм наделения, определенных для отдельных земобществ [9, с. 226].

Крымский «Закон о земле» также внес некоторые изменения в порядок наделения землей, предусмотренный «Основным законом о социализации земли» и постановлением Крымревкома «О наделении крестьян землей» от 24 июля 1921

года. В нем устанавливалось, что в первую очередь должны удовлетворяться потребности «не только приписанного к общинам населения, которое занималось сельскохозяйственным трудом в Крыму до 19 февраля 1918 года», но и «потребности эмигрантов-татар, которые начали заниматься земледелием после этого периода».

Только после этого, если оставалась нераспределенная земля нетрудового пользования, ее разрешалось использовать для наделения иного сельскохозяйственного населения, которое появилось на полуострове после указанного времени. Предоставление же земли местному некрестьянскому населению республики предусматривалось в последнюю очередь. А о предоставлении земли внекрымскому некрестьянскому населению в законе речи вообще не было [6, л. 80].

Важным подзаконным актом крымского «Закона о земле» следует считать постановление коллегии Крымнаркомзема от 29 ноября 1921 года «О порядке использования садовых участков площадью более 5 десятин», которые ранее находились в «общем владении нескольких особ, а теперь переданы в землеустроительный фонд».

Оно не противоречило новым земельным актам РСФСР по земельному вопросу, в частности декрету ВЦИК «Об увеличении размеров землепользования в трудовых хозяйствах» от 27 мая 1920 года [2, с. 226] и утвержденному 29 мая 1922 года ВЦИК «Закону о трудовом землепользовании», направленных на создание устойчивого крестьянского землепользования и на ограничение его переделов [9, с. 143].

Вскоре, после постановления коллегии Крымнаркомзема от 29 ноября 1921 года, управление землеустройства направило в земотделы предгорной и горной части республики инструкцию, в которой разъяснялись содержание и порядок реализации предписаний крымского «Закона о земле». В ней обращалось внимание на то, что садовые участки более 5 десятин, которые ранее находились в общем пользовании нескольких лиц, а ныне переданы в землеустроительный фонд, «с целью сохранения садовых культур и увеличения их доходности, в дальнейшем, до окончательного проведения в жизнь положения о социалистическом землеустройстве при отсутствии острой потребности местного населения, могут быть переданы в пользование бывшим собственникам на срок от 3 до 9 лет».

Единым ограничением при этом – часть соучастия каждого совладельца в переданном саду не должна была превышать 5-ти десятин. Предусматривалось также, что такая передача должна юридически оформляться специальным договором, примерный текст которого был разработан управлением землеустройства Крымнаркомзема и направлен земотделам [10, л. 13].

После I Всекрымского учредительного съезда советов в Крымской АССР в ходе реализации «Закона о земле» было резко сокращено число совхозов и размеры их землепользования. К концу 1921 года их осталось всего 138 с землепользованием в 132136 десятин [11, л. 5]. Совхозы были сохранены только в тех бывших имениях, которые могли иметь показательное значение для ведения сельскохозяйственного производства или имели в своем распоряжении особенно ценные большие участки спецкультур.

Большинство их размещалось в предгорной и горной части полуострова. Земли ликвидированных совхозов были переданы в основной земельный фонд. Всего в ликвидированных совхозах было изъято более 500000 десятин пахотных земель, 3005 десятин садов и 1519 десятин виноградников [12, л. 42].

Предусмотренное крымским «Законом о земле» наделение местных крестьян землей осуществлялось в ходе планомерно проведенного землеорганами землеустройства. В связи с этим управление землеустройства Крымнаркомзема составило «План землеустроительных работ на 1922 год», которым должны были руководствоваться окружные и районные земотделы [13, л. 115].

Осуществление этого плана должно было привести к значительному изменению земельных отношений в крымском селе и увеличению крестьянского землепользования за счет нетрудовых земель, к изменению социального облика многих крестьянских хозяйств. Однако этот план не был полностью выполнен. Помешали этому в первую очередь форс-мажорные обстоятельства – массовый голод в Крыму в 1922 году.

Список литературы

1. Государственный архив республики Крым (далее – ГАРК), ф. Р-460, оп. 1, д. 351. Материалы об обследовании земотделов. 18 октября 1922 г. – 17 декабря 1922 г. – 187 л.
2. Аграрная политика советской власти (1917–1918): Документы и материалы. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 551 с.
3. Ревкомы Крыма: Сборник документов и материалов. – Симферополь: Крым, 1968. – 243 с.
4. ГАРФ, ф. Р-130, оп. 2, д. 18. О создании автономной Крымской республики. 18 июня 1921 г. – 26 декабря 1921 г. – 86 л.
5. ГАРФ, ф. Р-1235, оп. 96, д. 736. Протоколы заседаний ВЦИК. 19 ноября 1920 г. – 18 ноября 1921 г. – 446 л.
6. ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 53. – Стенограмма V областной партийной конференции и материалы к ней. 4 ноября 1921 г. – 6 ноября 1921 г. – 91 л.
7. ГАРК, ф. 150, оп. 1, д. 213. Планы сборника статей, документов и воспоминаний. 8 января 1935 г. – 6 марта 1936 г. – 167 л.
8. ГАРФ, ф. Р-1243, оп. 1, д. 4. Доклады о положении в Крыму. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР. 19 марта 1919 г. – 26 марта 1924 г. – 226 л.
9. Собрание узаконений. – 1920. – № 35.
10. ГАРК, ф. Р-30, оп. 3, д. 1. Копии постановлений СНК Крыма по землеустройству, инструкции о передаче садов бывшим владельцам во временное пользование. 1 декабря – 30 декабря 1921 г. – 214 л.
11. ГАРК, ф. Р-460, оп. 1, д. 351. Материалы об обследовании земотделов. 18 октября 1922 г. – 17 декабря 1922 г. – 187 л.
12. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 34. Переписка с Наркоматом земледелия. 27 октября 1921 г. – 16 января 1923 г. – 401 л.
13. ГАРК, ф. Р-30, оп. 3, д. 2. Отчет о деятельности управления землеустройства. План по проведению землеустройств в Крыму. 1921–1922 гг. – 206 л.

Kashchenko S. G., Taran P. Y. The Land Law of Crimean ASSR (1921) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – С. 21–27.

The article describes the process of legal regulation in the Crimea after the final establishment of Soviet power and the Soviet land reform here. Therefore, the authors analyzed national and regional legal acts which vary significantly, not only in its origin, but also on the legal value, destination, time, action and maintenance. It concluded that originally at this time on the peninsula the land reforms were carried out on the basis of regulations of administrative orders of the Crimean Revolutionary Committee. It is shown that the significant changes in the legal regulation of land relations have occurred since May 1921 when Council of People's Commissars of the RSFSR declared the inclusion of the peninsula in its composition, and the establishment of Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic. It was officially proclaimed on November 10, 1921 by the I Crimean Constituent Congress of Soviets. In this congress were also adopted its Constitution and the "Land law", which were soon adopted in Moscow. An analysis of this law shows that it was a combination of legal prescriptions, taken not only from the third land law of the RSFSR, but also from "The Basic Law on the so-

cialization of the land" (1918) which had been repealed by this time and from the prescriptions of other Russian Soviet regulations on the land issue.

Key words: Law, order, decree, congress, plan, Crimean Revolutionary Committee, autonomous republic, legal meaning, the main land fund, the standard prescription, labor standard, nationalization.

References

1. GARK, f. R-460, op. 1, d. 351. Materialyi ob obsledovanii zemotdelov. 18 oktyabrya 1922 g. – 17 dekabrya 1922 g. – 187 l.
2. Agrarnaya politika sovetской vlasti (1917-1918): Dokumentyi i materialyi. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. – 551 s.
3. Revkomyi Kryima: Sbornik dokumentov i materialov. - Simferopol: Kryim, 1968. – 243 s.
4. GARF, f. R-130, op.2, d.18. O sozdanii avtonomnoy Kryimskoy respubliki. 18 iyunya 1921 g. – 26 dekabrya 1921 g. – 86 l.
5. GARF, f. R-1235, op.96, d.736. Protokolyi zasedaniy VTsIK. 19 noyabrya 1920 g.-18 noyabrya 1921 g. – 446 l.
6. GARK, f. 1, op. 1, d. 53. – Stenogramma V oblastnoy partiynoy konferentsii i materialyi k ney. 4 noyabrya 1921 g. – 6 noyabrya 1921 g. – 91 l.
7. GARK, f. 150, op. 1, d. 213. Planyi sbornika statey, dokumentov i vospominaniy. 8 yanvarya 1935 g. – 6 marta 1936 g. – 167 l.
8. GARF, f. R-1243, op.1, d.4. Dokladyi o polozhenii v Kryimu. Postanovleniya VTsIK i SNK RSFSR. 19 marta 1919 g. – 26 marta 1924 g. – 226 l.
9. Sobranie uzakoneniy. – 1920. – № 35.
10. GARK, f. R-30, op. 3, d. 1. Kopii postanovleniy SNK Kryima po zemleustroystvu, instruksii o peredache sadov byivshim vladeltsam vo vremennoe polzovanie. 1 dekabrya – 30 dekabrya 1921 g. – 214 l.
11. GARK, f. R-460, op. 1, d. 351. Materialyi ob obsledovanii zemotdelov. 18 oktyabrya 1922 g. – 17 dekabrya 1922 g. – 187 l.
12. GARK, f. R-652, op. 1, d. 34. Perepiska s Narkomatom zemledeliya. 27 oktyabrya 1921 g. – 16 yanvarya 1923 g. – 401 l.
13. GARK, f. R-30, op. 3, d. 2. Otchet o deyatelnosti upravleniya zemleustroystva. Plan po provedeniyu zemleustroystv v Kryimu. 1921–1922 gg. – 206 l.

УДК 378.147

**ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ У
БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН НА
ОСНОВЕ ПРАКТИКУМА «ПРАВОВЫЕ КАЗУСЫ И СПОСОБЫ ИХ
РЕШЕНИЯ»**

Соколова Н. В.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Шадринский государственный педагогический университет» (г. Шадринск)*

В статье описывается опыт изучения правовых дисциплин в педагогическом вузе, основанный на правовых ситуациях, разрешённых стажёрами «Юридической клиники» гуманитарного факультета педагогического вуза. Разработанный автором статьи практикум «Правовые казусы и способы их решения» позволил включить в учебные планы Шадринского государственного педагогического университета по педагогическим направлениям обучения «История и право», а также «Правоведение и правоохранительная деятельность» специальный практический курс «Решение правовых казусов», который позволяет существенно повысить результативность правового обучения, т. е. сформировать компетенции правоприменения. Приводятся данные об оценке эффективности практико-ориентированности обучения по правовым дисциплинам студентами вуза. Автор полагает, что решение жизненных правовых казусов в процессе обучения студентов вуза является средством формирования практических компетенций студентов.

Ключевые слова: формирование компетенций правоприменения, юридическая клиника, учителя права, практико-ориентированное образование.

Введение.

В современной образовательной системе серьёзное внимание уделяется не только обогащению познания каждого обучающегося, но и в обязательном порядке получению в процессе обучения навыков применения полученных знаний на практике. При получении педагогического образования по правовым направлениям обычно не предъявляется к выпускникам жёстких требований к умению применять правовые нормы. Однако учить праву и не уметь его применять – нонсенс. Тем более что в условиях правового государства, где каждому человеку приходится сталкиваться с правовыми ситуациями постоянно, не уметь пользоваться нормами права не только становится стыдно, но и, что вполне естественно, даже невыгодно.

Формулировка цели статьи.

Целью данного материала является анализ результативности экспериментального курса «Решение правовых казусов», включённого в учебные планы образовательного процесса гуманитарного факультета Шадринского государственного педагогического университета при обучении по педагогическим направлениям. В процессе исследования проверена результативность учебного курса, в том числе и при обучении студентов по направлениям, не связанным с правовыми профилями.

Изложение основного материала статьи.

Изменение направления развития системы образования напрямую связано с изменением политики России в области образования.

В «Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы» подчёркивается необходимость направления усилий государства и образовательных учреждений на личностно-ориентированное, практиконаполненное образование [1]. Особенно важное значение при этом рекомендуется обратить на подготовку педагогических кадров [1].

При постановке проблемы компетентностного подхода к образовательному процессу и её решению следует особо отметить необходимость направления усилий педагогов на формирование способности самостоятельно, под контролем и при помощи компетенций, имеющихся у преподавателя, достигать конкретных практических результатов в той или иной сфере деятельности, в которой возможно использование интеллектуальных возможностей обучающегося. При этом чрезвычайно важно создать в процессе обучения такие условия, которые позволят самому обучающемуся, используя опыт предыдущих поколений, научиться самостоятельно решать коммуникативные, познавательные, нравственные, организационные и прочие проблемы, составляющие, по существу, содержание профессионального образования. Таким образом, при знаниевом подходе, в первую очередь, решается проблема закрепления полученных при обучении знаний, а компетентностный подход формирует навыки их использования и представляет собой смысловую составляющую всего образовательного процесса.

Переход на компетентностное обучение регламентирован и на законодательном уровне, предусматривающем направленность образовательного процесса на приобретение совокупности «знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объёма и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [3].

Процесс профессионального обучения, основанный только на передаче знаний, добытых в процессе жизни общества, к сожалению, не столь результативен, как того хотелось бы, что подтверждается и мнением самих обучающихся [5, с. 103], которые отмечали как более результативные такие методы образовательного процесса, которые включают в себя оба подхода к образовательному процессу: знаниевый и деятельностный, выводя на первые позиции такие формы, как:

- лекции, сопровождающиеся визуализацией материалов в презентации, с приведением конкретных практических примеров, со стороны преподавателя и конспектированием лекций студентами;
- семинары, в процессе которых происходит диалог по изучаемой тематике между всеми субъектами образовательного процесса, в том числе и в форме интерактивной игры, обеспечивающей вовлечённость студентов в моделирование практической правовой ситуации;
- самоподготовка, связанная с вовлечённостью обучающихся в процесс получения знаний – подготовка презентаций по вопросам тематики и самостоятельное изучение норм права в условиях погружения самого студента в правовой казус.

Следует подчеркнуть, что студенты очень высоко оценили эффективность получения правовых знаний в процессе работы в юридических клиниках. Естественно, оказание бесплатной правовой помощи более свойственно юридическим клиникам, создаваемым в вузах, обучающих юристов, а не педагогов в области правовых дисциплин, тем более что федеральное законодательство не предусматривает в настоящее время возможности создания юридических клиник в вузах других направлений обучения [2]. Однако юридические клиники в педагогических вузах, созданные до вступления в силу этого закона, существуют до настоящего времени и не воспользоваться практической составляющей результатов их деятельности было бы просто нерационально.

Юридическая клиника в Шадринском государственном педагогическом университете существует с 2008 года и результаты её деятельности бесспорно свидетельствуют о реальном формировании компетенции правоприменения у её стажёров, поскольку в процессе работы им приходится разрешать правовые ситуации по отраслям права, которые даже не включены в учебные планы по их направлениям обучения.

В настоящее время практически каждое направление образования включает изучение, как минимум, курса «Правоведение», а также отдельных отраслей права в зависимости от направления обучения. Именно поэтому получение навыков применения норм права очень полезно.

Например, в рамках обучения по медицинским направлениям в обязательном порядке изучается «Медицинское право», которое невозможно понять и научиться применять, не основываясь на практических примерах из жизни. Именно такие примеры можно получить, обратившись к опыту юридических клиник. Так, в Юридическую клинику ШГПУ обратилась молодая женщина, перенесшая операцию по удалению аппендикса. Спустя почти 15 лет после операционного вмешательства при ультразвуковом исследовании обнаружилось, что в её организме отсутствует один из яичников, что создало в её жизни серьёзные проблемы с деторождением. Работа над этой нетипичной ситуацией не только обогатила опыт будущих учителей права, но и в настоящее время используется в качестве учебной практической задачи в процессе обучения среднего медицинского персонала в Шадринском филиале Курганского базового медицинского колледжа.

Внедрение в образовательный процесс педагогического вуза учебной дисциплины «Решение правовых казусов» позволяет на основе правовых казусов, разрешённых стажёрами Юридической клиники, научить студентов практически любых направлений обучения разрешать правовые ситуации, которые могут возникнуть в их жизни и профессиональной деятельности. В качестве методического обеспечения дисциплины используется практикум «Правовые казусы и способы их решения». Данное учебное пособие используется при преподавании как общеправовых дисциплин, так и специальных правовых дисциплин по разным отраслям права. В частности, практикум содержит разделы правовых казусов по вопросам административной ответственности за совершение правонарушений, жилищному праву, в том числе по вопросам оказания жилищно-коммунальных услуг, по земельным, имущественным, налоговым, наследственным, образовательным, семейным, страховым, трудовым спорам и по казусам о защите прав потребителей и вытекающим из обязательств по причинению вреда. Такой

широкий спектр казусов по различным отраслям права позволяет сформировать практические навыки (компетенции) комплексного разрешения правовых ситуаций у широкого круга обучающихся. Причём обращение к содержанию обеих частей Практикума (1 часть – непосредственно казусы, к каждому из которых прилагается алгоритм его разрешения и список нормативно-правовой базы, необходимой для правового анализа описанной ситуации, 2 часть содержит результаты реальной работы по описанным в 1 части правовым казусам, проведённой стажёрами «Юридической клиники» ШГПУ) позволяет не только научиться выстраивать правильный и эффективный алгоритм действий при поиске рациональных способов правового решения проблемы, а также составлять в соответствии с нормами процессуального законодательства правоприменительные документы, позволяющие добиться желаемого законного результата, но и сравнить качество своей работы с результативностью реальной работы стажёров юридической клиники, которым удалось добиться решения проблемы в интересах обратившегося за бесплатной юридической помощью гражданина [4].

В 2016–2017 учебном году правовые казусы, содержащиеся в Практикуме, использовались как на очном, так и на заочном отделениях гуманитарного факультета по профилям обучения «История. Право», «Правоведение и правоохранительная деятельность». Кроме того, отдельные разделы использовались при проведении учебных занятий на факультете математики, информатики и физики, а также по направлениям изучения иностранных языков гуманитарного факультета вуза.

Алгоритм решения правовых казусов, по мнению автора, должен включать следующие этапы самостоятельной исследовательской деятельности:

- внимательное изучение фабулы казуса, уточнение проблемы и её деталей;
- определение вида правоотношений, установление участников правоотношения и заинтересованных лиц;
- анализ содержания правоотношения, изложенного в казусе;
- подбор нормативно-правовой базы, регулирующей проблемные правоотношения;
- вдумчивое изучение применимого законодательства;
- уяснение проблемы с учётом изученной правовой базы, составление разъяснения, позволяющего систематизировать полученную в процессе исследования информацию (для облегчения понимания казуса можно составить схему исследуемого правоотношения);
- анализ имеющихся нарушений прав участников правоотношения;
- определение органов, имеющих полномочия по разрешению данных споров;
- на основе полученной информации поиск вариантов урегулирования проблемы и выбор способа решения казуса, при котором проблема разрешается наиболее выгодно для носителя проблемы;
- анализ судебной практики и норм процессуального права, применимых к казусу;
- если в предложенном способе решения проблемы необходима уплата госпошлины, изучение норм Налогового кодекса РФ;
- составление правоприменительных документов с учётом требований процессуального права;

- проверка правильности разрешения казуса с обращением к ч. 2 Практикума и глубокий самоанализ работы студента по разрешённому казусу.

Следует подчеркнуть, что, используя предлагаемый алгоритм действий по правовым казусам, используя современную информационную правовую базу, студенты всех направлений обучения получают реальные компетенции применения норм права.

При опросе студентов дневной формы обучения, независимо от профилей обучения, все подчёркивали, что обучение с применением Практикума, содержащего реально возникавшие в жизни людей ситуации, является эффективным средством, способным более серьёзно организовать процесс обучения праву, даже если это направление обучения не является основным для обучающихся. Около 80 % студентов отметили, что, в случае возникновения в их жизни проблем, связанных с применением норм права, первоначально постараются разобраться в ситуации самостоятельно.

Очень показательно в этом плане мнение студентов заочного отделения, которые безапелляционно заявили, что данная учебная дисциплина очень необходима в процессе обучения, поскольку позволяет систематизировать полученные знания и научиться их применять в жизни. Все заочники полагают, что учебная нагрузка по этой дисциплине должна быть увеличена, чтобы все обучающиеся могли получить реальные практические навыки, которые обязательно пригодятся им как в реальной жизни, так и в профессиональной деятельности.

Следует также подчеркнуть, что даже в процессе изучения общеправовых дисциплин вполне реально научить студента не только заучивать то, чему посвящена учебная дисциплина, но и не бояться искать пути решения правовых проблем.

Именно такой подход к изучению права был апробирован уже в течение 2 лет на языковых профилях обучения ШГПУ. В образовательный процесс студентов, изучающих иностранные языки, при преподавании права вообще не были включены столь привычные для всех обучающихся в высших учебных заведениях лекции, весь процесс обучения построен только из семинарских занятий в компьютерном классе, когда сочетаются одновременное изложение информации о правовом регулировании различных отраслей права преподавателем и непосредственный контакт обучающихся с нормативно-правовой базой по изучаемой отрасли права и решением практических задач по исследуемой проблематике. В процессе изучения права применялся также нетрадиционный способ проверки глубины полученных знаний с использованием игровых технологий, который позволил ещё более заинтересовать обучающихся в получении новой информации.

Кроме того, параллельное разрешение в процессе обучения студентов тех правовых проблем, которые возникают у студентов, и реальное использование ими найденных способов решения, ещё более способно повысить не только заинтересованность студентов в изучении этой дисциплины, но и уверенность в своих силах. Так, при изучении правоведения одной из студенток 1 курса был задан вопрос о правомерности действий представителей перевозчика, возложившего на пассажира обязанность по провозу багажа в автобусе дальнего следования. Первоначально данный казус был разрешён стажёрами «Юридической клиники» (было составлено подробное разъяснение со ссылками на необходимые нормы

права), затем при проведении семинарского занятия студенты, используя необходимый правовой механизм, самостоятельно смогли найти ответ на поставленный вопрос и предложить способ защиты интересов пассажира. В дальнейшем девушка многократно пользовалась найденным способом защиты своих интересов при поездках.

Аналогичные навыки формируются также и при изучении дисциплины «Защита прав потребителей», когда студенты так же на основе казусов по соответствующим правоотношениям, содержащимся в Практикуме, формируют навыки защиты своих прав в реальности.

Выводы.

Таким образом, правильное комплексное решение правовых казусов в процессе изучения правовых дисциплин позволяет сформировать уверенность студента в своих силах, а также преодолеть психологический барьер использования полученных знаний на жизни, т. е. практико-ориентированный характер правового обучения – залог эффективности образовательного процесса.

Список литературы

1. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р. URL: <http://www.docme.ru/doc/1011918/konceptsiya-fcp-razvitiya-obrazovaniya-2016-2020> (дата обращения 7.11.2016).
2. Российская Федерация. Законы. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=189813&rnd=228224.2281132327&from=121887-0#0> (дата обращения 7.11.2016).
3. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (от 03.07.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения 7.11.2016).
4. Соколова Н. В. Правовые казусы и способы их решения : практикум. В 2 ч. – Шадринск: ШГПУ, 2016.
5. Соколова Н. В. Практическая составляющая образовательного процесса при подготовке учителей права как залог его высокой эффективности: на практике ШГПУ // Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология. – Ялта: РИО ГПА, 2016. – Вып. 53. – Ч. 11. – С. 98–106.

Sokolova N. V. Forming jurisdictions of applications right for future teachers at the study of legal disciplines on the basis of practical work «legal incidents and methods of their decision // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – P. 28–34.

The article describes the experience of studying Law in a Pedagogical University, based on the legal cases, resolved by the Humanities Faculty Legal Clinic trainees. The author of the article designed the training workshop «Legal Cases and Ways of Solving Them» that led to the introduction of the specific practical course «Solving Legal Cases» into the curricula of the Shadrinsk State Pedagogical University of «History and Law», «Law Studies and Law Enforcement» areas of instruction. The above mentioned course makes it possible to significantly increase the effectiveness of students' legal education, thus developing students' law enforcement competences. The author cites the data on the university students' evaluation of practice-oriented legal education effectiveness. The author believes that the solution of real-life legal incidents in the process of studies is a tool of developing students' practical competences.

Keywords: developing law enforcement competences, Legal clinic, a teacher of Law, practice-oriented education.

References

1. Kontsepsiya Federalnoy tselevoy programmy razvitiya obrazovaniya na 2016–2020 gody [Elektronnyiy resurs]: utverzhdena rasporyazheniem Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 29 dekabrya 2014 g. № 2765-r. URL: <http://www.docme.ru/doc/1011918/koncepciya-fcp-razvitiya-obrazovaniya-2016-2020>.
2. Rossiyskaya Federatsiya. Zakonyi. O besplatnoy yuridicheskoy pomoschi v Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyiy resurs]: Federalnyiy zakon ot 21.11.2011 N 324-FZ (red. ot 28.11.2015). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=189813&rnd=228224.2281132327&from=121887-0#0> (data obrascheniya 7.11.2016).
3. Rossiyskaya Federatsiya. Zakonyi. Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyiy resurs]: Federalnyiy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (ot 03.07.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/
4. Sokolova N.V. Pravovyye kazusy i sposoby ih resheniya : praktikum. V 2 ch. – Shadrinsk: ShGPU, 2016.
5. Sokolova N.V. Prakticheskaya sostavlyayuschaya obrazovatel'nogo protsessa pri podgotovke uchiteley prava kak zalog ego vyisokoy effektivnosti: na praktike ShGPU // Problemyi sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Ser. Pedagogika i psihologiya. – Nauchnyiy zhurnal. – Yalta. RIO GPA, 2016. – Vyip. 53. – Ch. 11. – S. 98–106.

УДК 342.41(470)

ИЗМЕНЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА АВТОНОМНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РФ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.

Шармоянц А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуются изменения правового статуса автономных образований РФ как субъектов нормотворческой деятельности в начале 1990-х гг. после развала Советского Союза. Анализируются полномочия нормотворческих органов автономных образований по Конституции РФ и другим нормативно-правовым актам того периода. Правовой статус автономных образований как субъектов нормотворческой деятельности рассматривается через происходившие изменения правового статуса путем разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации. Рассматриваются преимущества и недостатки договоров и соглашений как правовой формы разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и регионами.

Ключевые слова: субъект нормотворческой деятельности, нормотворческие органы, автономия, разделение полномочий, конституция, нормотворчество, правовой статус, нормотворческие полномочия, нормативно-правовые акты.

Целями работы являются изучение изменения правового статуса автономных образований РФ в начале 1990-х гг.; анализ полномочий нормотворческих органов автономных образований по Конституции РФ и другим нормативно-правовым актам того периода, изменений правового статуса через разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации; рассмотрение преимуществ и недостатков договоров и соглашений как правовой формы разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и регионами в 1990-х гг.

При этом автор учитывает исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: С. А. Авякян, Л. Ф. Болтенковой, С. В. Иванова, Б. А. Кутафина, В. А. Кряжкова, Г. Марченко, О. Е. Страшуна, И. А. Умновой, М. Шухрай и др. Однако в работах названных исследователей подробный анализ рассматриваемого нами вопроса в должной мере не проводился.

После распада Советского Союза и образования Российской Федерации в стране начали проводиться масштабные преобразования правовой системы, затронувшие все без исключения сферы жизни образовавшегося государства. К этому периоду в Российской Федерации структура и состав автономных образований, а также статус нормотворческих органов автономных образований через сферу их нормативно-правового регулирования претерпели значительные изменения. Подобные преобразования были связаны с принятой 26 июня 1990 г. Декларацией о государственном суверенитете Российской Федеративной Социалистической Республики, которая провозглашала необходимость

существенного расширения прав всех входящих в РСФСР образований. Практическое воплощение эта установка получила в принятом 24 мая 1991 г. Законе РСФСР, который переименовывал автономные советские социалистические республики и автономные области (за исключением Еврейской автономной области) в советские социалистические республики [1], а также в принятом 31 марта 1992 г. Федеративном договоре «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации». Таким образом, в структуре автономных образований Российской Федерации, после обретения независимости, осталось только два вида автономий – автономная область и автономные округа. Исходя из принятых нормативно-правовых актов правовой статус нормотворческих органов автономной области и автономных округов, по сравнению с Советским периодом, претерпел кардинальные изменения в сторону расширения сфер правового регулирования. Прежде всего, подобное расширение связано с изменением правового статуса самих автономных образований. Принятые нормативно-правовые акты законодательно оформили новый государственно-правовой статус автономной области и автономных округов [2]. Положение Конституции 1978 г. о вхождении автономной области, автономных округов в состав краев и областей, носившее императивный характер, теперь, в соответствии с внесенными изменениями, стало диспозитивным и предоставляло автономной области и автономным округам право выхода из состава области, края и непосредственно входить в состав Российской Федерации (в октябре 1991 г. Еврейская автономная область воспользовалась своим правом и вышла из состава Хабаровского края, а в 1992 г. Чукотский автономный округ вышел из состава Магаданской области). Если в Советский период сфера ведения и нормативно-правового регулирования автономных областей и округов формировалась скорее по остаточному принципу (все, что не успело охватить нормотворчество центральных органов власти и включающих краев и областей регулировалось нормотворчеством автономий; нормативно-правовой акт, не зависимо от сферы правового регулирования, принятый нормотворческими органами автономных образований, не должен был противоречить актам вышестоящих органов), то после принятия федеративного договора о разграничении предметов ведения и полномочий объем полномочий нормотворческих органов автономий существенно расширился. В договоре предусматривалось разграничение сфер правового регулирования всех вопросов функционирования государства между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов на: исключительный предмет ведения Федеральных властей; смешанный предмет ведения Федеральных властей и автономной области, автономных округов; исключительный предмет ведения субъектов Федерации. К исключительной сфере правового регулирования автономной области и автономных округа относились все вопросы, не вошедшие в две первые группы.

Исключительные полномочия автономных образований определены их уставами на основе Конституции Российской Федерации и Федеративного договора, установленный перечень не является исчерпывающим и может быть расширен в дальнейшем, если это не будет противоречить Конституции.

Примечательно, что при определенных обстоятельствах, а именно когда нормативно-правовой акт субъекта Федерации, изданный по исключительному предмету ведения субъекта, противоречит Федеральному закону, Федеративный договор признает более высокую юридическую силу за актами автономной области, автономных округов.

Таким образом, автономная область и автономные округа, относившиеся прежде скорее к административно-территориальным единицам, с заключением данного договора приобрели выраженные черты субъектов Федерации.

Статус автономной области и автономных округов как равноправных субъектов Федерации, включая их взаимоотношения с федеральными органами государственной власти, равноправие при нахождении в составе сложносоставного субъекта федерации с краем, в который они входят, были окончательно закреплены Конституцией РФ от 25 декабря 1993 г. О реальности такого равноправия в рамках сложносоставного субъекта свидетельствовал заключенный на трехсторонней основе «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Пермской области и органами государственной власти Коми-Пермяцкого автономного округа» [3]. Также, после принятия Конституции, правовой статус нормотворческих органов автономных округов и автономной области был повышен за счет закрепления за ними права принимать законы по смешанному предмету ведения Федеральных властей и властей автономной области, автономных округов и исключительному предмету ведения властей автономий.

Важное место в нормотворчестве автономных образований в начале 1990-х занимали договоры с федеральными органами власти. У принятых в это время Федеративных договоров, не смотря на явный прогресс в области упорядочивания взаимоотношений центра с автономиями, были и существенные недостатки. В рамках заключенного договора было невозможно предусмотреть и учесть все особенности автономной области и каждого из десяти автономных округов, которые существенно различаются по уровню социально-экономического развития. С учетом вхождения девяти автономных округов в состав сложносоставных субъектов (на тот период) различается и степень их интеграции в правовое пространство включающих краев и областей.

Подписанный субъектами Российской Федерации 31 марта 1992 г. в Москве Федеративный договор был включен в текст действовавшей тогда Конституции в качестве ее составной части. В Конституции РФ 1993 г. он упоминается в числе договоров, регулирующих вопросы разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов (ч. 3 ст. 11 Конституции РФ). Из данной нормы вытекает возможность заключения индивидуальных двусторонних договоров между Российской Федерацией в целом и автономной областью, автономными округами, а также остальными субъектами федерации.

Следует отметить, что именно такие индивидуальные договоры о разграничении полномочий, как акты совместного нормотворчества федеральных органов власти и автономных образований, сыграли очень важную роль в

формировании статуса нормотворческих органов автономных образований в Российской Федерации.

Практика распределения нормотворческих функций через заключение подобных индивидуальных договоров, получившая широкое распространение особенно в первые годы после обретения Российской Федерацией независимости, вызвало в научных кругах, рассматривающих данную проблему, весьма противоречивое отношение к ним.

Так, С. М. Шухрай утверждает, что реальная жизнь значительно опережает темпы развития федеративного нормотворчества, и именно договоры способны заполнить возникающие пробелы в законодательстве по наиболее жизненно важным вопросам [4, с. 158].

Аналогичной точки зрения придерживалась и Л. Ф. Болтенкова, которая считает, что распределение нормотворческих функций через заключение подобных индивидуальных договоров создает гибкую модель федерализма и позволяет учитывать и согласовывать как интересы Федерации в целом, так и ее субъектов.

Однако в научных кругах существовала и другая точка зрения по отношению к практике договорного нормотворчества. Так, Г. Марченко писал, что договорный процесс положил начало «эрозии российского государства как конституционной федерации» и постепенно превращает его в «договорное конфедеративное объединение разностатусных квазигосударств» [5]. Порочной, пагубной для развития федеративных отношений в российском государстве признает договорную практику В. В. Иванов [6, с. 12].

И. А. Умнова писала о том, что основной тенденцией развития договорных форм регулирования является «разрушение “договорным правом” российской конституционно-правовой системы и вымывание договорами элементов государственного суверенитета Российской Федерации». Она подчеркивала, что в результате договорного перераспределения установленных Конституцией РФ предметов ведения и полномочий Российская Федерация «теряет важные элементы государственного суверенитета», поскольку, во-первых, подрывается авторитет Конституции, во-вторых, Федерация фактически сама себя лишает значительного числа «сфер влияния» и полномочий, зачастую составляющих основы федеральной Конституции: «Появление двусторонних договоров, самостоятельно существующих наряду с Конституцией в федеративном государстве, отрицает его природу как конституционного или конституционно-договорного государства, где Конституции отдается приоритет над договором. Неоправданно широкое использование данной правовой формы доказывает негативную роль в разрушении конституционно-правовой системы разграничения предметов ведения между Федерацией и ее субъектами. Основная особенность ревизии конституционно-установленных предметов ведения выражается в несоблюдении юридических канонических формализации и пределов регулирования» [7, с. 170–171]. В другой работе И. А. Умнова подчеркивает, что «договоры и соглашения как правовая форма разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти должны использоваться как дополнительная форма в том случае, если закон явно недостаточен для урегулирования отношений» [8, с. 43].

К недостаткам договорных форм регулирования можно отнести и то, что наличие таких индивидуальных договоров о разграничении полномочий не

способствовало соблюдению задекларированного в Конституции РФ принципа равноправия субъектов федерации, а многие их положения носили откровенно декларативный характер. Как правило, для присутствовавших в договорах положений не был предусмотрен механизм их реализации. Обозначенные недостатки усугублялись еще и присутствием в договорах расплывчатых формулировок, допускающих двоякое толкование содержания некоторых положений. Все это в совокупности не позволяло эффективно использовать потенциал, заложенный в данном виде нормотворчества, но в то же время помогло пережить сложные времена, справиться с региональным сепаратизмом и сохранить единство государства.

Автор солидарен с мнением О. Е. Кутафина о том, что договоры о разграничении предметов ведения и полномочий имели изначально временный характер и отражали сложности перехода унитарного государства к федеративному и федеративным отношениям. И как только в России сложится целостная система федерального и регионального законодательства, стабилизируются экономические и политические условия, отпадет и необходимость в такого рода договорах. Вопросы разграничения предметов ведения и полномочий будут регулироваться, как в других федеративных государствах, законодательством, которое будет в полной мере отражать региональную специфику [9, с. 322].

Следует заметить, что к концу 1990-х вместе с усилением позиций федеральной власти стала меняться и ситуация с индивидуальным договорным нормотворчеством. Руководители субъектов Федерации, подавляющее большинство которых считали, что индивидуальное договорное нормотворчество необходимо, изменили свое мнение на этот счет. Так, уже в июле 2001 г. губернаторы Пермской, Ульяновской и Нижегородской областей, а также Президент Республики Марий-Эл заявили о намерении добровольно расторгнуть договоры о разграничении предметов ведения и полномочий с федеральным Центром. Свое решение они объяснили «целями обеспечения верховенства Конституции и федеральных законов».

Споры о пользе договорного нормотворчества обозначили и другой не менее спорный вопрос относительно места и юридической силы актов совместного договорного нормотворчества в системе нормативно-правовых актов Российской Федерации. Нередко происходило так, что некоторые положения договоров о разграничении полномочий явно противоречили Конституции РФ или отдельным федеральным законам. На начало 2001 г., помимо Федеративного договора, федеральным центром было заключено 42 договора о разграничении предметов ведения и полномочий с 46 субъектами Российской Федерации [10, с. 73], из которых, по заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации, только 4 полностью соответствуют Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству. В большинстве заключенных договоров осуществлялось перераспределение установленных Конституцией Российской Федерации предметов ведения и полномочий: предметы исключительного федерального ведения передавались в совместное ведение и исключительное ведение субъектов Федерации, а предметы совместного ведения – в исключительное ведение субъектом Российской Федерации.

Интересную позицию в этом вопросе занимал Б. А. Страшун. «На практике, – пишет он, – договорами нередко изменяется разграничение компетенции Российской Федерации и ее субъектов, установленное статьями 71–73 федеральной Конституции. Оно имеет преимущество перед разграничением, содержащимся в Федеративном договоре. Отсюда следует, что положения соответствующих договоров имеют более высокую юридическую силу, чем упомянутые статьи Конституции, не говоря уже о положениях Федеративного договора. Такой вывод вытекает из ч. 3 ст. 11, находящейся в главе 1, которая представляет собой как бы Конституцию в Конституции, ибо ее юридическая сила выше, чем у остальной части Конституции. Следовательно, отступления в договорах от норм статей 71–73 Конституции нельзя рассматривать как ее нарушение». Б. А. Страшун согласен с тем, что «конституционный способ разграничения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами имеет приоритет перед договорами, но выражается это только в том, что договорное разграничение компетенции опирается на положение части 3 статьи 11 Конституции. «Отсюда, – считает он, – отнюдь не следует, что договоры, о которых идет речь в части 3 статьи 11, обладают меньшей юридической силой, чем федеральный закон» [9, с. 319].

С точки зрения В. А. Кряжкова, юридическая сила договора, при надлежущей процедуре его заключения, должна быть ниже Конституции, но выше закона, так как в ином случае любые договоренности можно будет нарушить федеральным законом, что в свою очередь сведет на нет весь смысл договорного регулирования [11, с. 9].

С. А. Авякян, Б. С. Крылов, О. Е. Кутафин и многие другие авторы, исходя из превалирования Конституции над всеми другими правовыми актами, полагают, что договоры должны занимать подчиненное по отношению к Конституции и федеральным законам положение [9, с. 323]. Эта позиция видится нам более близкой, так как в п. 3 ст. 11 Конституции РФ, на который многие сторонники верховенства договорного регулирования ссылаются, приводится только перечень нормативно-правовых актов, на основании которых должно осуществляться разграничение предметов ведения и полномочий, в то время как в общем положении п. 2 ст. 4 Конституции РФ прямо указывается на верховенство Конституции Российской Федерации и федеральных законов на всей территории Российской Федерации.

Использование совместного договорного нормотворчества автономных образований и федеральных органов власти, при разграничении сфер правового регулирования, выявило наряду с достоинствами и ряд существенных недостатков. Вместе с гибкостью в учете специфики каждого автономного образования, возможностью своевременного устранения пробелов в федеративном законодательстве в нормах Конституции допускалась нечеткость в изложении многих норм, что позволило органам власти автономных образований, как, впрочем, и других субъектов федерации, при осуществлении нормотворческой деятельности обходить многие положения Конституции, тем самым нарушая единое правовое пространство государства и способствуя его ослаблению. Считаем, что индивидуальное договорное нормотворчество можно и нужно использовать в целях регулирования определенных отношений между Федерацией и ее субъектами, поскольку прогрессивное развитие права вообще и регламентируемых им

федеративных отношений сегодня заключается в расширении сферы договорных отношений, в основе которых лежит принцип согласия и свободы, однако при четком соблюдении определенных рамок.

Думается, что подобное договорное нормотворчество должно базироваться исключительно в рамках Конституции РФ и федеральных законов и только для конкретизации их отдельных положений, связанных с разграничением пределов ведения и полномочий между Российской Федерацией и автономными образованиями в целях наиболее полного учета региональных, национальных и других особенностей. Иными словами, практика договорного нормотворчества в сфере регулирования федеративных отношений нуждалась в существенном ужесточении и совершенствовании, в процессе которого следовало четко разграничить порядок использования договоров, определив предмет, стороны, процедуру и другие параметры этих актов, добиться большей четкости и определенности их положений, что обеспечило бы эффективность этих актов как инструментов правового регулирования, созданных на базе и в строгом соответствии с Конституцией РФ и федеральным законодательством.

Некоторые из перечисленных недостатков решил Федеральный закон от 24 июня 1999 г. «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации». Отличительной особенностью закона является то, что в нем была подвергнута серьезному преобразованию сама концепция договорного регулирования. Окончательно был положен конец спорам о месте и юридической силе актов индивидуального договорного нормотворчества в системе нормативно-правовых актов Российской Федерации. Если раньше договоры о разграничении полномочий между федеральным Правительством и органами государственной власти субъектов Федерации рассматривались последними как документы, имеющие чуть ли не высшую юридическую силу, то закон «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации», во-первых, ввел нормативное определение понятий «договор» и «соглашение» и, во-вторых, однозначно определил систему и иерархию нормативных актов в Российской Федерации. Под договором о разграничении предметов ведения и полномочий теперь стала подразумеваться правовая форма разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъекта Российской Федерации, а под соглашением о передаче осуществления части полномочий – правовая форма передачи федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации друг другу осуществления части своих полномочий.

В соответствии с Законом договор не могли передавать, исключать или иным образом перераспределять установленные Конституцией РФ предметы ведения Российской Федерации, предметы совместного ведения. Не мог быть заключен договор, если его заключение вело к изменению конституционно-правового статуса субъекта Федерации, ущемлению или утрате установленных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина, нарушению государственной целостности

Российской Федерации и единства системы государственной власти в Российской Федерации. Тем самым закон закреплял принцип конституционности, которому должна была соответствовать практика заключения договоров.

Среди прочего закон предусматривал процедуру разрешения споров, связанных с разграничением предметов ведения полномочий, передачей части полномочий. Согласно закону, споры должны были решаться заинтересованными сторонами путем проведения переговоров и использования иных согласительных процедур. В случае необходимости стороны могли создавать согласительные комиссии. При недостижении согласованного решения Президент РФ мог передать разрешение спора на рассмотрение соответствующего суда.

Таким образом, после распада СССР и образования Российской Федерации статус, а следовательно и сфера правового регулирования нормотворческих органов автономных образований определялись Конституцией РФ, федеральными законами, федеральным общим либо индивидуальными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий, соглашениями о передаче федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ друг другу осуществления части своих полномочий, уставами автономных образований. Принятие последних, как и определение системы государственных органов автономий, осуществлялось, в отличие от советского периода, высшими нормотворческими органами автономных образований самостоятельно с учетом общих положений Конституции РФ и в утверждении центра не нуждалось.

Таким образом, после распада Советского Союза и провозглашения государственного суверенитета Российской Федерацией в стране начали проводиться масштабные преобразования правовой системы, в результате которых структура и состав автономных образований, а также статус нормотворческих органов автономных образований через сферу их нормативно-правового регулирования претерпели значительные изменения. Изменения статуса нормотворческих органов были направлены в сторону как расширения сфер правового регулирования, так и изменения роли принимаемых нормативно-правовых актов. На нормотворческие органы автономных образований, несмотря на отсутствие в Советский период подобного опыта, были возложены несвойственные подобному уровню территориальных образований полномочия, в силу которых пришлось заново самостоятельно формировать статус образований, а также выстраивать отношения с федеральными органами власти. Для решения этих задач, кроме придания нормотворческим органам автономных образований права принятия законодательных актов, в правовое поле автономий был введен целый ряд новых категорий нормативно-правовых актов, особое место среди которых заняли договоры и соглашения.

Анализ, изучение и учет опыта становления и совершенствования правового статуса автономных образований РФ в начале 1990-х гг. может сыграть положительную роль в интеграционных процессах, проводимых в Республике Крым и городе Севастополе после их вхождения в состав Российской Федерации в 2014 году.

Список литературы

1. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991. – № 22. – ст. 776.
2. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1992. – № 20. – ст. 1084.
3. «Российские вести» от 25 июля 1996. – № 15.
4. Шахрай С. М. Роль договорных процессов в укреплении и развитии российского федерализма // Федерализм власти и власть федерализма. – М., 1997. – С. 158.
5. Марченко Г. Региональные проблемы становления новой российской государственности // Моск. обществ. науч. фонд. – М. – 1996. – № 4. – С. 154–156.
6. Иванов В. В. Автономные округа в составе края, областей – феномен «сложносоставных субъектов Российской Федерации». – М.: МГУ, 2002. – 256 с.
7. Умнова И. Л. Конституционные основы современного российского федерализма. Учеб.-практ. пособие. – М.: Дело, 2000. – 304 с.
8. Умнова И. Л. Современная российская модель разделения власти между федерацией и ее субъектами (актуальные правовые проблемы). – М., 1996. – С. 43.
9. Кутафин О. Е. Российская автономия: Монография. – М.: Проспект, 2006. – 768 с.
10. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. Ред. В. В. Лазарев. – М., 2001. – 685 с.
11. Кряжков В. А. Договор как форма перераспределения полномочий в системе государственной власти // Материалы научно-практической конференции «Договорные формы развития федеративных отношений в России». – М.: Проспект, 1999. – С. 6-18.

Sharmoyants A. Change of legal status of autonomous regions of the Russian Federation in the beginning of the 1990th years. // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2016. – Vol. 2. № 4. – P. 35–43.

In the work one researches the experience of the development and changes in the legal status of the autonomous regions of the Russian Federation as subjects of lawmaking activity in the early 1990s, after the collapse of the Soviet Union and the formation of the Russian Federation. The author analyzes the powers of the lawmaking organs of autonomous regions in accordance with the Constitution and other normative legal acts of that period. The legal status of autonomous regions, as subjects of lawmaking activity, is considered through the changes in the legal status that have occurred, by delineating the subjects of jurisdiction and authority between the federal bodies of state power of the Russian Federation and the authorities of the autonomous region within the Russian Federation. We consider the advantages and disadvantages of treaties and agreements as a legal form of delineation of powers and powers between the federal center and the regions are considered.

Keywords lawmaking subject, lawmaking organs, autonomy, division of powers, constitution, lawmaking, legal status, lawmaking powers, normative legal acts.

References

1. Vedomosti S"ezda narodnyh deputatov RSFSR i Verhovnogo Soveta RSFSR, 1991, No. 22, St. 776. (rus)
2. Vedomosti S"ezda narodnyh deputatov RSFSR i Verhovnogo Soveta RSFSR, 1992, No. 20, St. 1084. (rus)
3. «Rossijskie vesti» ot 25 iyulya 1996. – No. 15. (rus)
4. Shahraj S. M. Rol' dogovornyh processov v ukreplenii i razvitii rossijskogo federalizma, S. M. Shahraj, Federalizm vlasti i vlast' federalizma, M., 1997, Pp. 158. (rus)
5. Marchenko G. Regional'nye problemy stanovleniya novoj rossijskoj gosudarstvennosti, Mosk. ob-shchestv. nauch. Fond, M., 1996, No. 4, Pp. 154–156. (rus)
6. Ivanov V. V. Avtonomnye okruga v sostave kraja, oblastej – fenomen «slozhnosostavnyh sub"ektov Rossijskoj Federacii». – М.: МГУ, 2002. – 256 p. (rus)
7. Umnova I. L. Konstitucionnye osnovy sovremennogo rossijskogo federalizma. Ucheb. prakt. posobie. – М.: Delo, 2000, 304 p. (rus)
8. Umnova I. L. Sovremennaya rossijskaya model' razdeleniya vlasti mezhdru federaciej i ee sub"ektami (aktual'nye pravovye problemy). – М., 1996, Pp. 43. (rus)
9. Kutafin O. E. Rossijskaya avtonomiya: Monografiya. – М.: Prospekt, 2006, 768 p. (rus)
10. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii, Otв. Red. V. V. Lazarev. – М., 2001, 685 p. (rus)
11. Kryazhkov V. A. Dogovor kak forma pereraspredeleniya polnomochij v sisteme gosudarstvennoj vlasti // Materialy

nauchno-prakticheskoy konferencii «Dogovornye formy razvitiya federativnyh otnoshenij v Rossii». – M.: Prospekt, 1999, Pp. 6–18. (rus).

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 343.914

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА ПРЕСТУПНОСТЬ

Бугаев В. А., Сударикова Т. Е.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Наша страна уникальна тем, что в ней удается мирно сосуществовать представителям различных религиозных течений. Главная задача государства – сохранить это мирное сосуществование, несмотря на отрицательные мировые тенденции: все возрастающее количество преступлений, совершенных на религиозной почве, активизацию деятельности террористов и экстремистов. Религиозная тема приобрела новый контекст после серии террористических актов 11 сентября 2001 года: именно с этого момента проблема приобрела повышенную актуальность и стала объектом более глубоких исследований. Преступления по мотивам религиозной ненависти и вражды – одни из самых сложных и неочевидных, в связи с чем возникает серьезная проблема их квалификации. В связи с этим в данной статье необходимо попытаться исследовать, что заставляет людей, манипулируя религиозными текстами, ссылаясь на богословские авторитеты, искажая теологическую информацию различных религий, совершать особо тяжкие преступления, уничтожая всех, кто придерживается иного вероисповедания.

Ключевые слова: религия, религиозные преступления, влияние религии на преступность, религиозная свобода, терроризм, экстремизм, ислам, христианство.

Анализируя проблему преступности в современной России и мире, мы видим необходимость религиозного, философского и научного подхода к данной проблеме для того, чтобы конструктивно изучить это многогранное явление в жизни общества. Особенностью современного российского общества является исторически сложившееся отсутствие единого вероисповедания, что имеет определенное влияние на уровень преступности в нашей стране.

Исследуя разные источники, мы пришли к выводу, что основной причиной совершения преступлений на религиозной почве является неспособность самого общества регулировать межконфессиональные отношения. Именно это дает возможность радикалам использовать религиозные взгляды и убеждения в своих преступных целях.

Сегодня правоохранительные органы сталкиваются с увеличившимся количеством правонарушений со стороны ортодоксальных деструктивных религиозных организаций и тоталитарных сект. В связи с этим МВД РФ все чаще взаимодействует с представителями традиционных религиозных конфессий. К

примеру, уже подписано Соглашение о сотрудничестве с Русской Православной Церковью [6, с. 40].

Для предупреждения и пресечения преступлений необходима координация совместных усилий для решения задач борьбы с преступностью, в т. ч. с религиозным экстремизмом.

Позитивный аспект взаимодействия с Церковью признают и специалисты ФСИН РФ. Неоднократно было отмечено положительное влияние религий на морально-психологическую обстановку в исправительных учреждениях. Профилактика преступности должна происходить через воспитание и просвещение, направленных на утверждение в обществе истинных духовных и нравственных ценностей. Именно поэтому Православная Церковь все чаще активно взаимодействует со школой, СМИ, и, конечно же, правоохранительными органами.

Необходимо помнить, что всякое религиозное преступление не просто виновно, оно совершается только умышленно. Религиозные преступления посягают на религиозную свободу граждан, на религиозную безопасность российского общества.

Религиозная безопасность является составной частью духовной безопасности, а, следовательно, и общественной безопасностью в целом.

Очень точно определил понятие религиозной безопасности В. Г. Беспалько в своей монографии: «Религиозная безопасность – состояние политико-правовой защищенности и социальной стабильности религиозных отношений, в том числе религиозного мира, свободы совести и вероисповедания, невмешательства государства и кого бы то ни было в дела Церкви, недопустимость распространения в России деструктивных культов, деятельности тоталитарных сект, проявления религиозного экстремизма» [2, с. 201].

Конечно же, РФ является светским государством, однако факт возрастания в мире религиозного экстремизма требует от государства борьбы с данным видом социального зла. По данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД за январь–июнь 2016 год зарегистрировано 1313 преступлений террористического характера, что на 66,6 % больше, чем за январь–апрель 2016 года, и 830 преступлений экстремистской направленности, что на 10 % больше, чем за январь–апрель 2016 года [5, с. 47–48].

Президент РФ В. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию особо отметил, что кое-кто не гнушается и самыми грязными технологиями, пытаясь разжечь в нашей многонациональной демократической стране межнациональную и межконфессиональную рознь. В связи с чем необходимо ускорить принятие поправок в законодательство, ужесточающих ответственность за экстремистские действия [7, с. 2].

Следовательно, мы видим необходимость совершенствования уголовного законодательства в целях охраны прав и законных интересов граждан, организаций, всего общества. Однако без поддержки народа, государство не сможет в полной мере решать задачи противодействия преступности с помощью одного уголовного законодательства.

Приоритетным для мировой цивилизации является обращение к духовной нравственности и возрождению правового наследия прошлого, к традициям великих мировых религий. Необходимо научиться относиться к уголовному закону

как к нравственной ценности, уметь видеть в каждом совершенном преступлении нарушение нравственного запрета.

Мы знаем, что начало XXI века ознаменовано 2000-летием христианства, именно с этого периода появляется ряд работ о соотношении духовности, нравственности и права.

В XXI веке религия по-прежнему является важным фактором, влияющим на духовную жизнь всего многонационального народа с разным вероисповеданием.

Если мы обратимся к библейской истории, то увидим, что первым совершенным преступлением было религиозное преступление – мятеж прародителей человечества против Бога. Следовательно, можно сделать вывод, что потребность уголовно-правового регулирования в сфере религиозных правоотношениях возникла еще в древности. Попытки вмешательства политических сил в сферу религии можно найти во многих памятниках отечественного права.

Самая главная взаимосвязь христианства и права – в единстве охраняемых интересов. Ведь христианство пришло на землю в виде творения человека и для человека. Во второй заповеди сказано: «Возлюби ближнего своего как самого себя». В полной мере права и свободы человека признала действующая Конституция РФ, в статье 2 говорится: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1, с. 2]. Таким образом, начиная с 1993 года, право, как и религия, отдает приоритет интересам человека. Все действия, направленные против человека, должны быть признаны нелегитимными, а исходя из религии – греховными.

Сейчас прослеживается явный кризис в духовной и социальной жизни общества, что оказывает отрицательное влияние на уровень преступности. Проблема современного общества – конфликт ценностей и культур. И невозможно в этом вопросе не согласиться с рассуждением русского футуролога Э. Тофлера, который рассматривает экстремизм как конфликт ценностей и культур [9, с. 94]. Ценно размышление Ю. М. Антоняна о причинах этнорелигиозного терроризма: «Современный этнорелигиозный терроризм представляет собой главным образом столкновение двух мировых культур – ислама и христианства, Востока и Запада, если понимать их не географически, а как ареалы распространения определенных цивилизаций. Это столкновение двух ментальностей, двух мировосприятий, двух отношений к жизни и труду» [9, с. 94].

Под лозунгами ислама с середины 1990-х годов исламский экстремизм, крайним выражением которого является терроризм, оказывает влияние на политическую жизнь большинства стран, включая Россию. Для того, чтобы понять природу современного терроризма, необходимо изучить и постараться понять суть исламского вероучения как с религиозной, так и с правовой точки зрения. Единого определения терроризма в законодательстве разных стран мы не найдем. Достаточно полно, на наш взгляд, определение терроризма дал В. П. Емельянов: «Терроризм – это публично совершаемые общеопасные действия или угрозы, направленные на устранение всего населения либо различных социальных групп, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения, либо отказ от него в интересах террористов» [4, с. 138].

Для того, чтобы рассмотреть исламское право как юридическое явление, необходимо разобраться в таких понятиях, как шариат и фикх. Исламская традиция рассматривает шариат как совокупность обращенных к людям предписаний, установленных Аллахом и переданных им через своего Посланника пророка Мухаммада.

Шариат предоставляет возможность самостоятельно подходить к решению мирских дел, так как в священных текстах отсутствуют детальные нормы. Именно благодаря этому появилась наука о нормативной стороне шариата – фикх. Однако, к сожалению, фикх часто далеко отходит от исходного значения. Шариат провозглашает ряд ценностей, таких как религия, жизнь, разум, честь и достоинство.

Фикх должен ориентировать на такие начала, как умеренность, избегание крайностей, исключение вреда. Необходимо понимать, что многие правила ведения войны, отношения к иноверцам вырваны из исторического контекста, не отражают современных реалий и больше не обосновывают нетерпимость и жестокость исламских радикалов. Экстремисты считают, что вправе совершать насилие над теми, кто не подчиняется воле Аллаха. Оправдывают они такое право, ссылаясь на слова пророка Мухаммада: «Если кто-нибудь из вас увидит нечто запрещенное шариатом, то пусть изменит его своей рукой, а если не сможет сделать этого рукой, то пусть остановит грех своим языком, а если и так не сможет, то хотя бы своим сердцем, и это будет самым слабым проявлением веры!» [8, с. 234]. Мы видим, что для обоснования своих действий террористы акцентируют внимание на первой части высказывания – предотвращении отклонений от шариата «рукой», т. е. насильственным путем.

Известные мусульманские мыслители поясняют, что смысл шариата не в буквальной трактовке его предписаний, а в том, чтобы постичь его главные цели, осознать пользу практического применения положений Корана и сунны пророка Мухаммада.

Террористы являются первыми нарушителями шариата, ведь он, даже в ходе законной войны, запрещает убивать женщин, детей и, вообще, исходя из терминологии международного права, – всех некомбатантов.

Ислам осуждает фанатизм и экстремизм в вопросах религии, в подтверждение этого можно привести слова пророка Мухаммада: «Не переходите пределов в религии; воистину, тех, кто был до вас, погубила чрезмерность в религии» [8, с. 277]. В Коране подчеркивается, что Аллах видит все, что делают люди. Православная же церковь говорит, что Бог видит все добрые дела и прегрешения человека, знает любую его тайную мысль. Важная составная часть как ислама, так и христианства – Божий суд, на котором праведники будут награждены, а грешники осуждены.

В свете последних событий многие задумываются о том, не случатся ли подобные социальные конфликты в России? Мы считаем, что в регулировании взаимоотношений между властью и религией прослеживаются позитивные тенденции. Конституция РФ поставила свободу совести на важное место в системе гражданских прав и свобод. Введен запрет на установление в качестве государственной или обязательной какой-либо религии, а также на пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Позитивные сдвиги в области противодействия религиозной преступности просматриваются с момента вступления в полномочия В. В. Путина. Уже 10 января 2000 года своим Указом новый Президент утверждает «Концепцию национальной безопасности РФ». Согласно данной Концепции, интерес российского общества состоит в «духовном обновлении России». В 2005 году был опубликован доклад Министерства юстиции о возможных ограничениях въезда иностранных миссионеров путем сокращения выдачи въездных виз иностранным религиозным деятелям и об усложнении процедуры регистрации религиозных объединений[3, с. 38].

Все же еще есть куда совершенствовать законодательство, особенно уголовное, тщательно изучив проблемы религии, а именно:

1. было бы полезным дополнить составы умышленных преступлений против жизни и здоровья квалифицирующим признаком «в связи с отпращиванием или под видом отпращивания религиозного обряда»;
2. криминализовать насильственные понуждения граждан к:
 - выражению, изменению религиозных убеждений или отказу от них;
 - участию в деятельности религиозного или иного общественного объединения или выходу из него;
 - участию в религиозных обрядах, церемониях.

Религия может быть частью правосознания (как в русском православии), право может принимать форму религии (как в католицизме и протестантизме), право может быть частью религии (как в исламе), но как бы мы ни выстраивали отношения между правом и религией, несомненно одно: говорить о праве, профилактике преступлений безотносительно к религии невозможно.

Мы понимаем, что на данном этапе мировой порядок представляет собой главную ценность. Одним из главных условий установления такого мира является создание и совершенствование системы профилактических мероприятий с привлечением общественности.

Список литературы

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. – М.: Эксмо, 2015. – 63 с.

Литература и периодические издания

2. Беспалько В. Г. Религиозные преступления в Моисеевом уголовном праве и их проекции в российском законодательстве X–XXI вв.: Монография. – М.: ИНФРА, 2016. – 232 с.
3. Горностаева Л. Г. Мировые религии: морально-правовой дискурс: Монография – М.: РАП, 2013.
4. Маникеева А. Ф. Религиозная ненависть или вражда как мотив совершения преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук (12.00.08). – Казань, 2005. – 24с.
5. МВД РФ. Состояние преступности в России за январь–июнь 2016 / ФКУ «Главный информационно – аналитический центр». – Москва, 2016. – 46 с.
6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – Москва, 2000. – 16 с.
7. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26 апреля 2007 г.
8. Рахманова Е. Н. Права человека. Преступность. Глобализация. Опыт комплексного криминологического исследования: Монография. – М.: Российская академия правосудия, 2009 – 192 с.
9. Старков, О. В. Криминология. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 63с.

Bugayev V. A., Sudarikova T. E. Features of female crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – P. 44–49.

Our country is unique in that it manages to coexist peacefully representatives of different religious movements. The main task of the state to maintain this peaceful coexistence, despite the increasing number of crimes committed on religious grounds, the revitalization of the terrorists and extremists in the world. Because the religious theme has acquired a new context after a series of terrorist acts of 11 September 2001, from that moment, this issue became the object of serious research. Crimes motivated by religious hatred and enmity one of the most difficult and non-obvious, in connection with which there is a serious problem of qualification of these crimes. In this regard, in this article try to explore what makes people manipulating religious texts, referring to the theological authority, distorting the information received from the teachings of various religions, to commit terrible crimes, destroying all who adhere to another religion.

Keywords: religion, religious crimes, the effect of religion on crime, religious freedom, terrorism, extremism, Islam, Christianity.

References

Normativno-pravovyye akty

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii : prinyata vsenarodnyim golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda.– M.: Eksmo, 2015.– 63 s.

Literatura i periodicheskie izdaniya

2. Bepalko V. G. Religioznyie prestupleniya v Moiseevom ugolovnom prave i ih proektsii v rossiyskom zakonodatelstve X – XXI vv.: Monografiya. – M.: INFRA, 2016. – 232 s.

3. Gornostaeva L. G. Mirovyie religii: moralno-pravovoy diskurs: Monografiya – M.: RAP, 2013

4. Manikeeva, A. F. Religioznaya nenavist ili vrazhda kak motiv soversheniya prestupleniya: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty: avtoref.dis. na soisk. uchen. step. kand. jurid. nauk (12.00.08). – Kazan, 2005. – 24 s.

5. MVD RF. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar – iyun 2016 / FKU «Glavnyiy informatsionno – analiticheskiy tsentr». – Moskva, 2016. – 46 s.

6. Osnovyi sotsialnoy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. – Moskva, 2000. – 16 s.

7. Poslanie Prezidenta Rossii Vladimira Putina Federalnomu Sobraniyu RF: Poslanie Prezidenta RF Federalnomu Sobraniyu ot 26 aprelya 2007 g.

8. Rahmanova E. N. Prava cheloveka. Prestupnost. Globalizatsiya. Opyit kompleksnogo kriminologicheskogo issledovaniya: Monografiya. – M.: Rossiyskaya akademiya pravosudiya, 2009 – 192 s.

9. Starkov, O. V. Kriminoteologiya. – SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. – 63 s.

УДК 343.914

**ВЛИЯНИЕ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КРИМИНОГЕННЫХ УСТАНОВОК У
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ВОЗРАСТЕ ОТ 14 ДО 18 ЛЕТ**

Волошин И. А., Сударикова Т. Е.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Стремительно развиваются информационные системы. Большую роль в нашем обществе играют СМИ. Информационная среда может способствовать дальнейшему развитию человека, однако в последние десятилетия она имеет скорее негативную и чаще всего криминогенную направленность. Тем самым средства массовой информации активно пропагандируют культ насилия, романтизируют преступный мир, что способствует увеличению агрессивности, снижению значимости правовых норм. Наиболее сильное воздействие СМИ способны оказать на формирование неокрепшей личности подростка. Ведь данная возрастная категория не обладает богатым жизненным опытом и в большинстве случаев не может адекватно отделить плохое от хорошего, тем самым принимая образцы преступного поведения. В связи с этим, в данной статье необходимо исследовать воздействие СМИ на формирование криминогенных установок у несовершеннолетних 14–18 лет. Масс-медиа, наряду с другими социальными факторами, не могут не влиять на молодежную преступность.

Ключевые слова: СМИ, подростковый возраст, информационная среда, преступность среди несовершеннолетних, криминогенная информация, сценарная агрессия, информационная безопасность.

В настоящее время сила воздействия СМИ на подсознание людей, формирование их поведения необычайно велика. Не зря их называют четвертой властью. Большой интерес к медиакulturе проявляют лица подросткового возраста. В психологии понятие подросткового возраста охватывает период с 12 до 18 лет. Но, исходя из того, что в данной статье мы будем рассматривать влияние СМИ на формирование именно криминогенных установок, а согласно УК РФ уголовная ответственность наступает с 14 лет, то целесообразнее будет при определении исследуемого возрастного периода руководствоваться ч. 1 ст. 87 УК РФ, где сказано следующее: «Несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет» [1, с. 38]. Понятие, данное в Уголовном Кодексе, почти полностью подпадает под определение подросткового возраста, принятого в психологии, что позволяет нам в полной мере исследовать криминогенное влияние масс-медиа на особую группу несовершеннолетних, подростков.

В повышенном интересе лиц данного возраста к информации, которую преподносят СМИ, можно увидеть как положительный, так и отрицательный аспект. С одной стороны, подросток может почерпнуть оттуда большое количество полезной для учебы, развития, проведения досуга информации, с другой стороны, получает зачастую непроверенную и недостоверную информацию, которая может оказаться низкокачественной и неэстетичной. Такого рода сведения наносят вред не только нравственному здоровью еще несформировавшейся личности, но и существенно ухудшает физическое здоровье. Известный московский врач и педагог

И. Б. Куркина отмечает: «Увлечение детей просмотром ТВ-передач не только вызывает возбуждение нервной и психической деятельности, но и способствует повышению внутричерепного давления» [8, с. 47].

Состояние преступности несовершеннолетних вызывает беспокойство. В решении этой проблемы заинтересовано все мировое сообщество и РФ не исключение.

Преступность несовершеннолетних имеет свои причины, ведь помимо СМИ существуют и иные институты социализации: школа, семья, детские и молодежные организации.

Однако проблема заключается в том, что противостоять нарастающему влиянию масс-медиа становится все сложнее. Против них – лишь школьный учитель литературы с двумя уроками в неделю и малая часть родителей в семьях, где еще не забыли о ценности книг. Следовательно, наряду с другими институтами социализации, СМИ активно влияют на подростковую преступность.

В категорию СМИ входит достаточно большой перечень информационных ресурсов. Статья 2 ФЗ от 27.12.1991 года №2124-1 «О СМИ» раскрывает для нас понятия «массовая информация» и «средства массовой информации». Под массовой информацией понимается предназначенное для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы. Под средствами массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальные программы, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием [2, с. 2].

Одно из важных условий повышения агрессии у несовершеннолетних – насилие на телевидении. Это не говорит о том, что сцены насилия – это прямые руководства к действию, однако подростки, пропуская их через свое сознание, начинают полагать, что человеческая жизнь не имеет ценности.

После того, как в 1972 году был опубликован 5-ти томный отчет Ассамблеи хирургов и результаты судебных разбирательств, связанных с влиянием телевидения на психику детей, выяснилось, что СМИ могут оказывать педагогическое воздействие. В отчете прослеживалась причинно-следственная связь между телевизионными сценами насилия и грубостью, агрессией у детей.

Большинство российских и зарубежных исследователей проанализировали, сколько сцен убийств и насилия видят дети за день, месяц, год. Доктор наук Райнер Паулаф в своей книге «Застывший взгляд» рассказывает, как влияет на психику несовершеннолетних телевидение: «Телеэкран блокирует спонтанные творческие игры, естественные движения, что приводит к дефициту в формировании функций головного мозга, а страдают при этом творческие способности и интеллект».

Специалисты, изучающие СМИ, выделяют виды воздействия, исходя из достаточно частой возможности СМИ злоупотреблять свободой слова или негативно воздействовать на аудиторию, не осознавая этого. Итак, три формы злоупотребления, которые оказывают негативное воздействие, выделяет М. Андрианов в своей работе «Злоупотребление свободой массовой информации при освещении проблем преступности» [4, с. 89]:

- 1) запрещенные законом и наказуемые;
- 2) запрещенные законом, но ненаказуемые или необеспеченные санкциями;

3) нарушение профессиональных и этических норм.

К первой группе мы можем отнести запрет, установленный статьей 242 УК РФ (Фактическое незаконное распространение порнографических материалов и предметов). Сложно представить себе весь объем негативного влияния на формирующуюся личность подростка. Здесь можно говорить и о растлевающем влиянии, и о влиянии на рост числа преступлений сексуального характера, и, конечно же, что является самой большой проблемой, о вовлечении несовершеннолетних в секс- и порно-бизнес. Современное законодательство затрудняет процесс признания изданий или программ порнографическими. Ведь для этого необходимо проведение искусствоведческой экспертизы, а для этого, к сожалению, в большинстве регионов России не создано соответствующих условий.

Ко второй группе относятся противоправные действия, вследствие которых воздействие СМИ может сыграть важную роль, но они остаются безнаказанными.

Статья 4 Закона «О СМИ» указывает: «Распространение передач, пропагандирующих культ насилия и жестокости, скрытых вставок, воздействующих на подсознание людей и оказывающих вредное влияние на их здоровье, сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств, а также распространение иной информации, распространение которой запрещено ФЗ» [2, с. 4].

Существенным недостатком можно назвать то, что в законе не уточняется, каким образом и насколько точно должны быть указаны методы и способы разработки, изготовления и использования наркотиков. Так как не было прецедентов привлечения к ответственности за подобные злоупотребления, положения закона толкуют в широком смысле.

В качестве примера такого нарушения может быть рассказ в видеорепортаже о наркомане, который, выращивая коноплю в условиях обычной городской квартиры, достаточно подробно описывает процесс ухода за растением, технологию приготовления наркотического вещества к потреблению.

Самым распространенным нарушением является третья группа – нарушение профессиональных и этических норм. В качестве примера такого нарушения можно привести использование ненормативной лексики. В свою очередь, это приводит к замедлению развития общества, обеднению языка и культуры. Нарушая нормы морали, СМИ создают и развивают криминальную субкультуру. Раскрывая понятие криминальной субкультуры, необходимо указать, что это продукт деятельности людей, которым не свойственно уважение к правам и свободам личности.

Очередной проблемой является достаточно частое изображение сцен насилия и жестокости. Для рассматриваемого возраста и так свойственно усиление агрессии, жестокости. Смягчить данное свойство характера должен педагогический процесс. Сложно достичь данной цели, если несовершеннолетнего окружает информация о насилии, жестокости по отношению к человеку.

Д. В. Жмуров в своей статье «Сценарная агрессия подростков», опубликованной в юридическом журнале «"Черные дыры" в российском законодательстве», употребил такой подходящий, на наш взгляд, термин – «сценарная агрессия» [5, с. 253–255]. Сценарная агрессия – это воспроизведение индивидуумом какой-либо модели деструктивного поведения посредством научения таковому через медиатексты.

У. Бельсон изучил связь теленасилия и поведения 1565 лондонских мальчиков. Те из них, кто предпочитал смотреть передачи, содержащие сцены насилия, совершали почти в два раза больше правонарушений в течение последних 6 месяцев.

Существует еще такой термин, как «сорпасcrimes», или преступления-имитации. Он означает, что совершенные преступления в некоторых случаях могут быть подражаниями или имитацией, их совершают фанаты фильмов.

Многочисленные экспериментов, проводимые в разные годы такими исследователями, как Берковец, Уилсон, Капитмен, позволяют прийти к выводу, что эффект от наблюдаемого насилия длится около часа. В ряде случаев интервал может быть увеличен до нескольких месяцев. Примеров, когда подростки, будучи под впечатлением фильма, подражая героям, совершали после просмотра преступление, пугающее количество. Вот некоторые из них. Как-то в Барселоне подростки, посмотрев телевизор поздно вечером, натянули через улицу пластиковую ленту и наблюдали, как она перерезала горло мотоциклисту, который и скончался на месте.

В 2001 году в Великобритании произошел жестокий случай. Трое 16-ти летних подростков, позднее признанных судом вменяемыми, были осуждены за убийство 15-летнего подростка. Они решили на детской площадке воспроизвести сцену из фильма «Бешеные псы». Для реализации задуманного они совершили жестокое нападение, а один из школьников, повторяя сцену из фильма, попытался отрезать жертве ухо при помощи разбитой бутылки из-под водки.

Такие ситуации характерны не только для зарубежья, но происходят и в России. В газете «Вечерняя Казань» (2009 год) была опубликована статья о том, что задержаны двое школьников 16-ти лет, которые совершили 6 убийств. На вопрос о том, зачем они это сделали, подростки ответили, что хотели быть похожими на главного героя триллера «Молчание ягнят». В дальнейшем они пояснили, что им захотелось почувствовать, как это – резать и убивать [7, с.120].

Большой вред наносят СМИ, популяризируя и романтизируя преступный мир. Несовершеннолетний начинает думать, что воровской мир хоть и жесток, но благороден, а воровские «понятия» разумнее официальных законов. Тем самым падает авторитет правоохранительных органов, тем более что СМИ часто негативно оценивают их деятельность. Именно из-за этого у лиц с криминальными наклонностями создается впечатление безнаказанности, а потенциальная жертва задумывается над тем, что если случится несчастье, то помощи от правоохранительных органов ему не следует ждать.

Особенно восприимчивы к информации именно подростки, следовательно, такая негативная оценка сотрудников правоохранительных органов, закрепляет в их сознании, что полиция все равно будет бездействовать, они заняты получением взяток, а преступность – это не так уж и плохо.

Из этого можно сделать вывод, что одной из основных задач общества и государства является максимально возможное ограждение от криминогенной информации подрастающего поколения, в том числе контроль распространения таких сведений в сети Интернет. В данном направлении на законодательном уровне лишь недавно стали предприниматься шаги. К примеру, принятый 29.12.2010 года ФЗ №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», направлен на защиту детей от негативного, в том числе криминогенного

воздействия информации [3, с.2]. Однако данный закон лишь в некоторой степени способен оградить детей от криминогенной информации, поскольку главные его субъекты – родители – не в состоянии контролировать всю информацию, которая проникает в сознание детей.

Проанализировав изученное, мы пришли к выводу, что необходимо внести изменения в ФЗ «О СМИ». Можно предусмотреть статью, которая бы обязывала предоставлять определенное время эфира для проведения правовой пропаганды. Закон должен предусматривать ответственность за:

- демонстрацию художественных фильмов без надлежащей регистрации либо с нарушением правил демонстрации;
- распространение в СМИ сообщений и материалов, пропагандирующих культ насилия и жестокости;

Было бы целесообразно дополнить закон «О СМИ» статьей о запрете показа сцен насилия и жестокости с 7.00 до 22.00.

Введение общественно-государственной цензуры может стать достаточно эффективным инструментом противодействия распространения через СМИ сообщений и материалов, способных нанести вред полноценному развитию ребенка. Мы видим, что на данный момент создано много телепередач и кино, которые способны значительно изменить духовные ценности населения. Введение цензуры на художественные произведения, конечно же, является предметом многих споров. Старшее поколение помнит, как в СССР многие литературные деятели, которые сейчас считаются классиками, подвергались критике и гонениям. Сейчас происходит совершенно обратный процесс. Сведение к минимуму цензуры и доступность издания книг предоставляют возможность издавать произведения, которые совершенно не обладают художественной и литературной ценностью. Введение цензуры очевидно. Но также очевидно, что злоупотребление ею может повлечь серьезные последствия. Задача современного общества и государства в том, чтобы найти компромисс и определить, какие ограничения являются разумными, а какие – излишними.

Подводя итог, стоит сказать, что воздействие СМИ на преступность среди несовершеннолетних доказана как отечественными, так и зарубежными исследователями. Сегодня СМИ содержат в себе много агрессивных сцен. Это пагубно сказывается на подростковом ощущении насилия в обществе, приемлемости его применения. Следовательно, необходимо предпринимать дальнейшие шаги в законодательном регулировании информационной безопасности детей и введении на федеральном уровне цензуры в разумных пределах.

Список литературы

1. Уголовный кодекс РФ. – Москва.: Проспект, КноРус, 2016. – 240 с.
2. ФЗ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 03.07.2016) «О средствах массовой информации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/
3. Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/
4. Андрианов М. Злоупотребление свободой массовой информации при освещении проблем преступности // Уголовное право. – 1999. – №2. – С. 89.
5. Жмуров Д. В. Сценарная агрессия подростков // Бизнес в законе. – 2007. – №3. – С. 253–255.

6. Иванов А. В. Негативное влияние современного телевидения и компьютерных игр на преступность несовершеннолетних // Вестник ТИСБИ. – 2010. – № 2. – С. 165–172.
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2006. – 219 с.
8. Леван Т. Н. Здоровье ребенка в современной информационной среде: Учебно-методическое пособие. – М.: Форум, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 224 с.

Voloshin I.A., Sudarikova T.E. Influence of the media on the formation of crimenogenic installations in minors in age from 14 to 18 years // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – P. 50–55.

Information systems are developing rapidly. A big role in our society is played by the media. The information environment can contribute to the further development of man, but in recent decades it has a negative and, more often than not, a criminal nature. Thus, the mass media actively propagandize the cult of violence, romanticize the underworld, which contributes to increasing aggressiveness, reducing the importance of legal norms. The strongest impact of the media can have on the formation of a fledgling personality of a teenager. After all, this age category does not have a rich life experience and in most cases can not adequately separate the bad from the good, thereby taking samples of criminal behavior. In this connection, in this article, it is necessary to investigate the impact of the media on the formation of criminogenic installations in minors aged 14-18. Mass media, along with other social factors can not but affect youth crime.

Keywords: mass media, adolescence, information environment, juvenile delinquency, crime information, scenario aggression, information security.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation. – Moscow.: Prospekt, KnoRus, 2016. – 240 p.
2. FZ of 27.12.1991 N 2124-1 (as amended on 03.07.2016) "On the mass media". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/
3. Federal Law No. 436-FZ of 29.12.2010 "On the Protection of Children from Information Harmful to their Health and Development." URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/
4. Andrianov, M. Abuse of freedom of mass information in covering crime problems / M. Andrianov // Criminal law. – 1999. – №2. – P. 89.
5. Zhmurov D.V. Scenario aggression of adolescents / D.V. Zhmurov // Business in the law. – 2007. – №3. – P. 253-255.
6. Child's health in the modern information environment: Teaching-methodological manual / Le-van TN. - Moscow: Forum, SRC INFRA-M, 2015. – 224 p.
7. Ivanov A.V. Negative influence of modern television and computer games on juvenile delinquency / A.V. Ivanov // Bulletin of TISBI. – 2010. – №2. – P. 165–172.
8. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. – М.: Eksmo. – 2006. – 219 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – С. 56–68.

УДК 342.951:343.8

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Евсикова Е. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье проводится анализ актуальной для общества и государства проблемы домашнего насилия, приводятся статистические данные, изучается состояние научной разработки вопросов участия органов внутренних дел в системе профилактики домашнего насилия. Автор предлагает собственное понятие «домашнее насилие» и «предупреждение домашнего насилия», а также классификацию субъектов предупреждения домашнего насилия. В ходе проведенного исследования автор приходит к выводу, что основным субъектом в сфере предупреждения домашнего насилия являются органы внутренних дел и, прежде всего, полиция.

Ключевые слова: домашнее насилие, предупреждение домашнего насилия, субъекты предупреждения домашнего насилия, органы внутренних дел.

Актуальность темы. Домашнее насилие – серьезная и актуальная проблема современности, решение которой требует разработки и реализации комплекса профилактических мер как со стороны государства, так и общества.

В своих выступлениях Президент России В. В. Путин неоднократно обращал внимание на необходимость обеспечения и защиты законных интересов граждан в целом и в сфере семейных отношений в частности [1; 2; 3; 4]. Среди основных вызовов, угрожающих основополагающему неотчуждаемому праву на жизнь, Уполномоченный по правам человека в РФ выделил бытовое и домашнее насилие [4].

Министр внутренних дел РФ В. А. Колокольцев, выступая на заседаниях коллегий МВД России в 2015, 2016 и 2017 гг., среди приоритетных задач органов внутренних дел (далее – ОВД, полиция) назвал профилактику правонарушений и преступлений на бытовой почве и обеспечение правопорядка в жилом секторе [6; 7; 8].

Несмотря на повышенное внимание к данной проблеме как среди представителей государственной власти, так и среди широкой общественности, статистические данные свидетельствуют о том, что количество правонарушений и преступлений в сфере домашнего насилия с каждым годом увеличивается или продолжает оставаться на опасно высоком уровне. Так, в 2015 г. участковыми уполномоченными полиции рассмотрено почти 12,7 млн. заявлений и обращений граждан, а в 2014 г. – 11 млн., пресечено 83,2 тыс. преступлений, совершённых на бытовой почве, установлены виновные по 328 тыс. преступлений, разыскано 12,5 тыс. лиц, скрывшихся от органов следствия, дознания или суда [6; 7].

Изучение статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает, что в 2014 г. в суды общей юрисдикции поступило 1480 дел по

административным правонарушениям, посягающим на здоровье граждан (в 2015 г. – 8 208), 17 172 дела (в 2015 г. – 16 596) по ст. 5.51 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [9], 25 954 дел (в 2015 г. – 26 042) по ст. 7.17 КоАП РФ; по преступлениям против жизни и здоровья: убийство (ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [10]) в 2014 г. поступило 11 439 дел (в 2015г. – 10 910), иные посягательства на жизнь человека (ст.ст. 106-110 УК РФ) – 2047 (в 2015 г. – 1921), умышленное причинение тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью (ст. 111–112 УК РФ) – 53 278 (в 2015 – 50 243), иное причинение тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью и истязания (ст. 113, 114, 117, 118 УК РФ) – 7428 дел (в 2015 – 6897), изнасилование (ст. 131 УК РФ) – 2 808 дел (в 2015 – 2 733) [11–14].

В тоже время, в силу высокой степени латентности домашнего насилия, эти данные в определенной степени условны, а совершение актов домашнего насилия можно выделить как в контексте административных правонарушений, посягающих на здоровье граждан, предусмотренных главой 6 КоАП РФ, которые в большинстве случаев сопровождаются правонарушениями, предусмотренными ст. 5.51 КоАП РФ (оскорбление) и 7.17 КоАП РФ (уничтожение или повреждение чужого имущества), так и преступлений, предусмотренных ст.ст. 105, 110–113, 115–117, 119, 131 УК РФ.

Как видим, информация, которую можно получить на основе данных судебной статистики, является достаточно обобщенной и не позволяет оценить масштабность указанного бедствия.

Основной текст. Проблема домашнего насилия и его предупреждения имеет мировые масштабы, охватывает все страны мира независимо от государственно-правовых форм или уровня социально-экономического развития. Так, во многих государствах приняты специальные законы, регулирующие общественные отношения в сфере предупреждения семейного (домашнего, семейно-бытового) насилия ((США (1994 г.), Германия и Украина (2001 г.), Великобритания (2004 г.), Грузия (2006 г.), Казахстан (2009 г.), Азербайджан (2010 г.), Таджикистан (2013 г.), Белоруссия (2014 г.) и т. д.).

Наша страна встала на путь предупреждения домашнего насилия в 1981 г. с момента вступления в силу Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин для СССР [16]. Вместе с тем, проблема предупреждения домашнего насилия в Российской Федерации обсуждается уже более 20-ти лет, на законодательном уровне ведется дискуссия о необходимости принятия закона «О предупреждении и профилактике семейно-бытового насилия» [17], однако конкретных шагов со стороны законодателя по решению данной проблемы и предупреждению домашнего насилия до сих пор не принято.

Единственным положительным аспектом в решении данной проблемы является разработка и принятие 23 июня 2016 г. Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [18], который, однако, вызвал больше вопросов в правовом регулировании данной сферы правоотношений и требует серьезной доработки и усовершенствования [19].

Сегодня в России основную помощь жертвам домашнего насилия оказывают учреждения социальной помощи и реабилитации, созданные для социального обслуживания семьи и детей, кризисные центры, которые предоставляют

психологические, медицинские, педагогические, социально-бытовые, юридические услуги.

Оценивая состояние научной разработки вопросов участия ОВД в системе профилактики домашнего насилия, необходимо отметить, что проблема его предупреждения активно изучается в России более 20-ти лет представителями различных областей знаний.

Так, *медико-социальные аспекты насилия* в отношении женщин и приоритетные направления его профилактики насилия в семье, медико-социальная помощь пострадавшим, особенности судебно-медицинской экспертной оценки вреда, причиненного здоровью, в случаях насилия в семье рассмотрены Рудневым А. О. [20], Кирьяновым В. М., Задарновским А. Л.; *социальные и социологические проблемы дисфункции в семье* рассмотрены Писклаковой-Паркер М. П., Сошниковой И. В. [21]; *уголовно-правовые, криминологические и виктимологические аспекты насилия в семье* отражены в работах Колпаковой Л. А. [22], Фатеева А. Н. [23], Зарубиной К. Д. [24], Лихачевой О. В., Отабоевой Л. О., Сидоренковой Т. А., Шакиной В. А., Штефан А. В.; *особенности расследования преступлений, связанных с домашним насилием*, раскрыты Пашенко А. С. [25] и т. д.

В тоже время непосредственно ОВД как субъект предупреждения домашнего насилия являются предметом административно-правового исследования в единичных случаях. Так, Равнюшкиным А. В. исследованы административно-правовые средства предупреждения и пресечения ОВД правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений [26].

В научных публикациях, законодательных актах для обозначения исследуемого явления используются категории «*семейное насилие*», «*семейно-бытовое насилие*», «*насилие в отношении женщин и детей*», «*домашнее насилие*», «*насилие в семье*» и т. д. В рамках данной публикации считаем правильным применить понятие «*домашнее насилие*» [15] как наиболее полно отражающее содержание и сущность данного деструктивного явления, поскольку термин «*семейное насилие*» или «*семейно-бытовое насилие*» ограничивает данные противоправные деяния рамками семейных отношений, в круг которых не могут входить отношения между партнерами, сожителями и т. д. Получается ситуация, в которой семья как основная ячейка общества нуждается в надежной защите со стороны общества и государства, но реалии сегодняшнего дня таковы, что в преобладающем большинстве случаев отношения между мужчиной и женщиной строятся за рамками данного института и не подпадают под правовое регулирование семейного законодательства и определение «*семьи*» в традиционном для нас понимании.

В то же время термин «*домашнее насилие*» позволяет относить к данному явлению все варианты насилия (физического, сексуального, психологического, духовного, экономического), совершенного в рамках «*дома*» (комнаты, квартиры, жилого помещения и т. д.) одним лицом (агрессором) по отношению к другому лицу (жертве) в отношениях, возникающих, изменяющихся и/или прекращающихся между супругами/ бывшими супругами; близкими партнерами/ бывшими близкими партнерами; родителями или лицами их заменяющими, детьми, внуками, другими родственниками; родственниками со стороны супругов; людьми, которые живут вместе, но не состоят в браке или родстве; людьми, которые были помолвлены или собираются (собирались) пожениться.

Официальное понятие «домашнее насилие» закреплено в Конвенции Совета Европы «О предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием» от 11.05.2011 (Стамбульской конвенции) [27]. В ней термин «домашнее насилие» включает все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту, или между бывшими либо нынешними супругами, или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо их совершающее в том же месте, что и жертва [27, ст. 3].

Кроме того, Стамбульская конвенция содержит определение «насилие в отношении женщин», под которым понимается нарушение прав человека и форма дискриминации в отношении женщин, а также все акты насилия по гендерному признаку, которые приводят или могут привести к физическому, сексуальному, психологическому или экономическому ущербу или страданиям в отношении женщин, включая угрозы таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, независимо от того, происходит ли это в публичной или частной жизни [27, ст. 3].

Учитывая то, что домашнему насилию могут быть подвергнуты не только женщины, но и мужчины, а также несовершеннолетние, по нашему мнению, целесообразно использовать именно термин «домашнее насилие», а не «насилие в отношении женщин», как более общее понятие.

Обращаясь к научным исследованиям, отметим, что единого подхода в понимании термина «домашнее насилие» на сегодняшний день в юридической науке не выработано.

Так, Пашенко А. С. под «домашним насилием» понимает процесс, состоящий из противоправного, виновного, систематического физического или психического воздействия на членов семьи, осуществляемое против их воли с целью вынудить людей совершить нежелательные для них действия путем причинения боли, обиды, физического стеснения (ограничения) как угрозы или наказания [25, с. 8].

Фатеев А. Н. рассматривает «домашнее насилие» как совокупность и уголовно наказуемых, и административно наказуемых деяний, а также таких форм поведения, которые формально не являются деликтами (правонарушениями), но вступают в противоречие с общепринятым и одобряемым стандартом поведения в семье в условиях совместного проживания, и которые образуют предпосылки домашней семейной насильственной преступности [23, с. 7].

По нашему мнению, «домашнее насилие» – это противоправное деяние, представляющее собой принудительное воздействие одного лица (агрессора) в отношении другого лица – члена семьи, родственника или близкого человека (жертвы), совершаемое в физической, сексуальной, психологической, духовной, экономической форме, которое причиняет страдания последнему, включая оскорбления, угрозы совершения таких действий, шантаж, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни, подпадающее под признаки административного правонарушения или преступления. В связи с чем предлагается внести изменения в административное и уголовное законодательство с целью четкого установления и разграничения ответственности за правонарушения и преступления в сфере домашнего насилия. Кроме того, при

разработке соответствующего законодательства в сфере предупреждения домашнего насилия предлагаем исходить из предложенной нами дефиниции.

Вместе с тем понятие «предупреждение домашнего насилия» на сегодняшний день отсутствует. Однако, используя логику законодателя, который раскрывает это понятие как элемент деятельности по «противодействию терроризму» [28], «противодействию экстремистской деятельности» [29], «противодействию коррупции» [30], под предупреждением домашнего насилия предлагается понимать деятельность по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению домашнего насилия, в том числе внедрению социально-восстанавливающих программ для жертв домашнего насилия и корректирующих (реабилитационных) программ для лиц, его совершивших.

Таким образом, опираясь на предложенное нами понятие «предупреждение домашнего насилия», можно определить и классифицировать следующую систему субъектов, реализующих предупреждение домашнего насилия, а именно:

1. *По критерию участия в формировании государственных программ в сфере противодействия домашнему насилию можно выделить:* на федеральном уровне (Президент РФ; Государственная Дума и Совет Федерации; Правительство РФ; Уполномоченный по правам человека в РФ; Уполномоченный по правам ребенка в РФ; федеральные органы исполнительной власти, которые осуществляют предупреждение домашнего насилия в пределах своих полномочий (Министерство внутренних дел РФ; Следственный комитет; Министерство юстиции РФ; Министерство здравоохранения РФ; Министерство образования и науки РФ; Министерство связи и массовых коммуникаций РФ; Министерство труда и социальной защиты РФ и т.д.)); на региональном уровне (органы законодательной и исполнительной власти субъектов РФ; Уполномоченный по правам человека в субъекте РФ; Уполномоченный по правам ребенка в субъекте РФ); на местном уровне (органы местного самоуправления муниципальных образований).

2. *По критерию реализации мер предупреждения домашнего насилия, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению домашнего насилия, привлечению виновных лиц к ответственности (профилактика домашнего насилия)* это органы: внутренних дел, прокуратуры, судебной власти; органы и учреждения уголовно-исполнительной системы; органы и учреждения связи и массовых коммуникаций.

3. *По критерию реализации мер по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию правонарушений и преступлений в сфере домашнего насилия (борьба с домашним насилием)* это органы внутренних дел и прокуратуры.

4. *По критерию минимизации и ликвидации последствий домашнего насилия, в том числе прохождение социально-восстанавливающих программ жертвами домашнего насилия и корректирующих (реабилитационных) программ лицами, совершившими правонарушения и преступления в сфере домашнего насилия,* это: органы внутренних дел; органы и учреждения здравоохранения; органы и учреждения образования и науки; предприятия и учреждения связи и массовых коммуникаций; органы и учреждения труда и социальной защиты; органы местного самоуправления; общественные объединения и некоммерческие организации, созданные в целях противодействия домашнему насилию и оказания помощи лицам, пострадавшим от домашнего насилия, и т. д.

Однако, несмотря на достаточно широкий круг субъектов предупреждения домашнего насилия, в приведенной нами классификации можно выделить основного субъекта предупреждения, которым, по нашему мнению, являются ОВД и, прежде всего, полиция, куда чаще всего обращаются пострадавшие от домашнего насилия лица.

Деятельность ОВД по предупреждению домашнего насилия корреспондируется с реализацией основных функций полиции, среди которых можно выделить: защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам; осуществление производства по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний; государственную защиту потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [31, п. 1 ст. 2].

Для выполнения задач, возложенных на ОВД в области предупреждения домашнего насилия, используется весь арсенал правовых средств, среди которых административно-правовые являются наиболее эффективными. Можно согласиться с мнением Равнюшкина А. В., который считает, что административно-правовыми средствами предупреждения ОВД правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений целесообразно понимать систему административно-правовых норм и административных процедур (действий), реализуемых уполномоченными субъектами и оказывающих регулирующее воздействие на поведение граждан в сфере семейно-бытовых отношений с целью недопущения вредных его последствий и включающие в себя различные методы и способы правового регулирования [26, с. 11].

Однако в комплексе мер профилактического характера, осуществляемых полицией, приоритетное значение имеет работа с лицами, склонными к совершению правонарушений и стоящими на профилактических учетах.

В большинстве случаев именно сотрудники полиции первыми выезжают на место совершения правонарушений и преступлений в сфере домашнего насилия; в предусмотренных законодательством случаях (если деяние подпадает под признаки административного правонарушения, предусмотренного КоАП РФ) наделены правом применять такие меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как: доставление, задержание, личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства, находящихся при физическом лице, изъятие вещей и документов, направление лица на освидетельствование на состояние алкогольного опьянения или на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, привод; осуществляют производство по делам об административных правонарушениях; осуществляют уголовное преследование, если совершенное деяние подпадает под признаки уголовно-наказуемого; принимают участие в исполнении и реализации всех мер индивидуальной профилактики в отношении правонарушителей.

В системе ОВД можно выделить следующие подразделения, деятельность которых непосредственно связана с выявлением, пресечением, предупреждением, раскрытием и расследованием правонарушений и преступлений в сфере домашнего насилия:

– подразделения патрульно-постовой службы полиции, которые в пределах своей компетенции участвуют в мероприятиях по профилактике и предупреждению преступлений и иных правонарушений, осуществляемых по линии других подразделений органов внутренних дел, правоохранительных органов, органов государственной власти [32, пп. 7.7 п. 7];

– органы следствия и дознания, которые соответственно осуществляют предварительное следствие и дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, в сфере домашнего насилия, а также уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения (к частному обвинению относится умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности (ч. 1 ст. 115 УК РФ); нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ (ч. 1 ст. 116 УК РФ)) [33, ст. 38–41];

– подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, различные оперативно-профилактические мероприятия в целях стабилизации оперативной обстановки, повышения эффективности профилактической работы с лицами, склонными к совершению домашнего насилия (например, «Профилактика – БЫТ»; «БЫТ – Семья») в целях выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений в сфере домашнего насилия; выявления и постановки на профилактический учет лиц, склонных к совершению преступлений в сфере домашнего насилия; предупреждения совершения преступлений в сфере домашнего насилия и снижения уровня преступности в сфере домашнего насилия в целом [34];

– оперативные дежурные дежурных частей, которые обеспечивают прием информации о преступлениях, административных правонарушениях в сфере домашнего насилия, организуют своевременное реагирование, составляют протоколы об административных правонарушениях по результатам выяснения обстоятельств факта совершения лицом административного правонарушения; в случаях, предусмотренных ст. 28.7 КоАП РФ – выносят определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования; передают или направляют материалы дела об административном правонарушении должностному лицу, уполномоченному составлять протокол об административном правонарушении [35, п. 6];

– участковые уполномоченные полиции (далее – УУП), которые ведут основную работу по выявлению и предупреждению домашнего насилия, ставят на профилактический учет лиц, допускающих правонарушения в сфере бытовых отношений и представляющих опасность для окружающих, руководствуясь прежде всего приказом МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» вместе с приложением «Наставление по организации деятельности участковых уполномоченных полиции» (далее – Приказ МВД России № 1166) [36].

Так, пп. 63.3 п. 63 Приказа МВД России № 1166 предусмотрено, что УУП проводят индивидуальную профилактическую работу с гражданами, совершившими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющими опасность для окружающих, состоящими на профилактическом учете, которая

включает в себя: проведение профилактических бесед с лицами, состоящими на профилактическом учете; наблюдение за поведением лиц, состоящих на профилактическом учете, их образом жизни, кругом общения; опрос родственников лиц, состоящих на профилактическом учете, их соседей и других лиц; применение мер административного принуждения к лицам, состоящим на профилактических учетах и нарушающим законодательство Российской Федерации [36].

Кроме того, УУП ведут паспорт на административный участок, в который вносятся лица, допускающие правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющие опасность для окружающих, в котором указываются Ф. И. О. такого лица, дата и место его рождения, адрес места жительства и контактный телефон, наличие правонарушений и даты их совершения, дата постановки лица на учет и дата снятия с учета (дата продления), дата проверки.

Отметим, что в статистической отчетности МВД выделен отдельный раздел, который включает сведения о преступлениях, предусмотренных ст. 105, 111–112, 115–117, 119 УК РФ.

Кроме того, статистика МВД России фиксирует родственные связи преступника и потерпевшего, а также выделяет преступления, совершенные по бытовым мотивам («ревность, ссора, иные бытовые причины») [37, с. 143–144].

В то же время существующая сегодня в МВД России система учета правонарушений и преступлений, в том числе совершенных в сфере домашнего насилия, не лишена недостатков.

По нашему мнению, существенным пробелом этой системы учета является недостаточное количество сведений о жертве домашнего насилия и ее связях с лицом, совершившим правонарушение или преступление в сфере домашнего насилия, что не позволяет вести учет и анализ информации о жертвах домашнего насилия.

Так, раздел 2 «Сведения о преступлениях, совершенных на бытовой почве» (Форма «Профилактика» № 578) не содержит данные о преступлениях, предусмотренных ст. 107, 108, 110, 113, 114, 131 УК РФ, которые также можно отнести к преступлениям, совершенным в сфере домашнего насилия (физического, сексуального, психологического, духовного, экономического домашнего насилия) над лицом.

Таким образом, на основе проведенного анализа, можно предложить усовершенствование:

– существующих в МВД России форм учета лиц, допускающих правонарушения и преступления в сфере домашнего насилия (агрессоров), а также предложить ведение форм учета лиц, пострадавших от домашнего насилия (жертв);

– мер воздействия на лиц, совершивших правонарушения и преступления в сфере домашнего насилия, путем разработки и принятия соответствующего закона «О предупреждении домашнего насилия в Российской Федерации» и внесении изменений и дополнений в административное и уголовное законодательство в части установления ответственности за совершение домашнего насилия и применении предупредительных мер воздействия, таких как защитное предписание (выдается сотрудником полиции) и охранный ордер (выдается судом в случае нарушения агрессором требований защитного предписания и содержит более жесткие ограничения и запреты для агрессора);

– внутреннее и внешнее взаимодействие в системе субъектов предупреждения домашнего насилия путем разработки и нормативно-правового закрепления порядка реализации полномочий в сфере предупреждения домашнего насилия каждым субъектом.

Предложенные усовершенствования позволят получить более реальную картину в сфере домашнего насилия в Российской Федерации и будут способствовать его предупреждению, прежде всего, УУП, которые на основе имеющейся информации смогут более качественно вести профилактический учет, получать более полную информацию о жертвах домашнего насилия и правонарушителях, осуществлять предупреждение совершения правонарушений и преступлений в сфере домашнего насилия, корректировать поведение правонарушителей в случае его отклонения в сторону совершения домашнего насилия, а также позволят выделить в судебной статистике отдельную категорию административных и уголовных дел по правонарушениям и преступлениям, которые совершаются в сфере домашнего насилия.

Подводя итог, можно сказать, что именно ОВД являются основным субъектом предупреждения домашнего насилия, поскольку они первыми приезжают на вызов, общаются с жертвой домашнего насилия, в случае необходимости оказывают ей первую помощь и психологическую поддержку, применяют предусмотренные законодательством меры воздействия к правонарушителю, ведут профилактический учет таких лиц, применяют меры обеспечения по делам об административных правонарушениях или меры уголовно-процессуального обеспечения и т. д. Поэтому именно от ОВД и профессиональности их действий, а также наличия соответствующих полномочий, предусмотренных законодательством, во многом зависит эффективность предупреждения совершения актов домашнего насилия, а также реабилитация и социальная адаптация жертв домашнего насилия и корректировка поведения правонарушителей.

Однако, необходимо понимать, что в основе домашнего насилия, как правило, лежат социальные проблемы, такие как алкоголизм, наркомания, безработица. Поэтому решать данную проблему следует при активном и скоординированном участии всех субъектов предупреждения домашнего насилия, опирающихся на нормативно-правовое и ресурсное обеспечение.

Список литературы

1. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. URL: <http://base.garant.ru/70278636/>
2. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г. URL: <http://base.garant.ru/70534308/>
3. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 4 декабря 2014 г. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/587192/>
4. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 1 декабря 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>.
5. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 г. URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2015>
6. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации, генерал-полковника полиции В. А Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства 4 марта 2015 года. URL: <https://mvd.ru/document/3327920>.

7. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В.А Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства 15 марта 2016 года. URL: <https://mvd.ru/document/7393866>
8. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В.А Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства 09 марта 2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54014>.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/10108000/1/#block_1110.
11. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014 год. Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2884>.
12. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015 год. Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417/>
13. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014 год. Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2884>
14. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015 год. Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
15. Евсикова Е. В., Жигулина В. В. Особенности законодательного урегулирования предупреждения домашнего насилия в Российской Федерации и других государствах-членах Евразийского экономического союза // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 3 (29). – С. 21–25.
16. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.). Вступила в силу для СССР 3 сентября 1981 г. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540229/>
17. Проект федерального закона «О предупреждении и профилактике семейно-бытового насилия». [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: 2014.org.ru>2014.org.ru/candidates/Кандидаты.../211/.
18. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» № 182-ФЗ от 23.06.2016г. URL: <https://rg.ru/2016/06/28/profilaktika-dok.html>.
19. Евсикова Е. В. Правовые основы профилактики административных правонарушений в Республике Крым // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 8 (99) – С. 148–150.
20. Руднев А. О. Медико-социальные аспекты насилия в отношении женщин в семье (распространенность, факторы риска и профилактика) : дис. ...канд. мед. наук 14.02.03. – М., 2014. – 194 с.
21. Сошникова И. В. Насилие в семье в современной России : социологический анализ : автореф. дис. ...канд. социол. наук 22.00.04. – Екатеринбург, 2011. – 21 с.
22. Колпакова Л. А. Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники : автореф. дис. ...канд. юрид. наук 12.00.08. – К., 2007. – 27 с.
23. Фатеев А. Н. Домашнее насилие: опыт криминологического исследования : автореф. дис. канд. юрид. наук 12.00.08. – М., 2006. – 23 с.
24. Зарубина К. Д. Социальное неблагополучие и насилие в семье (криминологическое исследование) : автореф. дис. ...канд. юрид. наук 12.00.08. – М., 2013. – 24 с.
25. Пашенко А. С. Особенности расследования преступлений, связанных с домашним насилием : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. – Волгоград, 2005. – 25 с.

26. Равнюшкин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения органами внутренних дел правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений : автореф. дис. ...канд. юрид. наук 12.00.14. – М., 2015. – 26 с.
27. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Стамбул, 11.V.2011. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420206767>.
28. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/12145408/#block_1.
29. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/12127578/#block_1.
30. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/12164203/#block_1.
31. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://base.garant.ru/12182530/1/#block_100.
32. Приказ МВД РФ от 29 января 2008 г. N 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/12159440/>
33. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/12125178/1/#block_1000.
34. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/10104229/>.
35. Приказ МВД РФ от 30 апреля 2012 г. N 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/70195516/>
36. Приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции». Зарегистрирован в Минюсте России 19.03.2013 N 27763. URL: <https://69.mvd.ru/document/1044082>.
37. Настольная книга участкового уполномоченного полиции (методическое пособие) / под ред. С.И. Гирько и Ю.Н. Демидова // Объединенная редакция МВД России. – М., 2013. – 384 с.

Evsikova E.V. Organs of internal affairs as subject of prevention of domestic violence // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – P. 57–69.

Annotation. In the article is made an analysis of the problem actual for society and the state concerning domestic violence, are provided statistical data, and is researched the state of scientific development of questions about participation of organs of internal affairs in the system of prevention of domestic violence. The author offers own concept "domestic violence" and "prevention of domestic violence", and also classification of subjects of domestic violence prevention. During the research, author comes to the conclusion, that basic subject in the field of prevention of domestic violence are organs of internal affairs and, foremost, police.

Keywords: domestic violence; prevention of domestic violence; subjects of domestic violence prevention; organs of internal affairs.

References

1. Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniju RF ot 12 dekabrja 2012 g. URL: <http://base.garant.ru/70278636/>
2. Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniju RF ot 12 dekabrja 2013 g. URL: <http://base.garant.ru/70534308/>
3. Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniju RF ot 4 dekabrja 2014 g. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/587192/>
4. Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniju RF ot 1 dekabrja 2016 g. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>.
5. Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2015 g. URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2015>
6. Vystuplenie Ministra vnutrennih del Rossijskoj Federacii, general-polkovnika policii V.A. Kokol'ceva na rasshirennom zasedanii kollegii Ministerstva 4 marta 2015 goda. URL: <https://mvd.ru/document/3327920>.

7. Vystuplenie Ministra vnutrennih del Rossijskoj Federacii generala policii Rossijskoj Federacii V.A Kolokol'ceva na rasshirennom zasedanii kollegii Ministerstva 15 marta 2016 goda. URL: <http://mvd.ru/document/7393866>
8. Vystuplenie Ministra vnutrennih del Rossijskoj Federacii generala policii Rossijskoj Federacii V.A Kolokol'ceva na rasshirennom zasedanii kollegii Ministerstva 09 marta 2017 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54014>.
9. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah ot 30 dekabnja 2001 g. № 195-FZ (s izmenenijami i dopolnenijami). URL: http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000.
10. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 ijunja 1996 g. № 63-FZ (s izmenenijami i dopolnenijami). URL: http://base.garant.ru/10108000/1/#block_1110.
11. № 1 «Otchet o rabote sudov obshhej jurisdikcii po rassmotreniju ugovolnyh del po pervoj instancii»; Svodnye statisticheskie svedeniya o dejatel'nosti federal'nyh sudov obshhej jurisdikcii i mirovyh sudej za 2014 god. Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2884>.
12. № 1-AP «Otchet o rabote sudov obshhej jurisdikcii po rassmotreniju del ob administrativnyh pravonarushenijah»; Svodnye statisticheskie svedeniya o dejatel'nosti federal'nyh sudov obshhej jurisdikcii i mirovyh sudej za 2015 god. Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417/>
13. № 1 «Otchet o rabote sudov obshhej jurisdikcii po rassmotreniju ugovolnyh del po pervoj instancii»; Svodnye statisticheskie svedeniya o dejatel'nosti federal'nyh sudov obshhej jurisdikcii i mirovyh sudej za 2014 god. Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2884>
14. № 1 «Otchet o rabote sudov obshhej jurisdikcii po rassmotreniju ugovolnyh del po pervoj instancii»; Svodnye statisticheskie svedeniya o dejatel'nosti federal'nyh sudov obshhej jurisdikcii i mirovyh sudej za 2015 god. Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
15. Evsikova E.V., Zhigulina V.V. Osobennosti zakonodatel'nogo uregulirovanija preduprezhdenija domashnego nasilija v Rossijskoj Federacii i drugih gosudarstvach-chlenah Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza / Evsikova E.V., Zhigulina V.V. – Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. - № 3 (29). – S. 21-25.
16. Konvencija o likvidacii vseh form diskriminacii v otnoshenii zhenshhin (N'ju-Jork, 18 dekabnja 1979 g.). Vstupila v silu dlja SSSR 3 sentjabnja 1981 g. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540229/>
17. Proekt federal'nogo zakona «O preduprezhdenii i profilaktike semejno-bytovogo nasilija». [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: 2014.oprf.ru/2014.oprf.ru/candidates/Kandidaty.../211/.
18. Federal'nyj zakon «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» № 182-FZ ot 23.06.2016g. URL: <https://rg.ru/2016/06/28/profilaktika-dok.html>.
19. Evsikova E.V. Pravovye osnovy profilaktiki administrativnyh pravonarushenij v Respublike Krym / Evsikova E.V. – Evrazijskij juridicheskij zhurnal. - № 8 (99) 2016. – S. 148-150.
20. Rudnev A.O. Mediko-social'nye aspekty nasilija v otnoshenii zhenshhin v sem'e (rasprostranennost', faktory riska i profilaktika) : dis. ...kand. med. nauk 14.02.03 / Rudnev Aleksej Olegovich. – M., 2014. – 194 s.
21. Soshnikova I.V. Nasilie v sem'e v sovremennoj Rossii : sociologicheskij analiz : avtoref. dis. ...kand. sociol. nauk 22.00.04 / Soshnikova Irina Vladimirovna. – Ekaterinburg, 2011. – 21 s.
22. Kolpakova L.A. Nasilie v sem'e: viktimologicheskij aspekt, differenciacija otvetstvennosti i voprosy zakonodatel'noj tehniky : avtoref. dis. ...kand. jurid. nauk 12.00.08 / Kolpakova Ljudmila Alekseevna. – K., 2007. – 27 s.
23. Fateev A.N. Domashnee nasilie : opyt kriminologicheskogo issledovanija : avtoref. dis. ...kand. jurid. nauk 12.00.08 / Fateev Aleksandr Nikolaevich. – M., 2006. – 23 s.
24. Zarubina K.D. Social'noe neblagopoluchie i nasilie v sem'e (kriminologicheskoe issledovanie) : avtoref. dis. ...kand. jurid. nauk 12.00.08 / Zarubina Ksenija Dmitrievna. – M., 2013. – 24 s.
25. Pashhenko A.S. Osobennosti rassledovanija prestuplenij, svjazannyh s domashnim nasiliem : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.09 / Pashhenko Anastasija Sergeevna. – Volgograd, 2005. – 25 c.
26. Ravnjushkin A.V. Administrativno-pravovye sredstva preduprezhdenija i presechenija organami vnutrennih del pravonarushenij v sfere semejno-bytovykh otnoshenij : avtoref. dis. ...kand. jurid. nauk 12.00.14 / Ravnjushkin Aleksandr Viktorovich. – M., 2015. - 26 s.

27. Konvencija Soveta Evropy o predotvrashhenii i bor'be s nasiliem v otnoshenii zhenshin i domashnim nasiliem. Stambul, 11.V.2011. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420206767>.
28. Federal'nyj zakon ot 6 marta 2006 g. N 35-FZ "O protivodejstvii terrorizmu" (s izmenenijami i dopolnenijami). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://base.garant.ru/12145408/#block_1.
29. Federal'nyj zakon ot 25 ijulja 2002 g. N 114-FZ "O protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti" (s izmenenijami i dopolnenijami). URL: http://base.garant.ru/12127578/#block_1
30. Federal'nyj zakon ot 25 dekabnja 2008 g. N 273-FZ "O protivodejstvii korrupcii" (s izmenenijami i dopolnenijami). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://base.garant.ru/12164203/#block_1
31. Federal'nyj zakon ot 7 fevralja 2011 g. N 3-FZ "O policii" (s izmenenijami i dopolnenijami). URL: http://base.garant.ru/12182530/1/#block_100.
32. Prikaz MVD RF ot 29 janvarja 2008 g. N 80 "Voprosy organizacii dejatel'nosti stroevykh podrazdelenij patrol'no-postovoj sluzhby policii" (s izmenenijami i dopolnenijami). URL: <http://base.garant.ru/12159440/>
33. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabnja 2001 g. N 174-FZ (s izmenenijami i dopolnenijami). URL: http://base.garant.ru/12125178/1/#block_1000.
34. Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. N 144-FZ "Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti" (s izmenenijami i dopolnenijami). URL: <http://base.garant.ru/10104229/>.
35. Prikaz MVD RF ot 30 aprelja 2012 g. N 389 "Ob utverzhdenii Nastavlenija o porjadke ispolnenija objazannostej i realizacii prav policii v dezhurnoj chasti territorial'nogo organa MVD Rossii posle dostavljenija grazhdan" (s izmenenijami i dopolnenijami). URL: <http://base.garant.ru/70195516/>
36. Prikaz MVD Rossii ot 31 dekabnja 2012 g. № 1166 "Voprosy organizacii dejatel'nosti uchastkovykh upolnomochennykh policii" Zaregistrovan v Minjuste Rossii 19.03.2013 N 27763. URL: <https://69.mvd.ru/document/1044082>.
37. Nastol'naja kniga uchastkovogo upolnomochennogo policii (metodicheskoe posobie) / pod red. S I. Gir'ko i Ju. N. Demidova / Obedinennaja redakcija MVD Rossii. – M., 2013. – 384 s.

УДК 343.93

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ
НЕВРОЛОГИИ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Мухин Г. Н., Исютин-Федотков Д. В.

*Белорусский государственный экономический университет
Адвокатское бюро г. Москвы «Асташкевич и партнеры»*

В статье обосновывается мнение о том, что специальные знания в области неврологии могут быть использованы в криминалистике для решения задач раскрытия и расследования преступлений. Такие знания являются составной частью специальных антропологических знаний и могут быть использованы в процессе выдвижения версий о нервных аномалиях неустановленного преступника, особенностях его поведения и информации о специфике его речевых свойств и оставленных им других следов-отображений. Специальные знания – это знания в определенной области человеческой деятельности, приобретенные в результате профессиональной подготовки, научной деятельности или опыта практической работы и используемые в процессе раскрытия и расследования преступлений. Приведены сведения по симптомам и их совокупности для различных нервных заболеваний, внешние признаки поведения и другие особенности. Авторы делают вывод, что такая информация может быть использована в криминалистике в выявлении связей признаков неврологических заболеваний, выявленных по показаниям очевидцев, и выдвижении версии о психосоматических аномалиях неустановленного преступника.

Ключевые слова: неврология, специальные знания, симптомы, синдромы, криминалистическая неврология, криминалистическая антропология, система криминалистической антропологии.

Специальные знания в области неврологии как науки о функциях нервной системы, клинических проявлениях, диагностике, методах лечения и профилактики заболеваний нервной системы могут быть использованы в криминалистике для установления преступника путем анализа его биологических, психологических и иных свойств, получивших свое закономерное отражение в памяти следователя.

Эти знания являются составной частью специальных антропологических знаний и могут быть использованы в процессе выдвижения версий о нервных аномалиях неустановленного преступника, особенностях его поведения и информации о специфике его речевых свойств и оставленных им других следов-отображений.

Под криминалистической антропологией понимают систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по использованию сведений о специфике личности, внешнеповеденческих признаков, биологических следов, врожденных психосоматических особенностях и преступного поведения в раскрытии и расследовании преступлений. В широком понимании термин «антропология» понимается как универсальная наука о человеке [1, с. 6], объединяющая знания различных направлений – истории, психологии, медицины, культуры, языка и др. Для современной антропологии характерны новые направления ее развития и интенсивные исследования ее генетических,

медицинских и иных аспектов, которые образуют систему наук о человеке.

Специальные знания – это знания в определенной области человеческой деятельности, приобретенные в результате профессиональной подготовки, научной деятельности или опыта практической работы и используемые в процессе раскрытия и расследования преступлений. Среди специальных не учитываются знания в области материального, процессуального права и методологических наук. Это определение отражает авторскую точку зрения, не является бесспорным, т. к. есть и иные определения специальных знаний [2, с. 146].

Для решения задач раскрытия и расследования преступлений используется широкий спектр специальных знаний и современные достижения психологии, медицины, генетики и других наук, в рамках которых накоплен значительный объем сведений, которые могут быть применены в криминалистике. Но этот объем в значительной своей части остается неиспользуемым, а отдельные попытки развития криминалистической антропологии за счет медицинских наук не находят поддержки. Специальные научные знания в области неврологии и стали предметом данной статьи.

Научные дисциплины, изучающие человека, его развитие и существование, определены как антропология – наука о человеке, занимающая пограничное положение в системе дисциплин естественного и гуманитарного цикла [1, с. 6]. Понятие «антропология» имеет греческое происхождение и означает сумму различных областей знаний о человеке, науку о человеке. Для использования специальных антропологических знаний в раскрытии и расследовании преступлений служит, например, криминалистическая дерматоглифика, установление связи между психическими расстройствами и особенностями внешнеповеденческих признаков преступника. Под внешнеповеденческими признаками понимается совокупность признаков внешности человека (анатомических, функциональных), речевых и психических свойств, эмоциональных признаков, выраженных индивидуально-психологических особенностей [2, с. 85]. Интерес для криминалистики представляют сведения из различных научных дисциплин, образующие систему антропологии и содержащие конкретные сведения о внешних признаках человека, особенностях его поведения (в т. ч. и преступного) и специфике оставляемых им следов, т. е. тех данных, которые могут быть использованы для раскрытия и расследования преступлений.

Биология человека является областью научных знаний, обогащенной методами и фактами биохимических дисциплин. Этот раздел антропологии изучает физиологические, биохимические и генетические факторы, влияющие на вариации строения и развития человека. Здесь же изучаются значимые для криминалистики сведения о результатах исследования гемоглобинов крови, групп крови, связи конституции человека с его физиологическими и химическими особенностями, предрасположенностью к различным заболеваниям. Сведения из биологии, биохимии, конституции человека, его физиологии, о заболеваниях нервной и психической систем могут служить раскрытию и расследованию преступлений, т. е. решению криминалистических задач.

В специальной литературе выделена такая составляющая антропологии, как конституциональная антропология, где конституция человека рассматривается как комплексная биомедицинская проблема, включающая морфологические,

функциональные, психофизиологические, психологические и генетические аспекты [1, с. 175–222]. Еще раз подчеркнем, что для криминалистики нужны сведения из биологии человека, связанные не только с его строением, но и те из них, которые определяют специфику его функциональных признаков и признаков преступного поведения.

Эта информация может быть использована в криминалистике в выявлении связей биохимических особенностей следов крови неустановленного преступника с его функциональными, конституциональными, психопатологическими особенностями, внешнеповеденческими признаками. Она же используется при анализе функциональных и конституциональных особенностей, специфики внешних признаков, преступного поведения, установленных по показаниям очевидцев, выдвижении версии о психосоматических аномалиях неустановленного преступника.

Специальные знания в этих областях знаний не могли не применяться на протяжении всего развития криминалистики, начиная с момента ее возникновения как науки об установлении преступника по его следам. Это подчеркивает истинную природу этой науки, содержащую сведения об использовании достижений естественных и технических наук в раскрытии и расследовании преступлений. На образование системы криминалистической антропологии оказывают существенное влияние и достижения различных сфер научного знания о человеке – физиологии, генетики, эндокринологии, неврологии, нейрофизиологии, дерматоглифики, психологии, психиатрии и др. Иными словами, решение задачи раскрытия и расследования преступлений требует применения всех сведений о человеке, данные которых являются значимыми с криминалистической точки зрения.

Основными направлениями использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений являются сведения о внешних признаках человека и их связи с психосоматическими особенностями, о признаках преступного поведения. Под преступным поведением мы понимаем систему взаимосвязанных реакций психофизиологического характера со стороны субъекта в период совершения преступления, последовательность его действий, особенности преступной деятельности, детерминированные как психофизиологическими особенностями субъекта, так и спецификой внешнего характера, т. е. особенностями окружающей среды [2, с. 14]. Иными словами, эти данные позволяют устанавливать, как соматические и психические особенности личности отражаются в следах, а систематизация этих сведений позволяет использовать их в процессе раскрытия и расследования преступлений, установления преступника по его следам. Симптомы и синдромы заболеваний нервной системы, других систем человека могут быть использованы в криминалистике. Это сведения о специфике преступного поведения, внешнеповеденческих признаков, следовой информации, особенностях речевых признаков, почерка и речевой продукции у неустановленного преступника.

Так, например, основные симптомы одного из заболеваний нервной системы могут служить для раскрытия и расследования преступлений. К ним относятся общая скованность, монотонная негромкая речь, замедленность активных движений, наклонение туловища вперед, согнутые в локтевых суставах верхние конечности, мелкие шаги. Иногда человек не может остановиться, для него характерны мелкий заостренный почерк, тремор пальцев кисти, исчезновение всех

симптомов в период засыпания, сальность лица, шелушение кожи. Эти симптомы могут быть использованы следователем при выдвижении версии о наличии нервного или психического заболевания.

Известны также следующие значимые симптомы гиперкинезов: беспорядочное сгибание и разгибание рук, нахмуривание лба, размахистые движения в конечностях, судорожное сокращение пальцев во время письма, судороги мышц лица; произвольные повороты и наклоны головы. Согласно сведениям, существуют следующие симптомы поражения мозжечка: нарушения стояния и ходьбы, широко расставленные ноги, покачивание, расстройства речи. Замедленная речь теряет плавность, ударения ставятся не на нужных слогах, почерк становится неровным, чрезмерно крупным, человек не может правильно нарисовать круг или другую правильную форму. Для синдромов поражения спинного мозга характерны утрата чувствительности, нарушение функции тазовых органов, икота, одышка, расстройства дыхания, паралич нижних конечностей, нарушение всех видов чувствительности на ногах и в области промежности, жгучие, интенсивные боли в ногах.

При нарушениях черепных нервов наблюдается паралич и слабость жевательных мышц, дряблость их на стороне поражения, сглаженность носогубной складки, слабость круговой мышцы рта, несколько затруднена речь. Для этих нервных расстройств характерны также нарушения координации движений, пошатывание, изменение голоса, гнусавый оттенок, хрипота, нарушение глотания, расстройства сердечного ритма, дыхания. При поражении двигательного нерва затруднен поворот головы в противоположную сторону по отношению к пораженному нерву, плечо на стороне поражения опущено, затруднено его приподнимание, ограничено поднятие руки выше горизонтальной линии. Симптомами поражения подъязычного нерва являются атрофия мышц языка, неотчетливая, заплетающаяся речь, затруднение глотания.

Поражение коры больших полушарий головного мозга приводит к нарушению устной и письменной речи, нарушению памяти, иным расстройствам высших корковых функций. Кора больших полушарий головного мозга достигает у человека по отношению к остальной массе головного мозга наибольших величин и имеет исключительное значение в регуляции жизнедеятельности организма, осуществлении сложных форм поведения и в становлении нервно-психических функций. Речь состоит в основном из существительных, содержит очень мало глаголов, возможна автоматизированная речь, нарушаются чтение, письмо и название предметов.

При других симптомах нарушения речи репродуктивная речь (повторная, автоматизированная) сохранена, но человек не может активно высказать мысль, задать вопрос. Иногда человек говорит много и быстро, его речь непонятна для окружающих, отмечается много искаженных, неточных слов, повторение одних и тех же слов или слогов. Нарушается письмо, недоступным является смысл сравнительных конструкций, характерно забывание названия предметов и имен, речь насыщена глаголами, но в ней мало имен существительных, невозможно название показываемого предмета. Наблюдаются нарушения способности узнавания предметов по чувственным восприятиям, восприятие отдельных признаков предмета. Характерны трудности узнавания и сортировки по цветовым

категориям предметов и сходных по начертанию букв, узнавание знакомых лиц, их фотографий, трудности в определении положения стрелок на часах, правой и левой стороны объекта. Есть нарушения узнавания знакомой улицы, комнаты, предметов по характерным для них звукам, не видя их. Утрачена способность узнавать предметы при ощупывании с закрытыми глазами, затруднена возможность определить расположение отдельных частей тела, утрата возможности ощущения боли, а также идентификации запаха и вкуса.

При нарушении способности выполнять последовательные движения и совершать целенаправленные действия по заранее выработанному плану происходит утрата навыков без выраженных признаков нарушения координации движений. В неврологии выделяют несколько синдромов этого нарушения. Эти нарушения связаны с невозможностью воспроизводить словесные задания и символические жесты (грозить пальцем, отдавать воинское приветствие), трудностью в понимании задания, повторении движений, нарушением письма, распадом навыков сложных движений, склонностью к повторению движений, которые не исправляются и не замечаются.

Нарушения функций лобных долей связаны с механизмами речи и письма, регуляцией сложных форм поведения и процессов мышления. Для этих нарушений характерны безразличие к окружающему, отсутствие критики своих поступков, склонность к плоским шуткам, благодушие, снижение двигательной инициативы, вкусовые, слуховые, обонятельные галлюцинации, приступы вестибулярного головокружения, искаженное восприятие предметов. К основным синдромам поражения структур вегетативной нервной системы относятся сужение зрачка и глазной щели, расстройства чувствительности в верхней конечности и верхнем отделе грудной клетки, затруднение дыхания, тахикардия, боли в области сердца, глаза, а иногда в зубах и деснах нижней челюсти. Для этих заболеваний характерны покраснение и отечность тканей лица, обильные выделения из носа, светобоязнь, слезотечение, покраснение глаз, незначительные герпетические высыпания на коже носа и лба, усиление слюноотделения.

Рассеянный склероз является хроническим прогрессирующим заболеванием центральной нервной системы и характеризуется следующими симптомами и синдромами: дрожание рук, головы и туловища, головокружения, снижение чувствительности в ногах, снижение остроты и изменение полей зрения, нарушения памяти, интеллектуальных и эмоциональных функций, депрессия с преобладанием апатического или тревожного состояния, суицидальные мысли. Эйфория нередко сочетается со снижением интеллекта, нарушением абстрактного мышления, способностью концентрировать внимание и анализировать информацию.

Основными причинами, вызывающими сосудистые заболевания головного мозга, являются атеросклероз, артериальная гипертензия, сочетание атеросклероза с артериальной гипертензией, сахарный диабет, артериальная гипотония и др. Симптомами и синдромами сосудистых заболеваний головного мозга являются головная боль, шум в голове, повышенная утомляемость, эмоциональная лабильность, снижение памяти и внимания. Для указанных заболеваний характерны головокружение, неустойчивость при ходьбе, раздражительность, слезливость, подавленное настроение, снижение интеллекта и работоспособности, нарушения речи и координации, «мелькание мушек» перед глазами, бледность лица.

Типичным проявлением нарушений спинномозгового кровообращения является слабость ног с возникновением ощущения их подкашивания, судороги в ногах, расстройства чувствительности, недержание мочи, онемение и неловкость в руках и ногах, боли в суставах, чувствительные расстройства. Неврологическими проявлениями остеохондроза позвоночника являются боли в области шеи и грудного отдела, поясничная боль, двигательные нарушения. Если отмечается токсическое действие алкоголя на нервы и нарушения в них обменных процессов, то изменения развиваются не только в спинальных и черепных нервах, но также и в головном и спинном мозге.

К факторам, способствующим неврологическим заболеваниям лицевого тройничного и других нервов, относятся артериальная гипертензия, сахарный диабет. Развивается паралич мускулатуры лица, расстройства слюноотделения, покраснение лица, слезотечение. Реже причиной являются инфекции – грипп, пневмония и отравления алкоголем, свинцом. Компрессия нерва в области локтевого сустава возникает у лиц, которые работают с опорой локтями о станок, верстак, письменный стол. При этом появляются онемение и снижение силы в области пальцев, пятый палец обычно отведен.

Признаки опухолей мозга проявляются в виде повышения внутричерепного давления, отека мозга, снижения остроты зрения, эпилептических припадков, психических расстройств, вялости, снижения памяти, трудоспособности и раздражительности, головокружения, расстройств дыхания. Наблюдаются нарушения речи, прожорливость, снижение интеллекта, небрежность в одежде и неопрятность, дурашливость, склонность к плоским шуткам, нелепые поступки, произвольные движения в виде облизывания, чмокания губами.

Черепно-мозговая травма может быть результатом дорожно-транспортных происшествий, падений, производственных, спортивных или бытовых повреждений, неврологического или соматического заболевания. Она характеризуется нарушением памяти на предшествующие травме события, события во время самой травмы или после нее, слабостью в конечностях, нарушениями чувствительности, повышением артериального давления; зрачковыми и глазодвигательными нарушениями. Характерно двигательное возбуждение, шумы в ушах, расстройства ориентировки, расширение зрачков, изменение характера, нарушение памяти, неадекватность поведения, когнитивные нарушения. Последствиями и осложнениями черепно-мозговой травмы являются расстройства чувствительности, нарушения речи, повышенная раздражительность, истощаемость, плаксивость, капризность, ослабление памяти, трудность концентрации внимания, быстрая утомляемость, тревога, депрессия.

Признаками травматического повреждения спинного мозга являются нарушения чувствительности, низкое давление и температура тела, отсутствие потоотделения. Наследственно-дегенеративные заболевания нервной системы характеризуются слабостью мышц верхних и нижних конечностей, лица, шеи, туловища, затруднением передвижения, выпячиванием живота, сужением талии. К иным признакам этого заболевания относятся невозможность встать со стула без помощи рук, чрезмерное растяжение углов рта при улыбке, деформации в суставах и пальцах рук, синюшная окраска кистей и стоп, повышенная потливость, мышечная слабость, утомляемость, быстрая усталость при длительном стоянии на

одном месте. Кроме того, характерны чувствительные расстройства, боли, онемения, ощущение ползания мурашек, деформация стоп, изменение походки, невозможность ходьбы на пятках, повышенная потливость, интеллектуальные расстройства, затрудненность речи и ее сопровождение излишними движениями, изменения со стороны печени и радужной оболочки, нарушения походки, глотания и речи.

Основными признаками заболевания вегетативной нервной системы являются неконтролируемое сексуальное поведение, ярость и страх, нарушения памяти, снижение остроты зрения, лабильность артериального давления, бледность, ощущения нехватки воздуха и заложенности в грудной клетке, шум в голове, головокружение, резкая слабость. Признаками мигрени являются выпадение полей зрения, онемение одной конечности, выраженное расширение артерий, вен, усиление притока крови к мозгу, общая слабость, недомогание, нарушения мышления и концентрации внимания, побледнение, покраснение лица, слезотечение, повышенная саливация.

Заметим, что такие негативные свойства, как агрессивность, злобность, раздражительность, ярость, страх, интеллектуальные расстройства, нарушенное поведение, стойкие когнитивные изменения психики характерны для многих нервных заболеваний, определяют характер и степень общественной опасности совершаемых действий.

В заключение отметим, что указанная выше информация [3; 4] может быть использована в криминалистике в выявлении связей признаков неврологических заболеваний, выявленных по показаниям очевидцев, и выдвигании версии о психосоматических аномалиях неустановленного преступника. Иными словами, основные данные, которые могут быть использованы в раскрытии и расследовании преступлений, – это особенности симптомов и синдромов заболеваний нервной системы, которые в конечном итоге дают сведения о специфике преступного поведения, внешнеповеденческих признаках, следовой информации, особенностях речевых признаков почерка и аномалиях речевой продукции у неустановленного преступника.

Список литературы

1. Христианова Е. Н. Антропология : учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. – 400 с.
2. Мухин Г. Н. Криминалистическая теория отклоняющегося преступного поведения : монография. – Минск : Акад. МВД Республики Беларусь, 2001. – 215 с.
3. Авдей Г.М. Неврология: учеб.пособие. – Гродно, 2003. – 355 с.
4. Гусев Е.И. Неврология и нейрохирургия. – М., «Медицина», 2000. – 656 с.

Mukhin Henadz Nicolaevich, Isyutin-Fedotkov Dmitry Vladimirovich. The use of special knowledge of Neurology in the detection and investigation of crimes // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – P. 70–77.

The article substantiates the view that the expertise in the field of neuroscience can be used in forensic science to solve the problems of disclosure and investigation of crimes. Such knowledge is an integral part of special anthropological knowledge and can be used in the process of nominating versions of nerve anomalies unknown perpetrator, especially its behavior and information about the specifics of his speech properties and left them other tracks mappings. Special knowledge – this knowledge in a particular field of human activity, acquired through training, scientific work or practical experience and used in the detection and investigation of

crimes. The data on the symptoms and their combination for various nervous diseases, external signs of behavior and other features. The authors conclude that such information may be used in forensic science to identify linkages signs of neurological diseases, identified by eyewitnesses, and the nomination version of psychosomatic abnormalities of unknown perpetrator.

Keywords: neurology; expertise; symptoms; syndromes; forensic neurology; forensic anthropology; system of forensic anthropology.

References

1. Hristianova, E.N. Antropologiya : uchebnik. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta: Nauka, 2005 . – 400 s.
2. Mulin G. N. Kriminalisticheskaya teoriya otklonyayushchegosya prestupnogo povedeniya : monografiya. – Minsk : Akad. MVD Respub-lik Belarus, 2001. – 215 s.
3. Avdey G. M. Nevrologiya: ucheb.posobie. – Grodno, 2003. – 355 s.
4. Gusev E. I. Nevrologiya i neyrohirurgiya. – M., «Meditsina». 2000. – 656 s.

УДК 34.096

ПРАВОВЫЕ И МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭВТАНАЗИИ В СОВЕРМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Поддубняк А. А., Куртмамбетова С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассмотрена неоднозначность отношения современного общества к процедуре эвтаназии. Определено понятие «эвтаназия», рассмотрены ее виды, дана общая характеристика данных видов. Кроме того, представлены исторические факты существования эвтаназии задолго до ее официального названия, проиллюстрированы примеры ее применения как в древние века, так и в XX в. н. э. Проанализировано отношение международной общественности к данной процедуре, названы страны, где эвтаназия официально легализована на законодательном уровне, а где в отношении нее есть ограничения. Обоснована неоднозначность применения процедуры эвтаназии с моральной, медицинской и философской стороны. Сделан акцент на правовой противоречивости законодательства в вопросе применения эвтаназии к пациенту при его желании и согласии на эту процедуру.

Ключевые слова: активная и пассивная эвтаназия, пациент, право на жизнь, право на смерть, преступление, эвтаназия.

Сегодня время стремительного развития всех наук, в том числе медицины, что обусловило возникновение такой неоднозначной во всех смыслах проблемы, как эвтаназия. Неоднозначность данной проблемы определяется моральными, медицинскими, правовыми и философскими аспектами.

На актуальность этого вопроса влияет тот факт, что XXI в. характеризуется огромным количеством смертей, причина которых – страшные заболевания, сопровождающиеся длительными мучениями человека. Борьба за жизнь в таких ситуациях бессмысленна и лишь удлиняет страдания человека. Это породило проблему выбора: применять эвтаназию и ускорить смерть больного либо не принимать никаких мер.

Необходимость изучения правовых проблем эвтаназии в ракурсе медицинского права обосновывается сложной природой самой эвтаназии, где тесно переплелись вопросы медицины и права.

На первоначальном этапе работы определим, что понимать под термином «эвтаназия». Впервые этот термин применил английский философ Фрэнсис Бэкон. Термин «euthanasia» («eu» – легкая, «thanatos» – смерть) в переводе означает «легкая, красивая, счастливая, безболезненная смерть» [4, с. 862].

Почти все словари толкуют эвтаназию как способ смерти, не давая этической оценки «самоубийство». Так, Оксфордский словарь дает следующие значения эвтаназии: 1) спокойная, легкая смерть; 2) средство, необходимое для этого; 3) акт по осуществлению такой смерти [9, с. 610].

В медицинской практике существуют различные виды эвтаназии.

1) Активная и пассивная эвтаназии.

Активная эвтаназия – это выполнение каких-либо действий, направленных на ускорение смерти безнадежно больного в последней фазе его заболевания [7, с. 112]. Имеет место в тех случаях, когда врач, наблюдая страдания безнадежно больного человека, не имеет возможности их прекратить и, например, вводит ему большую дозу обезболивающего препарата, в результате чего наступает желаемый для больного смертельный исход; когда врач только помогает неизлечимо больным покончить с жизнью; когда пациент сам включает устройство, которое приводит его к быстрой и безболезненной смерти, иначе говоря, сам накладывает на себя руки.

Пассивная эвтаназия – это неприменение средств и невыполнение врачебных манипуляций, которые поддерживали определенное время жизни тяжелобольного пациента [11, с. 141].

2) Прямая и косвенная эвтаназия.

Прямая эвтаназия – это действия медицинского сотрудника, направленные на сокращение жизни пациента, цель этих действий [6, с.84].

Косвенная эвтаназия – это ускорение смерти больного вследствие действий медицинских сотрудников, направленных на достижение других целей [13, с. 247].

Кроме этих видов эвтаназии некоторые ученые и юристы различают:

- 1) дистаназию («отказ от смерти», борьба за жизнь больного до последнего);
- 2) ортоназию (это бездействие медиков в сфере медицины, все усилия направлены на облегчение страданий);
- 3) ятроназию (признание медиком операбельного больного безнадежно больным или неправильное диагностирование и, как следствие, проведение активной эвтаназии) [8, с. 52].

Характерные элементы эвтаназии ученые находят с давних времен. Общеизвестным актом является метод «отбора» здоровых младенцев в Древней Спарте. Интересным является тот факт, что во многих племенах практиковалась пассивная эвтаназия для престарелых, немощных и больных. Кроме того, у славян очень почитался культ предка, который, на первый взгляд, противоречит идее эвтаназии, но у славян такая смерть считалась уважаемой. Также известны случаи эвтаназии в Средней Азии в отношении больных проказой, во Франции (при Наполеоне) – больных чумой. Но действительно массовым явлением «легкая смерть» стала во времена гитлеровской Германии. В 1935 г. в Германии вышла книга «Darfstoder Tod», в которой говорится об эвтаназии не как о пути к облегчению страданий безнадежно больного, а как о способе экономии ресурсов государства на нетрудоспособных. Так, 1 сентября 1939 г. Гитлером был подписан приказ о начале операции «Эвтаназия» (была проведена активная эвтаназия 275-и тысячам немцев), которая постепенно перешла в акцию «Т-14», одно из крупнейших преступлений человечества. Таким образом, смерть из милосердия превратилась в способ уничтожения узников концентрационных лагерей [10, с. 69].

В 1952 году в адрес ООН было направлено обращение с подписями более 2,5 тыс. граждан Великобритании и США, среди которых есть имена известных врачей, ученых, деятелей культуры. В обращении декларируется «право легкой смерти» как одного из важнейших прав человека. Это обращение было отклонено как антигуманное [12, с. 9].

Сегодня вопрос о возможности применения эвтаназии остается открытым. В большинстве стран мира эвтаназия либо не предусмотрена, либо запрещена законом.

Первой страной, которая легализовала активную и пассивную эвтаназию в Европе, являются Нидерланды. 10 апреля 2001 верхняя палата парламента Нидерландов утвердила закон, который освобождает от уголовной ответственности врачей, которые помогают больным прервать жизнь. Принятие этого закона стало следствием того, что в этой стране с годами все более обострялись противоречия между законами в этой сфере и реальной негласной практикой. По неофициальным данным, эвтаназия в Нидерландах осуществляется с 1984 г. Однако пациенты из других стран не могут приезжать в Нидерланды для осуществления эвтаназии, так как это запрещено законом. В 2002 г. Нижняя палата парламента Бельгии легализовала эвтаназию, утвердив соответствующий законопроект. По состоянию на 2009 г. последней страной, которая приняла закон о легализации эвтаназии, стал Люксембург [5, с.25].

В настоящее время в России в соответствии с законодательством эвтаназия расценивается как преступление. Она законодательно запрещена Федеральным законом № 323 ст. 45 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где говорится: «Медицинскому персоналу запрещается осуществление эвтаназии» [3]. Лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет уголовную ответственность в соответствии с ч. 1 ст. 105 УК РФ «Умышленное причинение смерти другому человеку» [2].

Проанализировав действующее законодательство в области охраны здоровья, можно сказать, что активная и пассивная эвтаназия в Российской Федерации запрещены. Однако предварительным условием медицинского вмешательства является информированное добровольное согласие: пациент может отказаться, что будет являться, по сути, пассивной эвтаназией.

С медицинской точки зрения эвтаназия является недопустимой. Это обусловлено тем фактом, что в положении клятвы Гиппократата содержатся такие строки: «Я не дам никому смертельного средства, которого у меня просят, и не укажу пути для подобного замысла». Из этого следует, что истинное предназначение врача – сохранение жизни и здоровья пациента.

Однако эвтаназия сегодня – это не только медицинская, но и этическая проблема.

С одной стороны, применение эвтаназии обеспечивает право человека на самостоятельное распоряжение своей жизнью, а также гуманность, которая позволяет не терпеть невыносимые страдания, с другой стороны, легализация эвтаназии означает недопустимое давление на некоторых инвалидов, престарелых и неизлечимо больных лиц, желающих еще пожить, но при этом не желающих быть «беспольным и тяжелым бременем» для общества.

Сторонники эвтаназии считают, что если есть право на жизнь, то должно быть и право на смерть. И считают эвтаназию допустимой, особенно в добровольной пассивной форме, по нескольким причинам:

1) медицинской – эвтаназия как средство прервать мучительные страдания больного;

2) из соображений заботы больного о близких – нежелание обременять заботой о себе своих близких;

3) эгоистической – желание умереть достойно;

4) биологической – необходимость уничтожения неполноценных людей из-за угрозы вырождения человека как биологического вида;

5) из принципа целесообразности – прекращение длительных и нерезультативных мероприятий по поддержанию жизни безнадежных больных, чтобы использовать аппаратуру и средства для реанимации иных пациентов, имеющих шансы на выздоровление;

6) экономической – лечение и поддержание жизни ряда неизлечимых больных требует применения дорогостоящих приборов и лекарств.

Противники же эвтаназии имеют свои аргументы:

1) религиозные установки – никто не имеет права отбирать жизнь другого человека согласно заповеди «Не убий»;

2) моральные установки – любовь к ближнему, которая отражает тот факт, что с помощью активной гражданской позиции общества возможна практически полная реабилитация инвалидов с любой степенью ограничения возможностей, позволяет вернуть человека к жизни как личность.

Однако с юридической точки зрения сегодня в России запрет эвтаназии не может рассматриваться как нарушение права на жизнь. Право на эвтаназию, то есть право на смерть, противоречит праву на жизнь, поскольку оно является неотъемлемым. Человек не может отказаться от права на жизнь, такой отказ недопустим, а так называемое «право на смерть» не может подлежать правовому регулированию.

С другой стороны, в юридической литературе отмечается, что легализация эвтаназии, в случае принятия такого закона, возможна на уровне Конституции РФ. Так, в соответствии со ст. 2, 7, 15, 20, 21 и 41 Конституции России смертельно больного человека можно отнести к категории социально незащищенных граждан, которые имеют право использовать поддержку со стороны государства, которое, в свою очередь, должно обеспечить ему медицинскую помощь, приблизить качество жизни больного к условиям, достойным человека [1]. В том случае, если больной желает отказаться от лечения или просит об эвтаназии, отказ может рассматриваться как применение к человеку насилия, жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения, что запрещено ст. 21 Конституции РФ.

По нашему мнению, если предположить легализацию эвтаназии в России, то есть провозгласить право на достойную смерть, то этот шаг непременно активизирует коррупцию в соответствующих сферах, незаконное заключение органов для трансплантации, все это будет усложняться проблемами в системе здравоохранения, низким уровнем духовности и морали в обществе.

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, в сочетании с особенностями социально-экономического и правового статуса человека и гражданина в России, легализация эвтаназии не является достаточно обоснованной. Однако на сегодняшний день к движению в поддержку эвтаназии присоединяется все больше людей. Уже признается существование такой социальной проблемы, и, вполне возможно, мы стоим на пороге значительных изменений в отношении к эвтаназии.

Несомненно, что решение проблемы эвтаназии требует, прежде всего, выработки активного нравственного сознания в обществе.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
3. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ (действующая редакция, 2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
4. Андреева А. А., Приходько В. В. Проблема эвтаназии в современном обществе // БМИК. – 2012. – № 11. – 863 с.
5. Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учеб.-практич. пособие. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2006. – 144 с.
6. Гречиной Л. А. Юридические записки студенческого научного общества: материалы Международной конференции / под ред. Л. А. Гречиной; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2014. – Вып. 14. – 84 с
7. Гура О. Р. Проблема общественного отношения к эвтаназии // ScienceTime. – 2015. – №1 (13).
8. Дмитриев Ю. А., Шленева Е. В. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии // Гос-во и право. – 2000. – № 11.
9. Елисеев А. Г. и др. Большая медицинская энциклопедия. – М.: ЭКСМО, 2005. – 860 с.
10. Зеленова И. В., Симонян Р. З. К вопросу о необходимости изучения медицинского права как учебной дисциплины и отрасли науки // Наука и мир. международный научный журнал. – 2014. – Т. 2, № 11 (15). – С. 68–70
11. Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление. Монография. – М.: Буквоед, 2006. – 456 с.
12. Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление: Уголовно-правовые проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук... – М., 2006.
13. Юдин В. Г. Право на добровольную смерть: за и против // О человеческом в человеке. – М., 1991. – 261 с.

Poddubniak A. KurtmambetovaS. Legal and moral aspects of euthanasia in contemporary society // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – P. 78–83.

The article discusses the ambiguity of relationships of modern society to the euthanasia procedure. The concept of "euthanasia", discussed her views, the general characteristic of these species. Also presented the historical facts of the existence of euthanasia long before its official name, illustrated by examples of its use in ancient times, and in the twentieth century. We analyzed the international community related to the procedure, determined by the country where euthanasia is officially legalized at the legislative level, and in respect of which it has limitations. Substantiates the ambiguity of application of euthanasia procedure with moral, medical and philosophical side. Emphasis is placed on the legal inconsistency of legislation on the issue of the application of euthanasia to a patient in his desire and consent to the procedure.

Keywords: active and passive euthanasia, the patient, the right to life, the right to die, crime, euthanasia.

References

1. "Konstituciya Rossijskoj Federacii" (prinyatavsenarodnymgolosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ)
2. "UgolovnyjkodeksRossijskojFederacii" ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 06.07.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
3. Federal'nyjzakon "Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii" ot 21.11.2011 N 323-FZ (dejstvuyushchayaredakciya, 2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.

4. Andreeva A. A., Prihod'ko V. V. Problema ehvtanazii v sovremennom obshchestve // ВМІК. 2012. № 11. – 863 s.
5. Borzenkov G. N. Kvalifikaciya prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ya: ucheb.-praktich. posobie. – M.: IKD «Zercalo-M», 2006. – 144 s.
6. Grechinoj L. A. Yuridicheskie zapiski studencheskogo nauchnogo obshchestva: materialy Mezhdunarodnoj konferencii / pod red. L. A. Grechinoj; YAros'l.gos. un-tim. P. G. Demidova. – YAros'lavl' :YArsGU, 2014. – Vyp. 14. – 84 s
7. Gura O. R. Problema obshchestvennogo otnosheniya k ehvtanazii // Science Time . 2015. №1 (13).
8. Dmitriev Y. A., Shleneva E. V. Pravo cheloveka v Rossijskoj Federacii i naosushchestvlenie ehvtanazii // Gos-voipravo, 2000. – № 11.
9. Eliseev A. G. idr. Bol'shaya medicinskay aehnciklopediya. M.: EHKSMO, 2005. – 860 s.
10. Zelenova I. V., Simonyan R. Z. K voprosu o neobhodimosti zucheniya medicinskogo prava kak uchebnoj discipliny i otrasli nauki // Naukaimir. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. – 2014. – T. 2, № 11 (15). – S. 68–70
11. Kapinus O. S. Ehvtanaziya kak social'no-pravovoe yavlenie. Monografiya. – M.: Bukvoed, 2006. – 456 s.
12. Kapinus O. S. Ehvtanaziya kak social'no-pravovoe yavlenie: Ugolovno-pravovye problemy: avtoref. dis. ... d- rayurid.nauk. – M., 2006.
13. Yudin V. G. Pravonadobrovol'nuyusmert': za i protiv / O chelovecheskom v cheloveke. – M., 1991. – 261 s.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**

УДК 349.41

**СТАНОВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ РЕКРЕАЦИОННОГО НАЗНАЧЕНИЯ КАК
ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ С 1787
ПО 1944 ГОД**

Алимов З. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Данная работа посвящена изучению развития земель рекреационного назначения на территории Крыма с 1787 по 1939 годы. В работе впервые приводится хронология законодательного обеспечения земель, предназначенных для отдыха, приводится попытка проследить эволюционный путь, начиная с истоков зарождения земель рекреационного назначения. Огромное значение данное исследование имеет как для науки земельного права, так и при изучении дисциплины «Земельное право». Изучение исторических предпосылок зарождения земель рекреационного назначения позволяет определить сущность, значение и понимание земель рекреационного назначения на современном этапе развития земельно-правовой науки. Использование исторических аспектов зарождения земель рекреационного назначения в научно-исследовательских работах способствует удобству систематизации и изложения правового материала, позволяет исследователю сформулировать проблему, определить ее границы и логично раскрыть свои идеи.

Ключевые слова: становление земель, эволюция земель, отдых, земля, земли, земли рекреационного назначения.

Становление земель рекреационного назначения как правовой категории на территории Крыма имеет достаточно долгую историю и прошло довольно сложный эволюционный правовой путь. В статье попробуем проследить этот эволюционный путь: с 1780-х годов (истоков зарождения земель рекреационного назначения) до 1944 года.

После присоединения территории Крыма к Российской империи в 1787 году [23] и учреждения Таврической области [22] полуостров начали интенсивно осваивать. На вновь приобретенных землях собственники земель стали обустривать владения и, в зависимости от своего статуса, строить роскошные дворцы или небольшие особняки, закладывать сады и парки, для украшения которых высаживали невиданные здесь до той поры кипарисы, магнолии, секвойи, пальмы, без которых невозможно представить нынешний ландшафт Крыма.

Такому развитию способствовало действующее на тот период законодательство Российской империи, отменившее государственную монополию на землю [20], тем самым закрепив институт различных форм собственности на недвижимое имущество, в том числе на землю, которая, в свою очередь, могла приобретаться по различным основаниям (купля–продажа, наследование, и т. д.) [16].

Первые благоустроенные имения в «европейском вкусе» принадлежали генерал-губернатору Новороссии герцогу Арману Эммануэлю де Ришелье, который в 1808

году заложил один из первых парков, служивший местом для отдыха населения, – Гурзуфский парк [24].

Позже, в 1820 году под руководством графа Михаила Семёновича Воронцова – генерал-губернатора Новороссийского края, в окрестностях Воронцовского дворца был заложен Воронцовский парк [27]. Данный парк выступал в качестве места для отдыха как семьи Воронцовых, так и местных жителей, проживающих в окрестности парка, так как территория была открыта и свободна для посещений. Таким образом, можно говорить об этом парке как о месте для отдыха.

В 1834 году был основан Форосский парк, однако данный парк существовал только на бумаге. Фактически же этот проект обрел жизнь лишь в 1887 году, после покупки территории чайным магнатом Александром Кузнецовым [28]. Земли парка всего за несколько лет стали настолько красивы и интересны, что смогли составить конкуренцию таким известным в то время паркам Крыма, как Воронцовский и Никитский, что свидетельствует о том, что парк был предназначен для отдыха [25]. Следует также подчеркнуть тот факт, что изначально территория Форосского парка была закреплена документально, а это позволяет нам говорить о существовании земель, предназначенных для отдыха, ещё в первой половине XIX века.

Возведение парков создавалось с целью служения местом для отдыха как царских семей, так и простых жителей. Указанные парки наравне с культурными, эстетическими выполняли и рекреационные функции. Хотя законодательство Российской империи не предусматривало существования парков в качестве земель для отдыха, однако, исходя из того, с какой целью они были созданы, можно прийти к выводу, что парки выполняли рекреационные функции, тем самым выступая в качестве мест для отдыха.

Существование в царский период земель, предназначенных для отдыха, подтверждается ст. 43 «Устава о казённых оброчных статьях», согласно которой главнокомандующим землеустройством и земледелием предоставлялось право сдавать в оброчное содержание земельные участки казённых земель для устройства дач [18]. Данные участки сдавались на оброчное содержание с торгов на 99 лет. В подтверждение передачи земель составлялся договор, одним из существенных условий которого было определение конкретных построек, которые содержатель обязался возвести на переданном ему земельном участке в течение первого трёхлетия [19].

Также следует подчеркнуть, что ст. 596 «Лесного устава» предусматривала нахождение лесов в дачных владениях по праву полной собственности [17]. В свою очередь, на территории дачных владений вводились специальные запреты, в частности, запрещалось клеймить леса или деревья, давать дозволение на их рубку и вывозить их [21]. По всей видимости, такие запреты были введены для создания специального климата на территориях дачных поместий. Указанные поместья выполняли рекреационную функцию, в связи с чем для создания благоприятных условий для отдыха на данных территориях вводились такого рода запреты.

Таким образом, анализ законодательства Российской империи позволяет установить, что со времён Российской империи в качестве земель, предназначенных для отдыха, выступали: оброчные земли, лесные поместья, земельные участки, на которых находились дворцовые парки. Хотя законодательство Российской империи не предусматривало земель, предназначенных для отдыха в качестве правовой

категории, однако, исходя из того, для каких целей отводились данные земли, имеется достаточно оснований, позволяющих констатировать факт существования земель, предназначенных для отдыха на территории Крыма ещё со времён Российской империи.

Последствия великой Октябрьской социалистической революции, одной из основных целей которой было стремление к изменению отношений собственности на землю, изменили установленный земельно-правовой строй Российской империи. Одним из первых законодательных актов социалистического государства, изменивших земельно-правовой строй, стал Декрет «О земле» [10], принятый 26 октября 1917 г. II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, провозгласившим себя высшим органом власти в России. Данный Декрет навсегда отменял право частной собственности на землю, тем самым устанавливал запрет на куплю–продажу земли, а также на сдачу в аренду, залог, либо на отчуждение каким-либо иным способом. Положения указанного законодательного акта относительно запретов на отчуждение недвижимого имущества нашли своё отражение также в Декрете «О запрещении сделок с недвижимостью» [9].

В свою очередь, Декрет от 26.10.1917 г. закреплял то, что государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская земля отчуждается безвозмездно и тем самым обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

Декрет «О земле» также предусматривал исключения относительно усадебных, городских и сельских земель с домашними садами и огородами, которые оставались в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определялись законодательным порядком. Таким образом, усадебные и городские земли, использовавшиеся со времён царского периода в качестве земель для отдыха, оставались в частных владениях.

В марте 1918 года территория Таврической губернии провозглашается Советской социалистической республикой Тавриды в составе РСФСР [26], что также позволяет нам говорить о функционировании правового режима земель, установленного законодательством РСФСР, на землях бывшей Таврической губернии.

27 мая 1918 года издаётся Декрет «О лесах» [8], положения которого отменили всякую собственность на леса в пределах РСФСР навсегда. Все леса, принадлежавшие частным лицам и обществам, были объявлены без всякого выкупа, явного или скрытого, общенародным достоянием РСФСР, после чего частные лесные дачи со всеми постройками также перешли в общенародное достояние. Положения данного законодательного акта закрепляли за гражданами, во владении которых находились лесные дачи, право на обращение в органы советской власти с заявлениями о применении необходимых мер по охране лесных дач.

10 июля 1918 года на заседании V Всероссийского съезда Советов была принята Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, провозгласившая отмену частной собственности на землю, тем самым установив, что: 1) весь земельный фонд является общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования; 2) все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и

мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявлялись национальным достоянием [2].

Конституционные положения относительно отмены частной собственности на землю в последующем нашли своё отображение и в Декрете от 20 августа 1918 года «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» [7], в соответствии с которым право частной собственности на все без исключения участки, как застроенные, так и не застроенные, принадлежащие частным лицам и промышленным предприятиям, ведомствам и учреждениям, находящихся в пределах всех городских поселений, отменялось. Также во всех без исключения городских поселениях органам местной власти предоставлялось право устанавливать арендную плату за остающиеся в пользовании частных лиц, обществ или установлений земельные участки.

14 февраля 1919 года было принято Положение «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» [15]. Данное положение предусматривало в качестве самостоятельной категории земель земли специального назначения, к которым относились земли не сельскохозяйственного назначения, в частности: городские, селитебные, поселковые, курортные, занятые промышленными, фабрично-заводскими предприятиями, путями сообщения, а также иные земли.

26 августа 1919 года принят декрет «Об объединении театрального дела» [6]. Данный декрет предусматривал функционирование театров, которые выполняли как культурные, так и рекреационные функции, тем самым служили местом для культурного отдыха населения. Также следует подчеркнуть, что здания театров признавались национальным имуществом, а земли, находящиеся под зданиями театров, признавались землями, предназначенными для отдыха.

13 мая 1921 года издан декрет «О домах отдыха» [5]. Указанный декрет предусматривал создание домов отдыха с целью предоставления рабочим и служащим возможности восстановить свои силы и энергию в течение получаемого ими ежегодного очередного отпуска в наиболее благоприятных и здоровых условиях. Также в домах отдыха предусматривалась организация физической культуры, тем самым в домах отдыха устанавливались объекты физической культуры. Следует также отметить, что для организации домов отдыха в первую очередь используются загородные дачи, бывшие помещичьи усадьбы, которые ещё со времён царского периода выполняли рекреационные функции, тем самым выступая в качестве мест для отдыха.

30 октября 1922 года впервые принят Земельный кодекс РСФСР [4], который в основном уделял внимание правовому режиму сельскохозяйственных земель, дублировал конституционные положения относительно того, что право частной собственности на землю, недра, воды и леса в пределах РСФСР отменено навсегда. Запрещалась покупка, продажа, завещание, дарение, залог земли. Данный кодекс предусматривал правовое регулирование земель иных категорий, в частности: 1) усадебных и луговых земель, которые использовались также и для организации отдыха лиц, проживающих во дворах; 2) городских земель, на которых располагались парки, театры и иные рекреационные объекты.

27 июля 1923 года был принят Лесной кодекс РСФСР [3], регламентирующий порядок функционирования лесных дач и городских лесов, земли которых предназначались для организации отдыха.

12 ноября 1923 года принято постановление Центрального исполнительного комитета СССР «О взимании ренты с земель городских и предоставленных транспорту» [13], в соответствии с которым устанавливалось, что от взимания ренты в городах освобождаются земли, находящиеся под общественными городскими садами, скверами, бульварами, парками, детскими площадками, спортивными стадионами физической культуры и тому подобными местами общественного пользования. Стало быть, в соответствии с указанным постановлением городские земли, на которых располагались общественные городские сады, скверы, бульвары, парки, детские площадки, спортивные стадионы физической культуры, освобождались от взимания ренты, так как они использовались в качестве земель, предназначенных для организации отдыха неограниченного количества населения.

Позже «Положением о земельных распоряжках в городах» от 13 апреля 1925 года [14] было установлено, что к землям общего пользования в городах относятся земельные участки, предоставляемые городскому населению для использования в целях отдыха, развлечения, общения и удовлетворения других гигиенических и культурных потребностей (сады, парки, скверы, бульвары).

Таким образом, советское законодательство, начиная с 1922 года, юридически закрепляло городские земли, на которых располагались общественные городские сады, скверы, бульвары, парки, детские площадки, спортивные стадионы физической культуры, в качестве земель, предназначенных для отдыха, однако данные земли не выступали в качестве самостоятельной категории земель.

6 июня 1927 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных комиссаров РСФСР приняли постановление «О курортных поселках» [12]. Согласно постановлению населённые пункты, расположенные вне городской черты в местностях, имеющих лечебное значение, могли признаваться курортными посёлками и тем самым использовались для лечения и отдыха. Таким образом, земли курортов использовались как для организации лечения, так и для организации отдыха.

Постановлением всероссийского Центрального исполнительного комитета и совета народных комиссаров РСФСР от 14 июня 1927 года «О дачных поселках» [11] были определены дачные поселки. К ним относились населённые пункты, расположенные вне городской черты, их основное назначение заключалось в обслуживании городов в качестве санаторных пунктов или мест летнего отдыха. Из этого следует, что дачные посёлки использовались в качестве как санаториев, так и мест для отдыха населения.

5 декабря 1936 года принята Конституция СССР [1], в соответствии с которой граждане СССР имели право на отдых с установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, а также предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов. Таким образом, конституционные положения 1936 года закрепляли функционирование домов отдыха, и, следовательно, земли, находившиеся под домами отдыха, выступали в качестве земель, предназначенных для отдыха.

Проанализировав советское законодательство 1917–1938-х годов можно прийти к выводу, что в это время начинается активно развиваться земельно-рекреационное законодательство. На законодательном уровне постепенно начинают закрепляться земли, обеспечивающие организацию отдыха для населения. Таким образом, можно выделить следующие земли, целью которых была организация отдыха для населения: 1) земли, на которых находились лесные дачи; 2) земли, на которых располагались дома отдыха; 3) усадебные и луговые земли, которые использовались для организации отдыха лиц, проживающих во дворах; 4) городские земли, на которых располагались парки, театры, общественные городские сады, скверы, бульвары, детские площадки, спортивные стадионы физической культуры и иные рекреационные объекты; 5) курортные и дачные посёлки.

Следует также отметить, что Земельный кодекс РСФСР 1922 года не выделял самостоятельной правовой категории земель, предназначенных для отдыха. В то же время земельное законодательство 1917–1938-х годов определяло, какие именно земли предназначались для организации отдыха населения. Более того, данные земли входили в состав единого государственного земельного фонда и юридически были закреплены и функционировали в качестве земель, предназначенных для организации отдыха, следовательно, можно прийти к выводу, что советское законодательство относило вышеуказанные земли к землям не сельскохозяйственного назначения, то есть данные земли относились к землям специального назначения.

С 1939 года до середины мая 1944 года в связи с военными событиями на территории СССР земельное законодательство прекращает активно развиваться. Первые правовые акты послевоенного времени, регулирующие земельные отношения относительно земель, предназначенных для отдыха, появляются в конце октября 1944 года.

Таким образом, вышеизложенный материал позволяет сделать вывод, что исследование вопроса относительно становления земель рекреационного назначения как правовой категории на территории Крыма с 1787 по 1944 годы даёт возможность выделить несколько этапов:

I этап – с момента присоединения территории Крыма к Российской империи (1787 – октябрь 1917). Данный этап характеризуется тем, что со времён Российской империи, существовали земли, предназначенные для отдыха; в качестве указанных земель выступали: оборочные земли, лесные поместья, земельные участки, на которых находились дворцовые парки. В данный период законодательство Российской империи не предусматривало земель, предназначенных для отдыха в качестве правовой категории, однако, исходя из того, для каких целей отводились данные земли и какие они выполняли функции, имеется достаточно оснований, позволяющих говорить о существовании земель, предназначенных для отдыха на территории Крыма ещё со времён Российской империи.

II этап – октябрь 1917 – середина октября 1944 года. На протяжении данного периода земельным законодательством 1917–1938-х годов было определено, какие именно земли предназначались для организации отдыха населения, тем самым юридически были закреплены и функционировали в качестве земель, предназначенных для организации отдыха. Также советское законодательство

вышеуказанные земли относилось к землям не сельскохозяйственного назначения, следовательно, данные земли относились к землям специального назначения.

Список литературы

1. Конституция РСФСР от 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК СССР. – 1936. – № 283.
2. Конституция РСФСР от 10.07.1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.
3. Лесной кодекс РСФСР от 27 июля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 58. – Ст. 564.
4. Земельный кодекс РСФСР от 30 октября 1922 г. // Собр. законодательства СССР. – 1922. – № 68. – Ст. 901.
5. О домах отдыха: Декрет от 13 мая 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1921. – № 47. – Ст. 232.
6. Об объединении театрального дела: Декрет от 26 августа 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 44. – Ст. 440.
7. Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах: Декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 62. – Ст. 674.
8. О лесах: Декрет ВЦИК от 27 мая 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 42. – Ст. 52.
9. О запрещении сделок с недвижимостью: Декрет СНК от 2 декабря 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1917. – № 10. – Ст. 154.
10. О земле: Декрет от 26 октября 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 10. – Ст. 123.
11. О дачных поселках: Постановление от 14 июня 1927 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1928. – № 8. – Ст. 70.
12. О курортных поселках: Постановление от 6 июня 1927 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1927. – № 56. – Ст. 384.
13. О взимании ренты с земель городских и предоставленных транспорту: Постановление от 12 ноября 1923 г. // Вестник ЦИК, СНК и СТО. – 1923. – № 11. – Ст. 318.
14. Положение о земельных распоряжках в городах: Декрет от 13 апреля 1925 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1925. – № 27. – Ст. 188.
15. О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию: Положение от 14 февраля 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 4. – Ст. 43.
16. Свод Законов Российской Империи в 16 томах. Том X. Ч. 1. 1900. – Спб.: Русское княжеское товарищество «Деятель», 1912 г. – С. 81
17. Свод Законов Российской Империи в 16 томах. Том VIII. Ч. 1. 1908 – Спб.: Русское княжеское товарищество «Деятель», 1912 г. – С. 71.
18. Свод Законов Российской Империи в 16 томах. Том VIII. Ч. 1. 1908 – Спб.: Русское княжеское товарищество «Деятель», 1912 г. – С. 127.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. Том XVI. Отделение 1. 1896. – Спб., Печатано в Государственной Типографии, 1899. – с. 505.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Том XXVI. 1800–1801. – Спб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 862–863.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Том XXI. 1781–1783. – Спб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 676.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Том XXI. 1781–1783. – Спб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 17–18.
23. Высочайший Манифест о принятии Крымского полуострова, острова Тамани и всей Кубанской стороны под державу Российскую. URL: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/manifest.htm> (Дата обращения: 14.04.2017 г.).
24. Первые усадебные парки Крыма. День за днем: Мир русской усадьбы. URL: <http://www.den-zadnem.ru/school.php?item=179> (Дата обращения: 14.04.2017 г.).

25. Сады и парки Крыма – живые памятники садово-паркового искусства. Сайт о растениях // URL: <http://www.pro-rasteniya.ru/sadi-i-parki/sadi-i-parki-krima-zhivie-pamyatniki-sadovo-parkovogo-iskusstva>. (Дата обращения: 14.04.2017 г.).
26. Советская Социалистическая Республика Тавриды. Крымология. URL: http://krymology.info/index.php/Советская_Социалистическая_Республика_Тавриды. (Дата обращения: 14.04.2017 г.).
27. Статья: Воронцовский дворец. Крымология. URL: http://krymology.info/index.php/Парк_Воронцовского_дворца. Дата обращения: 14.04.2017 г.
28. Статья: Форосский парк. Крымология. URL: http://krymology.info/index.php/Форосский_парк. Дата обращения: 14.04.2017 г.

Alimov Z. Formation of land of recreational appointments as a legal category in the territory of the republic of Crimea from 1987 to 1939 // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – P. 84–92.

Hired devoted изучению развития earth of the recreational assigning for territory of republic of Crimea from 1787 to 1939. In-process chronology over of the legislative providing of earth intended is first brought for rest, an attempt over is brought allowing to trace а эво-люционный way, since the sources of origin of earth of the recreational setting. Enormous значение has this research, both for science of the landed right and at a study and educational дисциплине of the landed right. The study of historical pre-conditions of origin of earth of the recreational setting essence, value and understanding of earth of recreational назначения, allow to define, on the modern stage of development of earth-legal science. The use of historical aspects of origin of earth of the recreational setting in research works assists the comfort of systematization and exposition of legal material, allows а сформулировать problem to the researcher, to define her borders and logically to expose the ideas.

Keywords: landformation, landevolution, recreation, land, land, recreationalland.

References

1. Konstituciya RSFSR ot: 5 dekabrya 1936 g. // Izvestiya CИК SSSR i VCIK SSSR. – 1936. – № 283.
2. Konstituciya RSFSR ot 10.07.1918 g. // Sobranie uzakonenij RSFSR. – 1918. – № 51 – St. 582.
3. Lesnoj kodeks RSFSR ot: 27 iyulya 1923 g. // Sobranie uzakonenij RSFSR. – 1923. – № 58. – St. 564
4. Zemel'nyj kodeks RSFSR ot: 30 oktyabrya 1922 g. // Sobr. zakonodatel'stva SSSR. – 1922. – № 68. – St.901.
5. O domahotdyha: Dekretot: 13 maya 1921 g. // Sobranie uzakonenij RSFSR. – 1921. – № 47. – St. 232.
6. Obob"edinenii teatral'nogo dela: Dekretot: 26 avgusta 1919 g. // Sobranie uzakonenij RSFSR. – 1919. – № 44. – St. 440.
7. Ob otmene prava chastnoj sobstvennosti na nedvizhimost' v gorodah: Dekret VCIK ot 20 avgusta 1918 g. // Sobranie uzakonenij RSFSR. – 1918. – № 62. – St. 674.
8. O lesah: Dekret VCIK ot 27 maya 1918 g. // Sobranieuzakonenij RSFSR. – 1918. – № 42. – St. 52.
9. O zapreshchenii sdelok s nedvizhimost'yu: Dekret SNK ot 29 dekabrya 1917 g. // Sobranie uzakonenij RSFSR. – 1917. – № 10. – St. 154.
10. O zemle: Dekretot 26 oktyabrya 1917 g. // Sobranie uzakonenij RSFSR. – 1923. – № 10. – St. 123.
11. O dachnyh poselkah: Postanovlenie ot: 14 iyunya 1927 g. // Sobranie uzakonenij RSFSR. – 1928 – № 8. – St. 70.
12. O kurortnyh poselkah: Postanovlenie ot: 6 iyunya 1927 g. // Sobranie uzakonenij RSFSR. – 1927. – № 56. – St. 384.
13. O vzimaniirenty s zemel' gorodskih i predostavlennyh transportu: Postanovlenieot: 12 noyabrya 1923 g. // Vestnik CИК, SNK i STO. – 1923. – № 11. – St. 318.
14. Polozhenie o zemel'nyh rasporyadkah v gorodah: Dekretot: 13 aprelya 1925 g. // Sobranieuzakonenij RSFSR. – 1925. – № 27. – St. 188.
15. O socialisticheskom zemleustrojstve i o merah perekhoda k socialisticheskomu zemledeliyu: Polozhenieot 14 fevralya 1919 g. // Sobranieuzakonenij RSFSR. – 1919. – № 4. – St. 43.
16. Svod Zakonov Rossijskoj Imperii v 16 tomah. Tom H ch. 1. 1900 – Spb, Russkoe knyazheskoe tovarishchestvo «Deyatel'» – 1912 g. – S. 81

17. Svod Zakonov Rossijskoj Imperii v 16 tomah. Tom VIII ch. 1. 1908 – Spb, Russkoe knyazheskoe tovarishchestvo «Deyatel'» – 1912 g. – S. 71.
18. Svod Zakonov Rossijskoj Imperii v 16 tomah. Tom VIII ch. 1. 1908 – Spb, Russkoe knyazheskoe tovarishchestvo «Deyatel'» – 1912 g. – S. 127.
19. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. SobranieTret'e. Tom HVI otdelenie 1. 1896. – Spb, Pechatano v gosudarstvennoj Tipografii . – 1899. – S. 505.
20. Polnoe sobraniezakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe. Tom HKHVI. 1800–1801. – Spb, Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. – S. 862–863.
21. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe. Tom HKHI. 1781–1783. – Spb, Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. – s. 676.
22. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe. Tom HKHI. 1781–1783. – Spb, Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. – s. 17–18.
23. Vyschajshij Manifest o prinyatii Krymskogo poluostrova, ostrova Tamani i vseya Kubanskoj storony pod derzhavu Rossijskuyu. URL: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/manifest.htm>. Dataobrashcheniya: 14.04.2017 g.
24. Pervye usadebnyeparki Kryma. Den' zadnem: Mirruskojusad'by. URL: <http://www.den-zadnem.ru/school.php?item=179>. Dataobrashcheniya: 14.04.2017 g.
25. Sady i parki Kryma – zhivyepamyatnikisadovo-parkovogoiskusstva. Sajt o rasteniyah [Elektronnyjresurs] // URL: <http://www.pro-rasteniya.ru/sadi-i-parki/sadi-i-parki-kryma-zhivie-pamyatniki-sadovo-parkovogo-iskusstva>. Dataobrashcheniya: 14.04.2017 g.
26. Sovetskaya Socialisticheskaya Respublika Tavridy. Krymologiya. URL: http://krymology.info/index.php/Sovetskaya_Socialisticheskaya_Respublika_Tavridy. (Data obrashcheniya: 14.04.2017 g.)
27. Stat'ya: Voroncovskij dvorec. Krymologiya. URL: http://krymology.info/index.php/Park_Voroncovskogo_dvorca. Dataobrashcheniya: 14.04.2017 g.
28. Stat'ya: Foroskij park. Krymologiya URL: http://krymology.info/index.php/Foroskij_park. (Data obrashcheniya: 14.04.2017 g.)

УДК 340.132:247.6

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ АНАЛОГИИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Некрасова Е. В., Донская Л. Д.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Научная статья посвящена исследованию явления применения института аналогии для регулирования семейных отношений. Следует заметить, что указанный институт в правоприменительной практике встречается редко, но является единственным способом преодоления пробелов в праве. Особое внимание уделяется правовым основаниям и механизму применения института аналогии в семейном праве. В основу статьи положены общие методологические исследования института аналогии в праве, поддерживается точка зрения, что аналогия является оперативным средством преодоления пробелов в праве, в отличие от субсидиарного применения права. Рассматривается и обосновывается целесообразность применения по аналогии норм гражданского законодательства, его общих начал и принципов к регулированию семейных отношений, а также некоторых оценочных категорий с учетом специфики отрасли семейного права.

Ключевые слова: аналогия закона, аналогия права, семейное право, гражданское право.

В правоприменительной практике время от времени возникают ситуации, когда отсутствуют законодательные предписания, регулирующие определенное общественное отношение. Это приводит к применению такого регулятора отношений, как аналогия.

Институт аналогии является оперативным средством преодоления пробелов в праве. Он занимает важное место в механизме правового регулирования, поскольку является средством, которое позволяет праву быть одновременно стабильным и гибким. Безусловно, аналогия закона или аналогия права, используемая в конкретных ситуациях, является временным явлением, позволяющим найти выход из создавшейся нетривиальной ситуации.

Применение механизма аналогии допускается с целью регулирования общественных отношений в частноправовой сфере. В данной статье будет рассмотрен механизм реализации аналогии в семейном праве и связанные с этим особенности.

Идея нетипичных ситуаций правоприменительного процесса, в случае пробела в праве, была выдвинута и обоснована В. В. Лазаревым [1, с. 42–50]. В буквальном смысле пробел определяется как пустое, незаполненное место, пропуск, в переносном – как недосмотр, недостаток. О пробеле в праве можно говорить в тех случаях, когда отсутствует норма права по вопросам, которые находятся в сфере нормативно-правового регулирования, или когда отношения, которые подлежат по своей природе правовому регулированию, действующими нормами права не охвачены. П. Е. Недбайло справедливо отмечал, что «пробелы в праве нельзя отождествлять с неурегулированностью правом тех общественных отношений, которые не подлежат правовому влиянию» [2, с. 455].

Интересными являются соображения А. Г. Певзнера, которые касаются особенностей гражданско-правового регулирования, но более актуальны для семейного права, поскольку неизбежность существования пробелов в семейном праве связана с характером отношений, которые входят в предмет правового регулирования этой отрасли права. Так, А. Г. Певзнер указывает на то, что специфической особенностью гражданско-правового регулирования является не регламентация конкретных отношений правовыми нормами, а защищенность этих отношений. Правовая защита не обязательно должна опираться на конкретную норму, а может выходить из существующего в обществе правопорядка, из всей совокупности норм гражданского права с учетом тех целей, которым служат эти нормы. Гражданское право не знает замкнутого круга правовых институтов, а судебной защите подлежат такие отношения, которые прямо не предусмотрены нормами права, в частности, Гражданским кодексом [3, с. 9–11].

Решая вопрос о наличии пробела, не нужно рассматривать как пробел ситуацию, когда законодатель с целью «нормативной экономии» при регулировании однотипных отношений оставляет некоторые из них без надлежащего регулирования, ссылаясь на применение к этим отношениям норм права, которые регулируют подобные отношения, поскольку в таких случаях имеет место субсидиарное применение права. В Семейном кодексе РФ субсидиарное применение права закреплено в статье 4 «Применение к семейным отношениям гражданского законодательства».

Как известно, в теории права различают два способа казуального преодоления пробелов в праве: аналогию закона (*analogia legis*) и аналогию права (*analogia juris*). Аналогия закона применяется тогда, когда отсутствует норма права, которая предусматривает конкретное отношение, но существует такая, которая регулирует подобное отношение. При аналогии закона устанавливаются сходство и расхождение в признаках пробельных и урегулированных отношений. В случае существенности сходства и ничтожности расхождения юридические последствия, которые предусмотрены для урегулированного отношения, переносятся на отношение подобное, но не урегулированное конкретной нормой права. По своей логической природе, аналогия права тождественна с аналогией закона и отличается от нее тем, что оперирует большим объемом правового материала. В юриспруденции под аналогией права обычно понимается такая ситуация, при которой общественное отношение, находящееся в сфере правового регулирования, оказывается неурегулированным ни конкретными нормами права, ни нормами права, которые регулируют подобное отношение, а разрешение ситуации происходит исходя из общих основ и содержания действующего законодательства. Следует заметить, что судья, применяя аналогию права, не вносит ничего нового в систему правовых норм, он руководствуется общими принципами и содержанием законодательства, которые подлежат конкретизации через общие или специальные принципы. Если такие принципы не выражены в законодательстве, они выводятся с соблюдением логических правил дедукции, соображения строятся в пределах действующего права, судье не приходится самому становиться «законодателем». Кроме этого, решение суда в случаях, когда применяется аналогия, содержит правовоположения, которые существенно обогащают юридическую практику и могут служить основой для развития законодательства [4, с. 119].

Заполнение пробелов в семейном законодательстве с помощью аналогии закона или аналогии права предусмотрено ст. 5 СК РФ, в которой закреплено, что в случае, если отношения между членами семьи не урегулированы семейным законодательством или соглашением сторон, и при отсутствии норм гражданского права, прямо регулирующих указанные отношения, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяются нормы семейного и (или) гражданского права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона). При отсутствии таких норм права и обязанности членов семьи определяются исходя из общих начал и принципов семейного или гражданского права (аналогия права), а также принципов гуманности, разумности и справедливости [5].

Следует заметить, что возможность применения по механизму аналогии не только норм семейного, но и гражданского права является целиком оправданной, но разрешение спорных отношений с помощью аналогии закона с использованием норм гражданского права не должно противоречить сущности семейных отношений. В целом, аналогия закона в семейном праве может применяться при соблюдении следующих условий:

- во-первых, когда семейные отношения не урегулированы нормами семейного законодательства или соглашением сторон;
- во-вторых, отсутствуют нормы гражданского законодательства, прямо регулирующие данные семейные отношения;
- в-третьих, существует норма семейного или гражданского права, регулирующая сходные отношения;
- в-четвертых, применение указанной нормы не противоречит существу такого семейного отношения [6, с. 9].

В связи с этим следует вспомнить, что до 2012 г. в судебной практике можно было обнаружить дела, при рассмотрении которых суды, посредством аналогии, применяя ст. 333 ГК РФ прибегали к уменьшению неустойки, начисленной в соответствии с п. 2 ст. 115 СК РФ. Однако, как разъяснил Верховный Суд РФ, особенности алиментных обязательств исключают возможность применения ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации к возникающей в соответствии с п. 2 ст. 115 Семейного кодекса Российской Федерации ответственности должника за их ненадлежащее исполнение [7].

В случаях, когда отсутствуют нормы семейного или гражданского права, которые возможно применить в целях разрешения конкретной ситуации, необходимо использовать аналогию права. При применении этого вида аналогии обязанности членов семьи определяются исходя из общих начал и принципов семейного или гражданского права (аналогия права), а также принципов гуманности, разумности и справедливости.

Регулирующее влияние общих начал права распространяется на пробельные отношения в силу того, что именно они более всего воспринимаются правосознанием в связи с тем, что это универсальный регулятор поведения людей. Интерес вызывает возможность применения общих начал и принципов гражданского законодательства при регулировании семейных отношений по аналогии права. Как известно, гражданское право составляет основу частноправового регулирования, этим определяется его место в правовой системе как основной, базовой отрасли, предназначенной для регулирования частных,

прежде всего имущественных, отношений, а семейное и гражданское право – ближайшие отрасли права, которые наделены родственными чертами. Из этого следует, что принципы гражданского права могут применяться к регулированию любых отношений, которые входят в частноправовую сферу, в том числе семейных отношений. Кроме этого, семейное право не утверждает некоторые важные принципы правового регулирования, которые содержатся среди общих начал гражданского законодательства, и имеют значение для семейного права – это неприкосновенность собственности, свобода договора. Несомненно, эти принципы важны не только для регулирования гражданских отношений, а и семейных тоже.

Кроме этого, при применении аналогии права необходимо учитывать принципы гуманности, разумности и справедливости. Указание на это содержится в семейном праве и такая позиция соответствует Всеобщей декларации прав человека, Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Продолжительное время советская правовая доктрина абсолютно отбрасывала возможность применения оценочных категорий в праве, считая, что они приводят к безграничному судебному усмотрению. Однако следует признать, что применение этих категорий предоставляет судам больше возможностей выяснить в полном объеме фактические обстоятельства дела и установить объективную истину.

Список литературы

1. Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов (Вопросы теории). – Казань, 1975. – 208 с.
2. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. – М.: Госюриздат, 1960. – 512 с.
3. Певзнер А. Г. Понятие гражданского правоотношения и некоторые вопросы субъективных гражданских прав // Ученые записки ВЮЗИ. Вып.5. Вопросы гражданского права. – М., 1958. – С. 3–34.
4. Алексеев С. С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного использования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
5. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
6. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. Постатейный / З. А. Ахметьянова, Е. Ю. Ковалькова, О. Н. Низамиева и др.; Отв. ред. О. Н. Низамиева. – М.: Проспект, 2011. – 560 с.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2012 года. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191230/>

Nekrasova E. Donskaya L. Some aspects of the application of analogy in family law // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – P. 93–97.

The scientific article is devoted to the study of the phenomenon of the application of analogy for the regulation of family relations. It should be noted, that this institution in law enforcement practice is not common, but it is the only way to overcome the gaps in law. Particular attention is paid to the legal grounds and the mechanism for applying the analogy in family law. The article is based on general methodological research of the institution of analogy in law, supported by the view that the analogy is an operative means of overcoming the gaps in law, in contrast to the subsidiary application of law. In this article, the possibility and the expediency of application by analogy of norms of the civil legislation and its general principles to regulation of the family relations are considered.

Key words: Analogy of law, family law, civil law.

References

1. Lazarev V. V. Effektivnost' provoprimitel'nykh aktov (Voprosi teorii). – Kazan, 1975. – 208 s.
2. Nedbaylo P. E. Primeneniye sovetskikh pravovykh norm. – M.: Gosyurizdat, 1960. – 512 s.

3. Pevzner A. G. Ponyatiye grazhdanskogo pravootnosheniya i nekotoryye voprosy sub`yektivnykh grazhdanskikh prav// Uchenyye zapiski VYUZI. Vyp.5. Voprosy grazhdanskogo prava. – M., 1958. – S. 3–34.
4. Alekseyev S. S. Pravo: azbuka-teoriya-filosofiya: Opyt kompleksnogo ispol'zovaniya. – M.: Statut, 1999. – 712 s.
5. Semeyniy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federal'niy zakon ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 01.05.2017) // Sobraniye zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 1. – St. 16.
6. Kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Postateyniy / Z. A. Akhmet'yanova, E. U. Koval'kova, O. N. Nizamiyeva i dr. ; Otv. red. O. N. Nizamiyeva. – M.: Prospekt, 2011. – 560 s.
7. Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii za tretiy kvartal 2012 goda // SPS «Konsul'tant Plyus».

УДК 349.6:342.9

ПОНЯТИЕ И ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ

Пасечник О. С., Романюк Л. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья посвящена изучению отдельных аспектов государственного управления недропользования. Авторами исследовано понятие функции государственного управления, раскрывающееся в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина а также И. Л. Бачило. Проанализирован Закон Российской Федерации «О недрах» в части эффективности функций государственного управления в сфере недропользования. Проведен анализ понятия государственного управления, изучены различные точки зрения ученых по данному вопросу, выделено классическое определение управления как деятельности государства или других субъектов государственной власти, осуществляемая за пределами границ законотворчества и правосудия. Раскрыто теоретическое обеспечение понятия и классификация функций экологического управления.

Ключевые слова: недропользование, функции, государственное управление, экологическое управление.

Государственное управление недропользования является самостоятельным эколого-правовым институтом, который базируется на большом количестве нормативно-правовых актов, направленных на использование целей и задач государственных органов и государства в целом в сфере эффективного недропользования. Следует согласиться с мнением С. В. Гудкова относительно того, что в юриспруденции постоянно уделялось значительное внимание созданию теоретических принципов управления, с разных сторон рассматривались основы деятельности по управлению, механизмы и инструменты управленческого воздействия на конкретные общественные отношения [1, с. 72]. Таким образом, функции управления обладают огромным значением, потому что законодатель с помощью функций направляет свое управленческое воздействие на субъектов, которые наделены властными полномочиями.

Обычно под функциями государственного управления понимают направления деятельности органов, осуществляющих свое волевое влияние на объекты с целью разрешения поставленных задач. В социологии такой термин служит для определения роли, которую осуществляет конкретный социальный институт или процесс по отношению к целому [2, с. 1300]. А юриспруденция такой термин реализовывает для того, чтобы описать конкретные правовые институты или события. Данный термин является всесторонним, например, если рассмотреть функции Конституции РФ, то будут выделяться функции федерализма [3, с. 31]. Однако использовать его нужно в контексте характеристик направления деятельности государственных органов, выступающих в роли субъектов властного воздействия. Функции, выполняемые органами государственной власти, конечно, важны; если обозначить функцию органа, то можно определить направление деятельности и цель его создания. В общем теоретическом аспекте тема функций уже исследована в целом ряде как монографических работ, так и в учебных и

практических изданиях. В этих работах создан категориальный аппарат, который является очень важным для характеристики органов, которые осуществляют управленческую деятельность. Так, например, по мнению И. Л. Бачило, понятие «функция» наделено большим количеством возможных толкований. Самое общеустановленное осмысление его сопряжено с установлением его значимости в роли организации, человека, события или предмета [4, с. 23]. В работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина термин «функция» также реализуется в разных формах. И. Л. Бачило определяет функции органа управления как комплекс взаимозависимых и базирующихся на постоянном процессе обмена информацией организационных и правовых влияний органа, его структурных подразделений, которые служат для того, чтобы обеспечивать управленческие объекты различного рода ориентацией и ресурсами, в конечном итоге управляющих достижением целей, стоящих перед системой управления [4, с. 23].

Проанализировав Закон Российской Федерации «О недрах», можно отметить ряд подцелей, среди которых – «предоставление комплексного рационального пользования недрами, организация охраны недр, обеспечение охраны интересов государства, защита интересов граждан, защита прав пользователей недр». Ряд целей не подлежал изменению достаточно длительный период, так же, как и функции не могли быть эффективными, так как по сути не нашли своего применения в практическом виде, а именно в регулировании определенных правоотношений в области недропользования. Раньше, например, экологическая экспертиза была в зачаточном состоянии и не могла быть способом проявления какого-либо влияния, так же, как и нерезультативен был контроль над рациональным использованием недр, потому что функции управления и контроля были сконцентрированы в ведении определенного субъекта управления. На данном этапе развития функции государственного управления в сфере недропользования разнятся от тех, которые были ранее. Следует согласиться с мнением С. В. Гудкова относительно того, что при сохранении ориентира на приобретение приемлемого совмещения экологических и экономических интересов и конституционно-декларированном условии обеспечения прав граждан на благоприятную окружающую среду были совершены действия, которые значительно поменяли содержание деятельности органов государственного управления в сфере недропользования [1, с. 74]. Так, например, в советское время по большей части применялось директивное планирование, которое юристами определялось не только как базисная управленческая функция, но и как деятельность, которая равна или параллельна управлению. На данном этапе следует сказать, что ее значимость является заниженной, хотя планирование как функция – значительная часть управления и не должна быть проигнорирована в связи с тем, что существует объективная потребность в таком виде управленческого воздействия. Однако на данном этапе директивное планирование уже прекратило существовать, так как его сменило прогнозирование, основывающееся на учетывании интересов всех субъектов данных правоотношений. Поменявшаяся экономическая система, которая вызвала переосмысление отношений собственности, пришла к перекладыванию бремени расходов по использованию многих функций управления в области использования недр на субъекты предпринимательской деятельности. Собственно потому прямое директивное управление заменили государственная экологическая экспертиза, лицензирование, государственная регистрация прав на природные объекты. Очевидно, что реализация данных функций без определенного законодательного регулирования не является возможной, потому, например, в сфере экологической экспертизы сегодня

действует Федеральный Закон «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 г. [5, с. 11].

Критерием верной деятельности, потребности и удовлетворительности функций управления недропользованием обязана быть стабильность в использовании недр в интересах всего общества, а также благоприятное состояние окружающей природной среды. При этом некие опасения вызывает охрана окружающей среды при разработке и использовании месторождений. Несмотря на декларируемые меры, характеристика качества окружающей среды не только не развивается, но и в сравнении с прошлыми годами происходит деградация в этой сфере. Существуют несколько причин для того, чтобы объяснить ухудшение данного процесса, одна из них – это нерезультативность деятельности управленческих органов.

Перед тем, как перейти к анализу понятия функций государственного управления в сфере недропользования, необходимо провести анализ понятия государственного управления. По мнению О. Р. Саркисова, Е. Л. Любарского, государственное управление – это видовое понятие социального управления, которое означает влияние на социум в целях его регулирования, сбережения качества специфики, улучшения и развития. Это обеспечительная деятельность исполнительно-распорядительных органов государственной власти на различных стадиях общественного развития [6, с. 93]. Большой вклад в разработку понятия государственного управления внесла наука административного права.

По мнению Г. В. Атаманчука, у государственного управления есть три неотъемлемых свойства: «Управленческое воздействие основывается на влиянии органов государственной власти, государственное управление распространяет свое влияние на всё общество, системность» [7, с. 38].

По мнению Ю. Н. Старилова, Б. В. Россинского, существует два подхода к осмыслению понятия государственного управления. В широком смысле государственное управление – это регулирующая деятельность государства в целом (деятельность, которую осуществляют различные органы власти, исполнительная государственная власть, прокуратура и суды), а в узком осмыслении – это административная деятельность, т. е. деятельность исполнительных органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях [8, с. 35].

По мнению Н. В. Макарейко, государственное управление в широком осмыслении – это деятельность всех государственных органов по реализации тех полномочий, которые на данные органы возложены; в узком осмыслении – это подзаконная, юридически властная деятельность органов исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов по реализации предоставленных им полномочий [9, с. 11].

По мнению Д. Н. Бахраха, к определению понятия «государственное управление» можно подойти с разных сторон, используя разные точки зрения. С одной стороны, управление понимается как государственная деятельность, которая не является ни законотворческой, ни той, которая осуществляет правосудие. Классическое определение устанавливает, что управление – это деятельность государства или других субъектов государственной власти, осуществляемая за пределами границ законотворчества и правосудия. Негативное понимание государственного управления определяет и взаимосвязывает такие явления и события, как государственное управление и правительство в роли исполнительного органа единой государственной власти, который реализует в установленном объеме функции государственного управления [9, с. 29].

По мнению С. А. Боголюбова, Н. В. Кичигина, Д. О. Сивакова, экологическое

управление – это комплекс общественных отношений, которые возникают между управляющим субъектом и управляемым субъектом относительно соблюдения экологического законодательства и обязательных экологических требований [9, с. 76].

По мнению Е. В. Колдашевой, экологическое управление необходимо понимать как направленное влияние на деятельность по извлечению полезных качеств окружающей среды, которые необходимы для того, чтобы удовлетворить потребности населения и сохранения окружающей природной среды, с целью упорядочивания этой деятельности, а также улучшения и развития [10, с. 28].

Необходимо согласиться с точкой зрения С. А. Боголюбова, Н. В. Кичигина, Д. О. Сивакова по поводу определения понятия государственного управления, поскольку, с точки зрения экологического права, данное учеными понятие наиболее полно раскрывает суть государственного управления.

В науке до сих пор не выработано однозначное мнение относительно определения каких-либо классификаций функций государственного управления в области недропользования. В разных отраслях права имеются различные подходы к пониманию функций государственного управления. Широкого осмысления системы функций управления достигла наука административного права. Таким образом, по мнению Ю. Н. Старилова и Б. В. Россинского, к базисным функциям государственного управления относятся «обеспечение информацией, обеспечение по поводу деятельности государственных органов, прогнозирование и моделирование, руководство, распорядительство координация, контроль, организация, планирование, регулирование, учет» [8, с. 42–48].

По мнению А. П. Алехина, Л. Л. Кармалицкого, Ю. М. Козлова, существует всего четыре функции государственного управления: «координация, прогнозирование, контроль и регулирование» [11, с. 85].

Отсюда можно сделать вывод, что функции государственного управления получили достаточно широкое развитие и на данный момент с помощью этих функций более точно урегулированы некоторые правоотношения в сфере государственного управления.

Теория управления берет свое начало из интегрированного объекта управления, поэтому основные подходы могут быть реализованы в особенностях государственного управления в различных отраслях права с поддержкой тех целей, которые обозначены перед определенными органами государства. Обладая конкретным объектом управления, а именно сферой взаимодействия общества и природы, следует и необходимо вычлнить вместе с общими, которые присущи всей системе государственного управления, специальные функции, которые свойственны лишь, конкретному объекту управления [1, с. 75].

Следовательно, существует необходимость анализа разных точек зрения ученых в области науки экологического права, поскольку они в своих трудах довольно близко подошли к предмету исследования и на конкретном этапе развития имели сходство в своих подходах. Интерес представляет то, что классификации функций государственного управления у некоторых авторов испытывали большие модификации на разных этапах развития этой отрасли права. В то время, когда завершалась дискуссия по поводу земельного права в «узком осмыслении» и в «широком осмыслении», Б. В. Ерофеев к функциям управления земли приписывал функции по планированию их использования, землеустройства и планировке населенных пунктов, распределение и перераспределение земель, регистрацию земли и организацию земельного кадастра, надзор и контроль

земельных споров, ведение учета земель. Причем даже не были названы функции государственного управления другими природными объектами, а назывались только органы, которые наделены полномочиями осуществлять управление [12, с. 80–109].

Позднее, когда процесс становления природоресурсных отраслей права, объективно находившийся в определении законодательного регулирования земельных, горных, водных, лесных, отношений, был почти закончен, авторы учебника «Советское земельное право» грамотно подчеркнули общие черты функций по управлению в сфере использования и охраны указанных отношений. К числу таких функций авторы отнесли «ведение учета природных объектов и управление ведением государственных кадастров, планирование использования и обеспечение охраны природных ресурсов, распределение и перераспределение природных ресурсов, пространственно-территориальное устройство природных объектов, контроль и надзор по использованию и охране природных ресурсов, разрешение споров о праве пользования природными объектами» [1, с. 76]. Также в работе отмечается, что, учитывая особенности, связанные с землей, недрами, лесами, водами, определенные функции различно используются по отношению к каждому из объектов [13, с. 127].

Можно сделать вывод, что еще в советское время предпринимались попытки дать определение и классификацию функций в области экологического права.

Что касается классификации функций экологического управления, то Э. С. Навасардова представила две классификации функций экологического управления. В соответствии с полномочиями управленческих органов, задачами и целями, которые стоят перед ними, к функциям экологического управления относятся [14, с. 168]:

1) исполнительная (процессы сбора и фиксирования информации, планирования и прогнозирования мероприятий по охране окружающей среды и использования природных ресурсов);

2) распорядительная (процесс выдачи разрешений на использование и изъятие природных объектов и воздействия на окружающую среду, нормирование влияний на окружающую природную среду, сертификация, решение споров о праве недропользования, проведение экологической экспертизы, регистрация прав на природные объекты);

3) организационная (координационная деятельность между субъектами экологического управления, обеспечение международного сотрудничества и организации научных исследований, экологическое образование и воспитание);

4) контрольная (проведение государственного экологического контроля).

Следует согласиться с мнением С. В. Гудкова, что условность данной классификации находится на высоком уровне [1, с. 78].

Таким образом, ряд функций, которые объединены понятием «исполнительная деятельность», находится в тесном соприкосновении с организационной деятельностью. Основные направления деятельности, которые связаны с распорядительной деятельностью, необходимо объединить с исполнительной деятельностью, потому что все они находятся в компетенции органов управления [14, с. 168].

В основе второй классификации функций государственного экологического управления лежат направления деятельности, которые прямым образом выполняются органами государственного управления и которые имеют особенности специфики в данной сфере отношений. К ним относятся:

1) вместо исполнительной функции в первой классификации, Э. С. Навасардова

включает сюда информационную функцию, которая, в свою очередь, включает в себя ведение кадастра природных объектов, реестров объектов, оказывающих вредное влияние на окружающую среду или тех объектов, которые с потенциальной точки зрения могут оказать такое влияние, проведение мониторинга окружающей природной среды, процесс сбора и обобщения другой информации, которая прямым или косвенным образом связана с состоянием природоресурсного потенциала или которая характеризует экологическое состояние;

2) планирование и прогнозирование мероприятий в сфере недропользования и охраны окружающей среды;

3) процесс нормирования воздействий на окружающую среду, деятельность по стандартизации и сертификации;

4) проведение экологической экспертизы, в том числе оценки воздействия на окружающую среду, а также другие виды экспертиз, которые связаны с предупреждением деградации качества окружающей среды;

5) управление природными объектами, процесс выдачи разрешений на воздействие на окружающую среду;

6) проведение государственной регистрации прав на определенные природные объекты;

7) проведение государственного экологического контроля;

8) процесс сбора платежей за использование природных объектов;

9) процесс организации экологического воспитания, образования, научных исследований, научно-методического обеспечения природоохранной деятельности;

10) обеспечение международного сотрудничества в сфере использования природных объектов, в том числе недр [14, с. 169].

По мнению Б. В. Ерофеева, в экологическом управлении есть семь функций. К ним относятся «ведение учета природных объектов и ведение государственных кадастров, планирование различных мер по использованию и охране природных объектов, распределение и перераспределение природных объектов в собственность, владение, пользование, процесс воспроизводства природных объектов, пространственно-территориальное устройство природных объектов, контроль за использованием и охраной природных объектов, решения споров об использовании природных ресурсов» [15, с. 238–272]. Тем не менее, дальше, в главе «Организационно-правовое обеспечение рационального экологического использования и сохранности экологической системы России», автор называет такие функции органов управления: «стандартизация, оценка воздействия планируемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую природную среду, проведение государственной экологической экспертизы, мониторинга и экологического контроля» [15, с. 238–272]. Таким образом, автор создает градацию деятельности органов управления в области охраны окружающей среды на непосредственное управление и организационно-правовое обеспечение данной сферы отношений.

Можно сделать вывод, что изложенные выше классификации имеют довольно обширную сферу действия и некоторые положения этих классификаций следует понимать как полномочия органов управленческой деятельности.

По мнению Н. В. Кузнецовой, необходимо назвать ряд функций государственного экологического управления, которые имеют высокую степень значимости: ведение учета и ведение кадастров природных ресурсов, установление и проведение единой экологической политики, создание и принятие планов и программ по рациональному

использованию природных ресурсов и охране окружающей природной среды, проведение мероприятий, связанных с финансированием и материально-техническим обеспечением экологических программ, прямая установка правил и норм по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды, проведение стандартизации в сфере экологии, распределение и перераспределение природных ресурсов, лицензирование и лимитирование природопользования и охраны окружающей природной среды, пространственно-территориальное устройство природных ресурсов, проведение контроля и надзора за рациональным использованием природных ресурсов и охраной окружающей природной среды, разрешение споров в сфере недропользования, а также применение ответственности за правонарушения в области экологии [16, с. 57].

Необходимо согласиться с мнением О. Р. Саркисова и Е. Л. Любарского, что функция государственного экологического управления имеет следующие признаки: «Субъект управления характеризуется в принадлежности к публичной власти, субъект управления наделен правовыми возможностями» [6, с. 93]. В первом признаке речь идет об органах управления на региональном и местном уровнях, во втором признаке имеется в виду установление и непосредственная реализация санкций, определение и установление запретов, установление целей и условий деятельности.

В порядке экологического управления органы государственной власти в данной сфере реализуют такие базисные функции: «экологическое планирование, то есть установление стратегии создания концепций, планов, экологических федеральных и региональных программ, проведение нормирования состояния окружающей среды, экологическая экспертиза, реализация функций по контролю и надзору, распределение и перераспределение природных ресурсов, разрешение споров, реализация норм в сфере ответственности за совершение правонарушений в сфере экологического законодательства» [6, с. 94–95].

Обычно рассмотрению подлежит двухуровневая система экологического управления. Это объясняется тем, что органы государственного экологического управления структурируются в зависимости от своего правового статуса. Данные органы подразделяются на общие и специальные. Функции общего управления осуществляют Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации, а также органы государственной власти всех уровней. Деятельность Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в сфере экологического управления направлена на определение и реализацию экологической политики, установление и определение приоритетности задач охраны окружающей среды, обеспечение экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов, сосредоточена на общем управлении и контроле за природоохранительной деятельностью. Для реализации специальных функций в сфере недропользования создана система исполнительных органов, которые уполномочены на действия от имени государства и решение задач, вытекающих из потребности осуществления более важных и общих целей. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 21.05.2012 № 636 система данных органов состоит из Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, Федерального агентства по недропользованию [17, 26]. Также необходимо отметить и Федеральное агентство водных ресурсов, так как данный орган в определенной степени имеет отношение к осуществлению функций в сфере недропользования.

Проанализировав вопрос о понятии и классификации функций государственного управления недропользованием, нами было определено, что в науке до сих пор не выработано однозначное мнение относительно определения понятия государственного управления недропользованием и классификации функций государственного управления в области недропользования.

Раскрывая систему органов государственного управления в сфере недропользования, мы пришли к выводу, что существует двухуровневая система экологического управления. Это объясняется тем, что органы государственного экологического управления структурируются в зависимости от своего правового статуса. Данные органы подразделяются на общие и специальные. Функции общего управления осуществляют Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации, а также органы государственной власти всех уровней. К органам специального экологического управления в сфере недропользования относятся Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования Российской Федерации, Федеральное агентство по недропользованию Российской Федерации. Полномочия данных органов закреплены на законодательном уровне.

Список литературы

1. Гудков С. В. Правовое обеспечение государственного регулирования недропользования: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. – М., 2005. – 234 с.
2. Прохоров А. М. Большой энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1993. – 1330 с.
3. Стрекозов В. Г. Конституционное право России. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – 171 с.
4. Бачило И. Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). – М.: Юрид. лит., 1976. – 200 с.
5. Федеральный закон «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 27.11.1995. – № 48. – Ст. 4556.
6. Саркисов О. Р. Экологическое право: учеб. пособие для студ. учреждений высшего проф. образования. – Казань: Центр инновационных технологий, 2014. – 335 с.
7. Алехин А. П. Административное право Российской Федерации: Учебник. – М.: Изд-во «ЗЕРЦАЛО», 2003. – 608 с.
8. Россинский Б. В. Административное право: учебник. – М.: Норма, 2009. – 928 с.
9. Макарейко Н. В. Административное право : учебное пособие для вузов. – М.: Издательство «Юрайт», 2017. – 219 с.
10. Колдашева Е. В. Информационные проблемы управления и права в сфере природопользования. – Научные труды МНЭПУ. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2000. – 283 с.
11. Агафонов В. Б. Правовое регулирование охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности при пользовании недрами: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. – М.: – 2014. – 436 с.
12. Ерофеев Б. В. Советское земельное право. – М.: Высшая школа, 1965. – 656 с.
13. Ерофеев Б. В. Советское земельное право. – М.: Юрид. лит. 1981. – 464 с.
14. Навасардова Э. С. Теоретические проблемы регулирования экологического управления на региональном уровне: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. – М., 2002. – 509 с.
15. Ерофеев Б. В. Экологическое право: Учебник. – М.: ИД ФОРУМ: НИЦ Инфра, 2013. – 400 с.
16. Кузнецова Н. В. Экологическое право. Учебное пособие. – М.: Юриспруденция, 2000. – 168 с.
17. Указ Президента Российской Федерации № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 19.08.1996. – № 34. – Ст. 4082.

Pasechnyk O. S., Romanyuk L. V. The concept and functions of state governance in the field of subsurface use // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2016. – T. 2 (68). № 4. – P. 98–106.

This article is dedicated to studying certain aspects of state governance of subsurface use. The authors research the concept and function of state governance, which is discussed in works by K. Marx, F. Engels, V. I. Lenin, as well as I.L. Bachilo. Law of the Russian Federation “About sub-soil assets” is subjected to analysis in regards to efficiency of state governance in the field of subsurface use. An analysis of the concept of state governance is conducted, various points of view by scientists in this field are researched, and a classic definition of governance as a practice conducted by the state or other subjects of the government beyond the borders of lawmaking and justice is given. The theoretical provisions, concept, and classification of functions behind environmental management is fully addressed.

Key words: subsurface use, functions, state governance, environmental management.

References

1. Gudkov S. V. Pravovoe obespechenie gosudarstvennogo regulirovaniya nedropolzovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.06 / Gudkov Sergey Viktorovich – M.: 2005. – 234 c.
2. Prohorov A. M. Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar / A. M. Prohorov – 2-e izd., pererab. i dop. – 1330 s.
3. Strekozov V. G. Konstitutsionnoe pravo Rossii / V. G. Strekozov – M.: Izdatelstvo Yurayt – 2012. – 171 s.
4. Bachilo I. L. Funktsii organov upravleniya (pravovyye problemyi oformleniya i realizatsii) / I. L. Bachilo – Izdatelstvo Yurid. Lit. M.:, 1998. – 200 s.
5. Federalnyy zakon «Ob ekologicheskoy ekspertize» // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. – 27.11.1995. – # 48. – St. 4556.
6. Sarkisov O. R. Ekologicheskoe pravo: ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdeniy vysshego prof. obrazovaniya / O. R. Sarkisov, E. L. Lyubarskiy – Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy, 2014. – 335 s.
7. Alehin A. P. Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: Uchebnyk / A. P. Alehin, L. L. Karmalitskiy, Yu. M. Kozlov – M.: Izd-vo ZERTsALO, 2003. 608 s.
8. Rossinskiy B. V. Administrativnoe pravo: uchebnyk / B. V. Rossinskiy, Yu. N. Starilov – M.: – 2009. – 905 c.
9. Makareyko N. V. Administrativnoe pravo : uchebnoe posobie dlya vuzov / N. V. Makareyko – 9-e izd., pererab. i dop. – M. : Izdatelstvo Yurayt, 2017. – 219 s.
10. Makareyko N. V. Administrativnoe pravo : uchebnoe posobie dlya vuzov / N. V. Makareyko – 9-e izd., pererab. i dop. – M. : Izdatelstvo Yurayt, 2017. – 219 s.
11. Makareyko N. V. Administrativnoe pravo : uchebnoe posobie dlya vuzov / N. V. Makareyko – 9-e izd., pererab. i dop. – M. : Izdatelstvo Yurayt, 2017. – 219 s.
12. Koldasheva E. V. Informatsionnyye problemyi upravleniya i prava v sfere prirodopolzovaniya / E. V. Koldasheva – Nauchnyye trudyi MNEPU. - M.: Izd-vo MNEPU, 2000. – 283 s.
13. Agafonov V. B. Pravovoe regulirovanie ohranyi okruzhayushey sredy i obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti pri polzovanii nedrami: teoriya i praktika: dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.06 / Agafonov Vyacheslav Borisovich – M.: – 2014. – 436 s.
14. Erofeev B. V. Sovetskoe zemelnoe pravo / B. V. Erofeev – M.: Vysshaya shkola, 1965. – 656 s.
15. Erofeev B. V. Sovetskoe zemelnoe pravo / B. V. Erofeev, N. I. Krasnov, N. A. Syirodov – M.: Yurid. lit. 1981. – 464 s.
16. Navasardova E. S. Teoreticheskie problemyi regulirovaniya ekologicheskogo upravleniya na regionalnom urovne: dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.06 / Navasardova Eleonora Sergeevna – M.: 2002. – 509 c.
17. Erofeev B. V. Ekologicheskoe pravo: Uchebnyk / B. V. Erofeev – 5-e izd., pererab. i dop. – M.: ID FORUM: NITs Infra – M., 2013. – 400 s.
18. Kuznetsova N. V. Ekologicheskoe pravo. Uchebnoe posobie / N. V. Kuznetsova – M.: Yurispruden-tsiya, 2000. – 168 s.
19. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii # 636 «O strukture federalnykh organov ispolni-telnoy vlasti» // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 19.08.1996. – № 34. – St. 4082.

УДК 349.4

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЗЕМЕЛЬ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Рышкова Е. В., Рышкова Л. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуется правовой режим земель автомобильного транспорта на современном этапе. Проанализировано понятие земель автомобильного транспорта, показаны элементы, его составляющие, выявлены юридически значимые признаки земель автомобильного транспорта, позволяющие отграничить их от иных земель, входящих в подкатегорию земли транспорта. Рассмотрены две самостоятельные разновидности: земли автомобильного транспорта и земли, предназначенные для дорожной деятельности. Проанализировано действующее законодательство, устанавливающее право собственности на земельные участки земель автомобильного транспорта, а также порядок их использования, в том числе на основании иных вещных прав на современном этапе. Исследовано понятие объекта дорожного сервиса и обосновано его отнесение к элементам автомобильных дорог общего пользования. Выявлены существующие коллизии в правовом обеспечении нормами гражданского и земельного права, предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: правовой режим, земли автомобильного транспорта, сервитут, частный сервитут, концессия.

В России в нынешнее время происходит активный процесс развития транспортной инфраструктуры, правовой основой которого является Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)», что создает условия для ускоренного социально-экономического, экологически сбалансированного развития государства, укрепления экономической безопасности страны, повышения конкурентоспособности сети дорог для увеличения транзитных перевозок и развития туризма. В сфере автомобильного транспорта земля выступает как пространственный (территориальный) операционный базис, то есть выполняет вспомогательную, но важную роль. Изменения, произошедшие в автодорожной системе России, обуславливают значительные изменения в составе земель автомобильного транспорта и дорожной деятельности.

Одновременно с указанными процессами в России активно осуществляется реформирование земельных и гражданских правоотношений, цели которого – систематизация норм гражданского и земельного права, а также урегулирование существующих коллизий указанных отраслей, что требует изучения и научного осмысления.

Отношения по использованию и охране земель автомобильного транспорта урегулированы в земельном законодательстве. Статья 27 Закона «Об автомобильных дорогах» определяет, что право использования автомобильных дорог общего пользования имеют физические и юридические лица, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации [1]. Использование

автомобильных дорог федерального, регионального или межмуниципального, местного значения осуществляется в соответствии с настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами.

Земельный кодекс РФ содержит отдельную норму, определяющую состав земель автомобильного транспорта [2]. Необходимо отметить, что ст. 90 Земельного кодекса РФ, в отличие от законодательства, регулировавшего соответствующие отношения в советский период, фактически выделяет две самостоятельные разновидности: земли автомобильного транспорта и земли, предназначенные для дорожной деятельности. Понятие и виды дорожной деятельности раскрыты в п. 6 ст. 3 ФЗ «Об автомобильных дорогах». Объединение этих составляющих следует из их единого целевого назначения, а именно – обеспечения интересов автомобильного транспорта. Дальнейший анализ законодательства свидетельствует, что каждая из этих разновидностей земель также неоднородна по своему составу. Земли, обслуживающие автомобильный транспорт общего пользования, хотя и выполняют одно задание – обеспечивают работу автомобильного транспорта, однако достаточно неоднородны по своему составу и выполняют разнообразные функции. От того, насколько точно определен состав этих земель, зависит определение их правового режима.

Попробуем проанализировать структурный состав данного вида земель. Из содержания ст. 90 Земельного кодекса РФ следует, что к землям автомобильного транспорта относятся земли под автомобильными дорогами, объектами дорожного сервиса, объектами, предназначенными для осуществления дорожной деятельности, стационарных постов органов внутренних дел, полосами отвода автомобильных дорог, придорожные полосы автомобильных дорог.

Таким образом, приведенная норма критерием отнесения земельных участков к землям автомобильного транспорта определяет размещение на этих участках объектов, обеспечивающих работу автомобильного транспорта, безопасность дорожного движения и безопасность граждан. При этом следует иметь в виду, что перечень таких объектов не исчерпывается ст. 90 Земельного кодекса РФ. Следовательно, для того, чтобы определить, какие именно земельные участки относятся к землям автомобильного транспорта, необходимо установить, что именно относить к объектам, обслуживающим работу автомобильного транспорта.

Нужно учитывать, что объект является философской категорией и в энциклопедической литературе определяется как то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания, явление внешнего мира [3, с. 473]. Фактически под понятие «объект» подпадают все предметы материального мира. К объектам, обеспечивающим работу автомобильного транспорта, можно отнести все материальные активы автотранспортной системы: транспортные средства, объекты транспортной инфраструктуры, различное оборудование и т. д.

Но следует указать, что не все объекты, обеспечивающие работу автомобильного транспорта, имеют потребность в выделении земельных участков. Например, не требуют выделения земельных участков такие объекты автомобильного транспорта, как автотранспортные средства. Необходимость

выделения земельного участка под объект автомобильного транспорта обусловлена тем, относится ли этот объект к движимому или недвижимому имуществу.

Как определяет ст. 1 Федерального Закона от 21.07.1997 N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» объектом недвижимого имущества являются земельные участки, участки недр и все объекты, которые связаны с землей так, что их перемещение без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, жилые и нежилые помещения, предприятия как имущественные комплексы [4].

Данное определение позволяет сделать вывод, что земельные участки должны выделяться только под те объекты автомобильного транспорта, перемещение которых невозможно без их обесценивания или изменения их назначения. Именно к таким объектам относятся разнообразные автомобильные здания и сооружения: автостанции, станции дорожного сервиса и т. д.

Таким образом, по нашему мнению, критерием отнесения земельных участков к землям автомобильного транспорта следует считать размещение на этих землях объектов недвижимости, обеспечивающих работу автомобильного транспорта: объектов дорожного сервиса, объектов, предназначенных для осуществления дорожной деятельности, полос отвода автомобильных дорог, придорожных полос автомобильных дорог.

Следует отметить, что полосы отвода составляют основную часть земель автомобильного транспорта. Н. И. Краснов относит к полосам отвода земли, занятые путями сообщения и служебными сооружениями, непосредственно примыкающими к ним [5, с. 163]. Данное определение немного конкретизировано и дополнено в действующем законодательстве.

Земельный кодекс РФ ч. 3.1 ст 90 определяет, что земельные участки в границах полосы отвода автомобильных дорог могут предоставляться в установленном порядке гражданам и юридическим лицам для размещения объектов дорожного сервиса.

Согласно п. 15 ч. 1 ст. 3 ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности» полоса отвода автомобильной дороги – земельный участок (независимо от категории земель), который предназначен для размещения конструктивных элементов автомобильной дороги, дорожных сооружений и на которых располагаются или могут располагаться объекты дорожного сервиса. Ст. 25 указанного закона определяет, что границы полосы отвода автомобильной дороги определяются на основании документации по планировке территории [1]. Подготовка документации по планировке территории, предназначенной для размещения автомобильных дорог и (или) объектов дорожного сервиса, осуществляется с учетом утверждаемых Правительством Российской Федерации норм отвода земель для размещения указанных объектов.

Для полного понимания содержания этого понятия необходимо определить, что представляет из себя автомобильная дорога. Так, общее понятие термина «дорога» закреплено в Постановлении Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 «О Правилах дорожного движения», согласно которому дорога – обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств полоса земли либо поверхность искусственного сооружения. Дорога включает в себя одну или

несколько проезжих частей, а также трамвайные пути, тротуары, обочины и разделительные полосы при их наличии [6].

Более полное определение понятия «автомобильная дорога» содержится в вышеуказанном Федеральном законе, согласно которому автомобильная дорога – объект транспортной инфраструктуры, предназначенный для движения транспортных средств и включающий в себя земельные участки в границах полосы отвода автомобильной дороги и расположенные на них или под ними конструктивные элементы (дорожное полотно, дорожное покрытие и подобные элементы), и дорожные сооружения, являющиеся ее технологической частью, – защитные дорожные сооружения, искусственные дорожные сооружения, производственные объекты, элементы обустройства автомобильных дорог (п. 1 ч. 1 ст. 3 Закона).

Как видно, данные определения содержат разные положения. Если первое определение в состав дороги включает только земельные участки, то второе, помимо земельных участков, включает необходимые объекты транспортной инфраструктуры.

При анализе данного вопроса необходимо учитывать положения ст. 549 Гражданского кодекса РФ, согласно которой по договору купли–продажи недвижимого имущества (договору продажи недвижимости) продавец обязуется передать в собственность покупателя земельный участок, здание, сооружение, квартиру или другое недвижимое имущество [7].

Данное положение конкретизируется нормами земельного законодательства. Так, в ЗК РФ в п. 5 ст. 1 закреплён принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством РФ. Это один из основополагающих принципов земельного права.

Этот принцип получил свое развитие в ст. 35 ЗК РФ, которая посвящена переходу права на земельный участок при переходе права собственности на здание, сооружение, и определяющей, что при переходе права собственности на здание, сооружение, находящиеся на чужом земельном участке, к другому лицу оно приобретает право на использование соответствующей части земельного участка, занятой зданием, сооружением и необходимой для их использования, на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний их собственник. А отчуждение здания, сооружения, находящихся на земельном участке и принадлежащих одному лицу, проводится вместе с земельным участком, за исключением случаев, прямо указанных в Земельном кодексе РФ.

Кроме того, согласно с определением «автомобильная дорога», закреплённом в ФЗ «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности», автомобильная дорога ограничена краем полосы отвода, что отчасти противоречит другим нормативным правовым актам. Анализ норм ФЗ «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности» позволяет утверждать, что в границах полосы отвода расположены не все составляющие автомобильной дороги общего пользования. Так, согласно определению, составляющими автомобильной дороги в пределах полосы отвода являются земельные участки, конструктивные элементы и дорожные сооружения, являющиеся ее технологической частью, защитные дорожные сооружения,

искусственные дорожные сооружения, производственные объекты, элементы обустройства автомобильных дорог. Размещение иных объектов в пределах полосы отвода без согласования с собственником дороги не допускается.

Полосы отвода автомобильных дорог могут использоваться и для других целей, однако возможность осуществления иных, прямо предусмотренных законом видов деятельности связана с возникновением иных, производных от права собственности прав на землю. С. 4 ст. 25 норм закрепляет, что земельные участки в границах полосы отвода предназначены для размещения объектов дорожного сервиса, установки и эксплуатации рекламных конструкций. Однако Закон лишь указывает на возможность предоставления земельных участков в пределах полосы отвода автомобильной дороги для указанных целей, закрепляя правовую конструкцию: «Могут предоставляться гражданам или юридическим лицам для размещения таких объектов». При этом Закон как основание возникновения прав на земельный участок указывает частный сервитут.

Возможность использования земельных участков в границах полосы отвода автомобильных дорог для иных целей – в целях строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов дорожного сервиса, их эксплуатации, установки и эксплуатации рекламных конструкций; в целях прокладки, переноса, переустройства инженерных коммуникаций, их эксплуатации Закон также связывает с необходимостью установления частного или публичного сервитута.

Данная норма не учитывает особенности правового режима автомобильных дорог.

подавляющее большинство дорог Российской Федерации являются дорогами федерального, регионального, межмуниципального или местного значения. Более обоснованным является закрепление и уточнение порядка возникновения иных видов прав пользования земельными участками в пределах полосы отвода автомобильных дорог, например, возникновение права пользования земельным участком в результате заключения договора аренды земельного участка.

В исследуемом вопросе очевидно противоречие правовых норм системы законодательных актов. Так, ФЗ «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности» использует термин «частный сервитут». Между тем, после недавнего реформирования гражданского законодательства, понятие «частный сервитут» не используется и заменено общим понятием «сервитут». Так, согласно ч. 6 ст. 274 Гражданского кодекса РФ в случаях, предусмотренных законом, сервитут устанавливается по соглашению между лицом, требующим установления сервитута, и лицом, которому предоставлен земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, если это допускается земельным законодательством. В этом случае к лицу, которому предоставлен земельный участок, в отношении которого устанавливается сервитут, применяются правила, предусмотренные настоящей статьей и статьями 275 и 276 Гражданского кодекса РФ для собственника такого земельного участка.

Кроме того, существует коллизия норм как между положениями Гражданского и Земельного кодексов, так и между отдельными статьями самого Земельного кодекса. Несмотря на внесенные изменения и дополнения в Земельный кодекс РФ, нормы, регулирующие общественные отношения в сфере установления сервитута

на земельные участки, не были систематизированы и приведены к единообразному правовому регулированию. Так, в ст. 23 ЗК РФ в части первой понятие «частный сервитут» было заменено общим понятием «сервитут», как и в приведенных выше положениях Гражданского кодекса РФ, однако в последующих частях той же статьи определен порядок установления «публичного сервитута» для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения.

В связи с изменениями, внесенными в Гражданский кодекс РФ с целью единообразного применения системы норм законодательства, положения ст. 23 необходимо уточнить и предусмотреть в части второй и последующих частях анализируемой статьи «порядок установления сервитута для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения».

Отдельного внимания заслуживают нормы ст. 39.24 Земельного кодекса РФ, регулирующей порядок установления сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности. Согласно ч. 1 данной статьи в случае, если находящийся в государственной или муниципальной собственности земельный участок предоставлен в постоянное (бессрочное) пользование, пожизненное наследуемое владение либо в аренду или безвозмездное пользование на срок более чем один год, соглашение об установлении сервитута заключают землепользователь, землевладелец, арендатор земельного участка. При этом согласие в письменной форме уполномоченного органа на заключение такого соглашения не требуется, если настоящей статьей или договором аренды либо договором безвозмездного пользования не предусмотрено иное. К субъектам, заключающим соглашение об установлении сервитута, отнесены землепользователи (на праве постоянного пользования, пожизненного наследуемого владения) и арендаторы.

Анализируемая норма носит общий характер и не учитывает специфику правового режима земель автомобильного транспорта. Так, полоса отвода автомобильной дороги, как указывалось выше, является составляющей земель автомобильного транспорта и подчинена режиму собственности автомобильной дороги – государственной или муниципальной (за исключением частных автомобильных дорог). Значит, данные земельные участки не могут принадлежать иным лицам на праве пожизненного наследуемого владения или праве постоянного (бессрочного) пользования согласно нормам действующего законодательства.

Важно определить и саму возможность применения конструкции сервитута для размещения перечисленных объектов, а также их эксплуатации и реконструкции, ремонта в пределах полосы отвода автомобильных дорог.

Гражданский кодекс РФ определяет, что сервитут может устанавливаться для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок, строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, препятствующих использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием, а также других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута.

В случае же размещения объектов дорожного сервиса, рекламных конструкций речь идет о временном пользовании земельным участком, принадлежащим на праве собственности иному лицу (Федерации, субъекту Федерации, муниципалитету, физическому или юридическому лицу) и используемый для осуществления

предпринимательской деятельности. Поэтому для регулирования данного вида правоотношений более соответствует правовая природа договора аренды земельного участка с учетом особенностей земель автомобильного транспорта.

Важное значение имеет и исследование самого понятия «объекты дорожного сервиса». К объектам дорожного сервиса ФЗ «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности» относит здания, строения, сооружения, иные объекты, предназначенные для обслуживания участников дорожного движения по пути следования (автозаправочные станции, автостанции, автовокзалы, гостиницы, кемпинги, мотели, пункты общественного питания, станции технического обслуживания, подобные объекты, а также необходимые для их функционирования места отдыха и стоянки транспортных средств) (п. 13 ст. 3 Закона). Включение некоторых из названных объектов в состав автомобильной дороги считают ошибочным, так как их включение в состав автомобильной дороги влияет на особенности их правового регулирования. Учитывая, что автомобильные дороги федерального, регионального и межмуниципального значения (за исключением частных дорог) находятся соответственно в собственности Федерации, субъекта Федерации и не подлежат приватизации, объекты дорожного сервиса, пребывая в составе автомобильных дорог, также должны находиться в собственности Федерации или субъекта Федерации. Однако такое утверждение вступит в противоречие с другими нормами законодательства и не может считаться обоснованным.

Так, согласно Приказу Минтранса России от 28 июня 2012 № 186 «Об утверждении Административного регламента Федерального дорожного агентства предоставления государственной услуги по выдаче разрешений на строительство, реконструкцию, а также на ввод в эксплуатацию автомобильных дорог общего пользования федерального значения либо их участков; частных автомобильных дорог, строительство, реконструкцию, которых планируется осуществлять на территории двух и более субъектов Российской Федерации; выдаче разрешений автомобильных дорог на строительство в случае прокладки или переустройства инженерных коммуникаций в границах полосы отвода автомобильной дороги общего пользования федерального значения; выдаче разрешений на строительство, реконструкцию, а также ввод в эксплуатацию пересечений и примыканий к автомобильным дорогам общего пользования федерального значения; объектов дорожного сервиса, размещаемых в границах полосы отвода автомобильной дороги общего пользования федерального значения» (далее – Административный регламент) субъекты предпринимательской деятельности могут быть собственниками таких объектов сервиса, как станции и пункты технического обслуживания, пункты мытья автомобилей, автозаправочные и газозаправочные станции, пункты торговли, питания, стоянки автомобилей, стоянки отдыха, отели, мотели, кемпинги [8].

В связи с этим считаем нецелесообразным относить объекты дорожного сервиса к элементам автомобильных дорог общего пользования. Указанные объекты представляют собой самостоятельные объекты недвижимости с соответствующим правовым режимом.

Поэтому ошибочной следует считать и позицию законодателя, согласно которой объекты дорожного сервиса размещаются в пределах полосы отвода, как

установлено ныне действующими нормами законодательства. Именно такие сведения содержит в себе вышеупомянутый Регламент, а также Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)», утвержденная постановлением Правительства РФ от 05 декабря 2001 года № 848, согласно которой объекты сервиса могут быть размещены в полосе отвода автомобильных дорог федерального значения, среди них: отели, мотели; пункты питания, работающие круглосуточно; отдельные (платные) автостоянки; автомастерские и станции технического обслуживания автомобилей; автозаправочные станции; туристические базы, кемпинги [9].

Более обоснованным является положение, когда перечисленные объекты (службы дорожного сервиса) не являются составной частью автомобильной дороги, а соответственно земельные участки, на которых они расположены, не являются частью полосы отвода.

Список литературы

1. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 8 ноя. 2007 года N 257-ФЗ // Собрание законодательства РФ.– N 46.– ст. 5553.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ[Текст] // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – ст. 4147.
3. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель, АСТ, 2000. – Т. 2. – 473 с.
4. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним [Текст]: федеральный закон от 21 июл. 1997 N 122-ФЗ// Собрание законодательства РФ.– № 30.– ст. 3594.
5. Краснов Н. И. Правовой режим земель специального назначения. – М: Госюриздат, 1961. – 215 с.
6. О Правилах дорожного движения [Текст]: постановление Правительства РФ от 23 окт.1993 N 1090 [Текст] // Собрание актов Президента и Правительства РФ. –1993.– N 47.– ст. 4531.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 1994.– № 32.– ст. 3301.
8. Об утверждении Административного регламента Федерального дорожного агентства предоставления государственной услуги по выдаче разрешений на строительство, реконструкцию, а также на ввод в эксплуатацию автомобильных дорог общего пользования федерального значения либо их участков; частных автомобильных дорог, строительство, реконструкцию, которых планируется осуществлять на территории двух и более субъектов Российской Федерации; выдаче разрешений автомобильных дорог на строительство в случае прокладки или переустройства инженерных коммуникаций в границах полосы отводаавтомобильной дороги общего пользования федерального значения; выдаче разрешений на строительство, реконструкцию, а также ввод в эксплуатацию пересечений и примыканий к автомобильным дорогам общего пользования федерального значения; объектов дорожного сервиса, размещаемых в границах полосы отвода автомобильной дороги общего пользования федерального значения [Электронный ресурс]: приказ Минтранса России от 28 июн. 2012 № 186 // Министерство транспорта Российской Федерации [Официальный Сайт]. URL.: <http://rosavtodor.ru/documents/official/1936.html>
9. Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010-2020 годы)» [Текст]: постановление Правительства РФ от 05 дек. 2001 года № 848 // Собрание законодательства РФ.–2001.– N 51.– ст. 4895.

Ryshkova E. In. Ryshkova L. V. Pravovoy mode of earths of motor transport: prospects of development // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – P. 107–115.

The article examines the legal regime of the lands of automobile transport at the present stage. Analyzed the concept of road transport lands, elements, components, identified the legally significant features of the

lands of automobile transport that allow to distinguish them from the other lands belonging to the subcategory of land transportation. Considered two separate species: the land automobile transport and land designated for road construction activities. Analyzed the existing legislation establishing the right of ownership to land plots of lands of automobile transport and use, including on the basis of other rights at the present stage. Investigates the concept of a road service facility and justifies its assignment to the elements of public roads. Identified existing conflicts in the legal provision of the rules of civil and land law suggested solutions.

Keywords: legal regime, road transport lands, easement, private easement, concession.

References

1. Ob avtomobilnykh dorogah i o dorozhnoy deyatelnosti v Rossiyskoy Federatsii i o vnesenii izmeneniy v otdelnyie zakonodatelnyie aktyi Rossiyskoy Federatsii [Tekst]: federalnyiy zakon ot 8 noya. 2007 goda N 257-FZ // Sobranie zakonodatelstva RF. – N 46. – st. 5553
2. Zemelnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 25 oktyabrya 2001 g. № 136-FZ [Tekst] // Sobr. zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. – 2001. — № 44. – st. 4147
3. Tolkovyy slovar russkogo yazyika / Pod red. D. N. Ushakova. – V 4 t. – M.: Astrel, AST, 2000. – T.2: L. – 473 s.
4. O gosudarstvennoy registratsii prav na nedvizhimoe imuschestvo i sdelok s nim [Tekst]: federalnyiy zakon ot 21 iyul. 1997 N 122-FZ // Sobranie zakonodatelstva RF. – N 30. – st. 3594
5. Krasnov N.I. Pravovoy rezhim zemel spetsialnogo naznacheniya. [Tekst] / N.I. Krasnov. M: Gosyurizdat, 1961. – 215s.
6. O Pravilah dorozhnogo dvizheniya [Tekst]: postanovlenie Pravitelstva RF ot 23 okt.1993 N 1090 [Tekst] // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitelstva RF. – 1993. – N 47. – st. 4531
7. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast pervaya ot 30 noyab. 1994 g. # 51-FZ [Tekst] // Sobranie zakonodatelstva RF. – 1994. – № 32. – st. 3301
8. Ob utverzhenii Administrativnogo reglamenta Federalnogo dorozhnogo agentstva predostavleniya gosudarstvennoy uslugi po vyidache razresheniy na stroitelstvo, rekonstruktsiyu, a takzhe na vvod v ekspluatatsiyu avtomobilnykh dorog obschego polzovaniya federalnogo znacheniya libo ih uchastkov; chastnykh avtomobilnykh dorog, stroitelstvo, rekonstruktsiyu, kotoryihz planiruetsya osuschestvlyat na territorii dvuh i bolee sub'ektov Rossiyskoy Federatsii; vyidache razresheniy avtomobilnykh dorog na stroitelstvo v sluchae prokladki ili pereustroystva inzhenernykh kommunikatsiy v granitsah polosyi otvoda avtomobilnoy dorogi obschego polzovaniya federalnogo znacheniya; vyidache razresheniy na stroitelstvo, rekonstruktsiyu, a takzhe vvod v ekspluatatsiyu peresecheniy i primykaniy k avtomobilnyim dorogam obschego polzovaniya federalnogo znacheniya; ob'ektov dorozhnogo servisa, razmeschaemykh v granitsah polosyi otvoda avtomobilnoy dorogi obschego polzovaniya federalnogo znacheniya [Elektronnyiy resurs]: prikaz Mintransa Rossii ot 28 iyun. 2012 № 186 // Ministerstvo transporta Rossiyskoy Federatsii [Ofits. Sayt]. URL.: <http://rosavtodor.ru/documents/official/1936.html>
9. Federalnaya tselevaya programma «Razvitie transportnoy sistemy Rossii (2010-2020 godyi) [Tekst]: postanovlenie Pravitelstva RF ot 05 dek. 2001 goda № 848 // Sobranie zakonodatelstva RF. – 2001. – N 51. – st. 4895.

УДК 349.22

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА И ОДНОЙ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЕГО ОСНОВ – КОЛЛЕКТИВНОМ ДОГОВОРЕ

Лукашева Н. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуются вопросы социального партнерства как сложной правовой и социальной категории, направленной на наиболее эффективное решение вопросов поддержания баланса интересов работников и работодателей, установления стабильности гражданского общества.

Одной из основ социального партнерства является заключение по результатам коллективных переговоров коллективного договора, соглашения. Трудовое законодательство Российской Федерации устанавливает право на заключение коллективного договора, а не обязанность сторон, работников и работодателя. В целях стабильности функционирования организаций, роста экономики и развития государства автором вносится предложение об изменении законодательной нормы, которая бы обязывала стороны социального партнерства заключать коллективный договор, соглашение.

Дискуссионный вопрос распространения действия коллективного договора только на работников – членов профессионального союза или на всех работников, как указывает трудовое законодательство РФ, также рассматривается в статье.

В статье уделено внимание видам юридической ответственности в отношениях социального партнерства.

Социальное партнерство в сфере государственной гражданской службы требует к себе внимания, т. к. в связи со спецификой не все нормы Трудового кодекса РФ, регулирующие социальное партнерство, могут применяться в сфере государственной гражданской службы, что вызывает необходимость совершенствования существующих правовых норм.

Ключевые слова: социальное партнерство, профессиональные союзы, представительство, коллективный договор, соглашение, работники, работодатель, социально-трудовые отношения.

На этапах становления и развития России как независимого демократического государства необходимо укрепление правовой основы общественной жизни, в т. ч. совершенствование трудового законодательства, наиболее рациональное сочетание интересов общества с непосредственными интересами коллектива организации и отдельных работников, интересами работодателей и коллективов работников, их представителей.

Эффективность общественного производства тем выше, чем четче работники выполняют свои обязанности перед обществом, в т. ч. соблюдают трудовую дисциплину.

Развитие общественного производства на современном этапе требует правильного выбора методов укрепления трудовой дисциплины, разумного применения материального и морального стимулирования труда, создания благоприятного социально-психологического климата в коллективе, правильного подбора, расстановки и использования кадров, уточнения сферы централизованного и локального регулирования трудовых отношений, усиления коллективных и индивидуальных соглашений в области труда и условий его правового регулирования.

После распада СССР и с развитием рыночных отношений в России, с появлением различных форм собственности увеличилось количество нарушений трудового законодательства, а именно: незаконные увольнения, задержка выплаты заработной платы, ненадлежащее оформление трудовых договоров и создание условий труда, отсутствие гарантий и компенсаций.

В таких условиях, опираясь на международный опыт, конвенции и рекомендации МОТ, возникающие вопросы возможно решить, если стороны отношений ориентируются на сотрудничество, а не на конфронтацию, т. е. на социальное партнерство в сфере труда.

Отношения социального партнерства строятся на обоюдном желании его сторон в повышении эффективности производства, создании безопасных и здоровых условий труда, повышении социальной защищенности работников.

Реализация идей социального партнерства возможна при наличии правовой базы, регулирующей эти отношения. В российском трудовом праве такая правовая база в основном создана, но в процессе правоприменительной деятельности требует усовершенствования путем более детальной регламентации системы взаимоотношений и форм социального партнерства, а также введением императивных норм, регулирующих социальное партнерство на локальном и на других уровнях.

В современный период времени повышается роль и значение социального партнерства как самостоятельного института трудового права, что влечет за собой расширение правовой базы.

Социальное партнерство, состоящее из социально-трудовых отношений, выстраивается на принципах бипартизма и трипартизма, т. е. двусторонние отношения (работники и работодатель) и трехсторонние отношения, где добавляется третья сторона – государство, на разных уровнях которое представляют федеральные органы исполнительной власти или органы государственной власти субъектов РФ, или органы муниципальной власти.

Двусторонние отношения – это локальный уровень социального партнерства, на котором устанавливаются обязательства работников и работодателя в сфере труда в организации или у индивидуального предпринимателя, и заключаемый, согласно ст. 40 ТК РФ, работниками и работодателем в лице их представителей. В классических трудовых отношениях основной формой представительства работников являются профсоюзы.

Заключение коллективного договора – это право, а не обязанность сторон, только они могут определять, согласно закону, необходимость и целесообразность заключения коллективного договора. Именно с этим указанием закона нельзя согласиться. ТК РФ указывает на актуальные вопросы, т. е. необходимое и достаточное содержание и структуру коллективного договора, хотя окончательное содержание и структура определяются сторонами с учетом особенностей деятельности организации или индивидуального предпринимателя. Он стал основной разновидностью социально-партнерского регулирования трудовых отношений непосредственно в организациях и приобрел черты локально-правового акта, призванного служить одним из законов, определяющих деятельность организации или индивидуального предпринимателя, своеобразным социально-трудовым кодексом для работников и работодателя.

Нормативные положения по сравнению с обязательно-правовыми становятся доминирующими в его содержании, они нацелены на организацию автономной

системы условий труда соответствующей организации независимо от форм собственности, ведомственной принадлежности и численности работников.

Содержания и структуры коллективно-договорных обязательств формируются по актуальным условиям труда: рабочее время и время отдыха, охрана труда, оплата труда и нормирование труда, гарантии и компенсации, гарантии при возможном высвобождении (увольнении), обеспечение занятости, гарантии деятельности профсоюзов, социальные гарантии и др.

Прийти к соглашению по всем выше указанным актуальным вопросам должны быть заинтересованы обе стороны, как работники, так и работодатель, т. к. это даст возможность успешно решать те задачи, которые стоят перед организацией или индивидуальным предпринимателем.

Разногласия же влекут за собой дестабилизацию деятельности организации, протестные настроения, что не исключает текучесть кадров, судебные разбирательства, разного рода юридическую ответственность, частичную или полную ликвидацию организации.

В то время как заключение коллективного договора, во-первых, способствует соблюдению сторонами норм действующего трудового законодательства, во-вторых, улучшению положения работников по сравнению с действующим трудовым законодательством за счет работодателя или других источников, не запрещенных законом.

Основываясь на вышеизложенном необходимо пересмотреть положение ч. 4 ст. 40 ТК РФ, изменив указание о том, что коллективный договор не «может», а «должен» заключаться в организации в целом, в ее филиалах, представительствах и иных обособленных структурных подразделениях.

Это позволило бы гарантировать соблюдение трудового законодательства, организацию труда на уровне, установленном законом, и более льготном уровне, установленном по согласованию между сторонами коллективного договора.

Необходимость заключения коллективного договора в обязательном порядке является дискуссионным вопросом, как и вопрос о распространении действия коллективного договора только на работников – членов профессионального союза.

Законом ТК РФ ч. 2 ст. 43 определено, что действие коллективного договора распространяется на всех работников организации, индивидуального предпринимателя, а действие коллективного договора, заключенного в филиале, представительстве или ином обособленном структурном подразделении организации, – на всех работников соответствующего подразделения, независимо от принадлежности или непринадлежности работников к членству в профсоюзной организации – это не влечет за собой ограничений их социально-трудовых прав.

В правоприменительной деятельности усматривается, что многие в федеральных и региональных соглашениях, используя положения ч. 10 ст. 45 ТК РФ о праве на заключение дополнительных соглашений к коллективному договору, устанавливающих отдельные социальные льготы и гарантии только на работников – членов профессиональных союзов, закрепляют такое распространение действия данных дополнительных соглашений. Нормы соглашений, закрепляющих указанное право, распространяются также в области установления социальных льгот и гарантий не только на членов профессиональных союзов, но и на работников, не являющихся членами профсоюзов, но уполномочивших выборный орган первичной профсоюзной

организации на представление их интересов в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации [6, с. 9]. Аналогичные нормы можем найти в некоторых федеральных отраслевых соглашениях (например, по организациям, находящимся в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации на 2015–2017 гг., п. 13 Отраслевого соглашения) и в соглашениях на территориальном и локальном уровнях.

Целью заключения таких соглашений является желание предоставить больший объем льгот и преимуществ именно работникам – членам профсоюзов, что является нарушением трудового законодательства РФ в части распространения действия коллективного договора, неотъемлемой частью которого, по общему правилу, является любое дополнительное соглашение, не являющееся отдельным актом, неправомочным без коллективного договора.

ТК РФ устанавливает право сторонам социального партнерства, работникам и работодателю, самостоятельно определять структуру и содержание коллективного договора, в т. ч. дополнительных соглашений к нему, а также предусматривает возможность внесения положений относительно определенных категорий работников (по закону или по соглашению сторон), отнесенных сторонами коллективного договора к особым категориям, требующим дополнительных льгот, гарантий и компенсаций. Наличие последнего и возможности заключения дополнительных соглашений, а также некоторые особенности деятельности профсоюзной организаций (их объединений), являются предпосылками нарушений в части распространения действия дополнительных соглашений (неотъемлемой части) к коллективному договору, а значит, соответственно, нарушений в части распространения действия коллективного договора.

Наличие в положениях коллективного договора определенных льгот, компенсаций или других преимуществ, которые улучшают положение работников по сравнению с действующим законодательством, предусмотренные за счет средств работодателя и/или средств профсоюзных взносов, – это, зачастую, результат долгих коллективных переговоров, инициируемых, как правило, профсоюзным активом или профсоюзными работниками, которые нацелены на защиту прав и интересов работников, улучшение условий их труда, поддержанных работодателем или объединением работодателей. Но, к сожалению, эта работа не всегда надлежаще оценивается работниками, которые пользуются ее результатами, а иногда даже, зная, что положения коллективного договора распространяют свое действие на всех работников, даже не рассматривают вопрос членства в профессиональном союзе или, хуже того, выходят из него, получив ранее определенные материальные выплаты, зачастую превышающие уплаченную ранее сумму профсоюзных взносов. Данное обстоятельство служит также одним из условий того, что профсоюзный актив инициирует подписание дополнительных соглашений с распространением их действия только на членов профсоюза.

Рассмотренные предпосылки сложившейся ситуации требуют детального изучения, дальнейших научных исследований и единообразной правовой регламентации на всех уровнях социального партнерства.

Одним из результатов социального партнерства является заключение на определенном уровне правового акта, коллективного договора или соглашения, регулирующего социально-трудовые отношения. Вступая в коллективные переговоры по заключению коллективных договоров и соглашений, стороны осознают всю

ответственность за соблюдение порядка, сроков их проведения, порядка и сроков заключения коллективного договора, соглашения, а затем за надлежащее их выполнение.

Степень ответственности сторон (работников и работодателя) коллективного договора – различная. В настоящее время административная ответственность согласно КоАП РФ установлена в отношении только работодателя или лица, его представляющего, хотя гл. 9 ТК РФ «Ответственность сторон социального партнерства» устанавливает, что представители сторон несут ответственность в форме штрафа в размере и порядке, установленном федеральным законом. Часть 1 и 2 ст. 54, ст. 55 ТК РФ определяет, в каких случаях должна наступать такая ответственность.

Другим видом ответственности, который специально регулируется ТК РФ, является привлечение к дисциплинарной ответственности по заявлению представительного органа работников руководителя организации, руководителя структурного подразделения организации, их заместителей в случаях нарушения ими условий коллективного договора, соглашений. Так, за уклонение от участия в коллективных переговорах работодателя, их представители (состоящие в трудовых отношениях с работодателем) привлекаются к административной, дисциплинарной и материальной ответственности, а работники и их представители, работающие у этого работодателя, привлекаются только к дисциплинарной и материальной ответственности.

В отдельных случаях возможно сочетание различных видов юридической ответственности при применении санкций к виновному лицу (ст. 5.28, 5.29 КоАП РФ).

Говоря об ответственности, мы понимаем, что это и принятие на себя рисков и полномочий по координации действий, и неблагоприятные последствия, наступающие при несоблюдении социальных норм. Эта ответственность является комплексной, ее принято называть социальной.

Социальная ответственность профсоюзов определена задачами по защите социально-трудовых прав работников. Федеральный закон № 10-ФЗ от 12.01.1996 г. «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» определяет правовой статус профсоюзов, устанавливает правовые основы их создания, права и гарантии деятельности, регулирует отношения профсоюзов с органами государственной власти и местного самоуправления, работодателями и их объединениями, другими общественными организациями, юридическими лицами и гражданами.

Социальная ответственность работодателя заключается в обеспечении им надлежащих условий труда работников и своевременной его оплаты, соблюдении условий коллективного договора, соглашений, а также трудовых договоров, заключенных с работниками.

Социальная ответственность – это ответственность организации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду, вклад в устойчивое развитие, включая общественное здоровье и благосостояние.

Социальная ответственность государственной власти заключается в создании эффективной функционирующей системы социальных гарантий и льгот для представителей различных групп и слоев общества, в обеспечении условий для свободного развития, раскрытия творческого потенциала каждого гражданина, в обеспечении личной безопасности граждан, поддержании здоровой среды их обитания.

Особая специфика социального партнерства в сфере государственной гражданской службы. Мнения исследователей данного вопроса разделились: одни отрицают социальное партнерство в сфере государственной гражданской службы, другие – признают, отмечая соответствующую специфику, требующую детального правового регулирования.

Отрицание социального партнерства на государственной гражданской службе опровергается практикой заключения отраслевых соглашений в российских органах государственной власти, например, Отраслевое соглашение по территориальным органам и подведомственным организациям Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии на 2014–2016 гг. и др., которые служат основой коллективных договоров, заключаемых в конкретных государственных органах.

Мнение, что публичный характер деятельности государственных служащих препятствует возникновению социально-партнерских отношений, ошибочно, т. к. помимо статуса агента публичной власти, государственный гражданский служащий является гражданином, выполняющим свою трудовую функцию.

Особенностями социально-партнерских отношений в сфере государственной гражданской службы являются: субъектный состав; система уровней социального партнерства; порядок реализации отдельных форм социального партнерства; отсутствие системы трипартизма. Коллективные переговоры по подготовке и заключению актов социального партнерства проводятся в порядке, предусмотренном главой 6 ТК РФ. Существуют дискуссии о допустимости участия непрофсоюзных представителей гражданских служащих в коллективных переговорах, т. к. в Федеральном законе № 79-ФЗ от 27.07.2004г. «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – 79-ФЗ) не предоставлено право гражданским служащим формировать для представительства во взаимоотношениях с нанимателем непрофсоюзные органы. Но согласно п. 14 ч. 1 ст. 17 79-ФЗ и ст. 29 ТК РФ такое представительство на локальном уровне допускается, при этом основной формой представительства остаются профсоюзы, представляющие интересы гражданских служащих при проведении коллективных переговоров, консультаций, принятии локальных актов, регулирующих их профессиональную деятельность.

Закрепленные в ТК РФ правовые формы социального партнерства не могут в полном объеме применяться в сфере гражданской службы ввиду ее публичного характера, связанного с исполнением полномочий органов государственной власти, необходимостью субординации, т. е. власти и подчинения, для эффективной деятельности. Это подводит к выводу, который неоднократно высказывался различными исследователями: необходимо принять специальное законодательство, регулирующее социальное партнерство в Российской Федерации в виде федерального закона, а также внести дополнения в 79-ФЗ и ТК РФ, которые восполнят новыми законодательными нормами существующие пробелы в регулировании отношений социального партнерства между государственными служащими и представителями нанимателей.

Рассмотрев некоторые вопросы социального партнерства в сфере труда, еще раз можно с полной уверенностью констатировать, что более эффективное регулирование социально-трудовых отношений, выработка единой и согласованной позиции, защита интересов наемных работников, работодателей, органов государственной власти возможны в рамках социального партнерства. Нормативная

правовая база, регулирующая социальное партнерство, несовершенна, требует совершенствования существующих правовых норм, а также принятия новых, конкретизирующих, с учетом видов деятельности организаций.

Список литературы

1. Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1957–1990. Т.11. – Женева: Международное бюро труда, 1991.
2. Коробченко В. В., Сафонов В. А. Специфика социального партнерства в сфере государственной гражданской службы // Трудовое право в России и за рубежом. – 2016. – № 1. – С. 28–32.
3. Куренной А. М. Трудовое право России: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2016. – 624 с.
4. Орловский Ю. П. Трудовое право: в 2 т. Т.1: учебник для бакалавриата и магистратуры. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 302с.
5. Орловский Ю. П. Трудовое право России: Учебник. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010. – VIII, 648 с.
6. Рожко Г. Б. О распространении действия коллективного договора: правоприменительная практика // Вопросы трудового права. – 2017. – № 2. – С. 8–12.
7. Смирнов О. В. Трудовое право. Учебник. – М.: РГ-Пресс, 2016. – 536 с.
8. Черняева Д. В. Социальная ответственность работодателя. Часть 1 // Трудовое право в России и за рубежом. – 2016. – № 1. – С. 24–28.
9. Черняева Д. В. Социальная ответственность работодателя. Часть 2 // Трудовое право в России и за рубежом. – 2016. – № 2. – С. 17–22.

Lukasheva N. N. The On Some Features of Social Partnership and One of Its Most Important Principles – the Collective Bargaining Agreement // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – P. 115–121.

The article explores the issues of social partnership as a complex legal and social category aimed at the most effective solution of the issues of maintaining the balance of interests of workers and employers, establishing the stability of civil society.

One of the foundations of social partnership is the conclusion of a collective bargaining agreement, an agreement based on collective bargaining results. The labor legislation of the Russian Federation establishes the right to conclude a collective bargaining agreement, but not the obligation of the parties – employees and the employer. In order to ensure the stability of the functioning of organizations, economic growth and development of the state, the author introduces a proposal to amend the legislative standard that would oblige the social partnership parties to conclude a collective bargaining agreement, or agreement.

Discussion on the extension of the collective bargaining agreement application only to employees – members of the trade union, or to all employees, as indicated by the labor legislation of the Russian Federation, is also considered in the article.

The article focuses attention on the types of legal responsibility in the relations of social partnership.

Social partnership in the sphere of state civil service requires attention, as due to its specifics, not all the norms of the Labor Code of the Russian Federation, regulating social partnership, can be applied in the sphere of the state civil service, which calls for the improvement of existing legal norms.

Key words: social partnership, trade unions, representation, collective bargaining agreement, agreement, employees, employer, social and labor relations.

Spisok literatury

1. Konventsii i rekomendatsii, prinyatiye Mezhdunarodnoy Konferentsiye truda. 1957–1990. T.11. – Zheneva: Mezhdunarodnoye byuro truda, 1991.
2. Korobchenko V. V., Safonov V. A. Spetsifika sotsialnogo partnerstva v sfere gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. – 2016. – № 1. – S. 28–32.
3. Kurennoy A. M. Trudovoe pravo Rossii: uchebnik. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Prospekt, 2016. – 624s.
4. Orlovskiy Yu. P. Trudovoe pravo: v 2 t. T.1: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. – M.: Iz-datelstvo Yurayt, 2016. – 302 s.
5. Orlovskiy Yu. P. Trudovoe pravo Rossii: Uchebnik. – M.: KONTRAKT, INFRA-M, 2010. – VIII, 648s.
6. Rozhko G. B. O rasprostraneni deystviya kollektivnogo dogovora: pravoprimenitelnaya praktika // Voprosy trudovogo prava. – 2017. – № 2. – S. 8–12.

7. Smirnov O. V. Trudovoe pravo. Uchebnik. – M.: RG-Press, 2016. – 536 s.
8. Chernyaeva D. V. Sotsialnaya otvetstvennost rabotodatelya. Chast 1 // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. – 2016. – № 1. – S. 24–28.
9. Chernyaeva D. V. Sotsialnaya otvetstvennost rabotodatelya. Chast 2 // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. – 2016. – № 2. – S. 17–22.

УДК 347.795.35

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УЛОЖЕНИЙ О ТОРГОВОМ
МОРЕПЛАВАНИИ В СФЕРЕ МОРСКОГО СТРАХОВАНИЯ: ПЕРВЫЙ
ПРОЕКТ 1903 ГОДА И УЛОЖЕНИЕ 1913 ГОДА**

Макухин А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Возникнув в глубокой древности как форма экономических методов борьбы судовладельцев с морскими опасностями, в современном мире морское страхование превратилось в крупную сферу предпринимательства. В статье рассматриваются вопросы истории дореволюционного правового регулирования сферы морского страхования. Внимание уделяется двум нормативным актам проекту Уложения о торговом мореплавании 1903 года и Уложению о торговом мореплавании 1913 года. Приводится подробная характеристика обоих документов. Подробнее автор останавливается на сходствах и различиях анализируемых документов. При рассмотрении сходств автор останавливается на понятии договора морского страхования, его форме, а также месте, среди других договоров. Обращая внимание на различия, автор указывает на приспособленность норм к отечественным общественным отношениям, а также новым институтам, появившимся в позднем правовом акте.

Keywords: insurance, seafaring, marine insurance, insurance contract, classification, insured, insurer, code, project, emergency case, policy, assignment.

Морское страхование – это одна из крупных сфер предпринимательства, возникшая в древности в целях ограждения судовладельцев от морских опасностей. Оно рассматривается не только, как эффективное средство обеспечения безопасности мореплавания, но и как правовой инструмент и экономическая категория, находящиеся в стройной системе международных правовых и экономических отношений [4, с. 354].

Начало XX века характерно бурным развитием российского законодательства в сфере морского страхования. Это объяснялось рискованностью промысла и незаинтересованностью купечества вкладывать в него свои средства. Высочайшее учреждение Особое Совещание для составления проекта Уложения о торговом мореплавании в 1903 составило проект Уложения о торговом мореплавании, а в 1913 году уложение перестало быть проектом и приобрело юридическую силу [3, с. 12].

Разработка проекта Уложения о торговом мореплавании началась еще в 1846 году по ходатайству Санкт-Петербургского купечества, которое указало, что действующие законы от 1781 года не соответствуют особенностям развития государства. Так, действующие в то время законы просто не регулировали определенные новые группы общественных отношений. При разработке проекта особое внимание уделялось зарубежным нормативным актам. Большинство положений проекта было взято в основном из Гамбургских общих правил морского страхования 1867 года [1, с. 3].

Главной целью положений была минимизация имущественных рисков посредством морского страхования.

Как следует из статистики до 1913 г. страхование в России сильно развивалось. Страхование судов и грузов занимало второе место в имущественном страховании, уступая только страхованию от огня. Кроме этого количество страховых учреждений в стране быстро возрастало [3, с. 12]. Соответственно принять Уложение о торговом мореплавании было просто необходимо. Морскому страхованию в указанном уложении была посвящена глава X «Морское страхование» (ст.381-461).

Сейчас предлагаю рассмотреть основные сходства и различия, указанных выше документов. Сначала рассмотрим сходства.

В обоих документах содержатся идентичные термины договора морского страхования. По договору морского страхования одно лицо (страховщик) обязуется за вознаграждение (премию) возместить другому лицу (страхователю) убытки, которые последний может понести вследствие гибели или повреждения судна или груза от морских несчастий. В данном определении прослеживаются пять обязательных элементов морского страхования. Во-первых, сторонами являются страхователь и страховщик. Во-вторых, премия или плата за страхование. В-третьих, угроза возможной опасности застрахованному имуществу. В-четвертых, опасность должна быть от грозящих судну или грузу морских несчастий. В-пятых, обязанность страховщика возместить убытки в случае, если произошло морское несчастье [1, с. 5]. Таким образом, в обоих документах целью страхования являлась гарантированность возмещения убытков от гибели либо повреждения судна или груза.

Как в проекте Уложения о торговом мореплавании 1903, так и в Уложении 1913 морское страхование рассматривалось как одна из частей транспортного страхования. Классифицировалось морское страхование в зависимости от объекта на страхование судов и страхование грузов. Кроме этого, следует заметить, что страхование судов делилось на страхование речных судов и страхование морских судов [3, с. 12]. Данная классификация помогает уяснить сущность морского страхования и играет большую роль для науки страхового права.

Оба документа содержали положение об обязательном соблюдении письменной формы договора морского страхования. Ст. 6 Проекта Уложения 1903 и ст. 386 Уложения 1913 содержат одинаковое правило: «Договор морского страхования должен быть удостоверен на письме». Т.е. надлежащим заключением сделки признавалось заключение договора (выдача полиса).

Важно заметить, что оба правовых акта указывали, что морское страхование включает в себе ответственность или страх против всех морских опасностей, не только означенных в полисе, но и против неизвестных, что имеет место при каждом страховании и на основании правил, изложенных в морском праве, если в полисе не означено никакого исключения из них, или не сделано ограничение в ответственности [3, с. 13]. Таким образом, по общему коренному правилу о договоре морского страхования, страховщик отвечает перед страхователем против всех морских опасностей, как поименованных в договоре, полисе, так и непоименованных, если только в полисе не обозначено исключение из правил страхования или не сделано ограничение в ответственности.

Различия в данных документах объясняются развитием общественных отношений. Первый документ 1903 г., второй – 1913. Естественно за это время

общество развивалось, появлялись новые институты, которые требовали правовой регламентации. Соответственно если обратимся к содержанию, то Уложение 1913 года намного больше Проекта Уложения 1903.

Итак, первым отличием является то, что при составлении проекта 1903 года Высочайшее учреждение руководствовалось в большей степени зарубежным законодательством [1, с. 2]. А Уложение 1913 года содержало в себе некоторые положения из проекта Уложения, а так же особенные правила характерные для национального (русского) права [2, с. 103]. Таким образом, основу проекта Уложения 1903 г. составляли зарубежные акты, а основу Уложения 1913 г. в большей степени отечественные правоотношения.

Необходимо остановиться на том, чем был дополнен поздний правовой акт. Для начала необходимо отметить на расширение страховых случаев. Согласно ст. 26 проекта уложения 1903 г. страховыми случаями являются: гибель или повреждение судна или груза вследствие течи, посадки на мель, крушения, потопления, пожара, взрыва, бури, молнии, землетрясения, действия льда и т.п. морских действий; война или распоряжения правительственной власти какой-либо державы; арест судна или груза по требованиям частных лиц; морской разбой, воровство и т.п. преступные посягательства на судно или груз; отдача судна, груза или фрахта в заклад или продажа груза для дальнейшего движения судна; вина капитана, или иных лиц судового экипажа [1, с. 67]. Данные страховые случаи содержатся и в ст. 406 Уложения о торговом мореплавании 1913. Однако они дополнены еще одним – пропавша судна без вести. Пропавшим без вести считается судно «если по начатии рейса о нем не получено никакого известия в течении шести, девяти, или двенадцати месяцев в зависимости от продолжения рейса» [2, с. 111].

Следует заметить, что в Уложении 1913 г. появляется новый институт уступки страхования, вместе с уступкой имущества. Так, согласно ст. 436 Уложения 1913 г. заявление об уступке застрахованного имущества должно быть безусловно и распространяется на весь застрахованный предмет, насколько оно подвергается несчастному случаю, послужившего основанием уступки [2, с. 120].

Статья 448 Уложения 1913 г. возлагала на страхователя обязанность доказать надлежащими, принятыми в торговом быту доказательствами следующие обстоятельства для получения страхового вознаграждения: свой интерес в страховании и право на вознаграждение; наступление несчастного случая от которого имущество застраховано; размер своего убытка, с подробным расчетом; по открытому полису – страховую стоимость имущества и некоторые другие обстоятельства [2, с. 124].

Таким образом, новые положения в Уложении 1913 г. обуславливались появлением новых институтов в обществе, которые требовали правового регулирования. Проанализировав проект Уложения 1903 года и Уложение 1913 года обнаруживаются определенные сходные черты и различия рассмотренные выше в работе.

В целом, подводя итог предреволюционному развитию страхования в России, можно отметить, что страна с развертыванием промышленного переворота и внешней торговли вступала в концерт развитых капиталистических государств, в формировавшееся мировое страховое пространство. Законодательство страны было

ориентировалось не только на развитие общественных отношений в стране, но и на международные правовые акты.

Список литературы

1. Проект уложения о торговом мореплавании 1903 г. С объяснениями. – С.-Петербург, 1905. – 91 с.
2. Уложение о торговом мореплавании (проект с объяснениями). Том II. – СПб. : Типография В.С. Боровина, 1913. – 222 с.
3. Платонов А.С. Историко-правовой анализ развития морского страхования в России // История государства и права. – 2007. № 16. – С. 12–14.
4. Юлдашев Р.Т. Страховой бизнес: Словарь-справочник. – М.: Анкил, 2015. – 832 с.

Makukhin A.A. Comparative legal analysis of the regulations on merchant shipping in maritime insurance: the first project of 1903 and the code of 1913 // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – P. 122–125.

Having arisen in the extreme antiquity, marine fears turned into a large sphere of entrepreneurship. The article deals with the history of pre-revolutionary legal regulation of the sphere of marine insurance. Attention is paid to two normative acts of the draft Statute on Merchant Shipping in 1903 and the Merchant Shipping Code of 1913. The characteristics of both documents are given. The author dwells on the similarities and differences in the analyzed documents. When considering similarities, the author dwells on the concept of the marine insurance contract, its form, and also the place, among other treaties. Drawing attention to differences, the author points to the adaptability of norms to domestic social relations, as well as to new institutions that appeared in the late legal act.

Keywords: insurance, seafaring, marine insurance, insurance contract, classification, insured, insurer, code, project, emergency case, policy, assignment.

Literatura

1. Proyeckt ulozheniya o torgovom moreplavanii 1903 g. S ob"yasneniyami. - S.-Peterburg, 1905.
2. Ulozheniye o torgovom moreplavanii (proyeckt s ob"yasneniyami). Tom II. - SPb. : Tipografiya V.S. Borovina, 1913.
3. Platonov A.S. Istoriko-pravovoy analiz razvitiya morskogo strakhovaniya v Rossii // Istoriya gosudarstva i prava. - 2007. № 16. - S. 12-14.
4. Yuldashev R.T. Strakhovoy biznes: Slovar'-spravochnik. – М.: Ankil, 2015. – 832 s.

НАШИ АВТОРЫ

Анохин А. Н.	к. ю. н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Алимов З. А.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Бугаев В. А.	к. ю. н., доц. заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Волошин И. А.	старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Гарчева Л. П.	д. и. н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Евсикова Е. В.	к. ю. н., старший преподаватель к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, лейтенант полиции. По совместительству: доц. кафедры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Исютин-Федотков Д. В.	старший юрист Адвокатского бюро г. Москвы «Асташкевич и партнеры», к. ю. н., доц.
Донская Л. Д.	к. ю. н., доц. декан юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Змерзлый Б. В.	д. и. н., д. ю. н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Кащенко С. Г.	д. и. н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Куртмамбетова С.	студентка I курса Медицинской академии им. ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Лукашева Н. Н.	к. ю. н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Макухин А. А.	старший преподаватель к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Мухин Г. Н.	д. ю. н., проф. к-ры государственно-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета
Некрасова Е. В.	к. ю. н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Пасечник О. С.	к. ю. н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Поддубняк А. А.	к. ю. н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Романюк Л. В.	к. ю. н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

<i>Рышкова Е. В.</i>	<i>к. ю. н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
<i>Рышкова Л. В.</i>	<i>к. ю. н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
<i>Соколова Н. В.</i>	<i>к. ю. н., доц. ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет» (г. Шадринск)</i>
<i>Совхоз Ф. Р.</i>	<i>студентка юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»</i>
<i>Сударикова Т. Е.</i>	<i>старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»</i>
<i>Таран П. Е.</i>	<i>к. ю. н., к. ф. н., доц., заведующий к-рой истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
<i>Шармоянц А. Н.</i>	<i>к. ю. н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.

Анохин А. Н., Совхоз Ф. Р.

О роли конституционного суда Российской Федерации в предотвращении негативных последствий решений Европейского суда по правам человека.....3

Гарчева Л. П.

Отечественная юриспруденция о смешанной республике как форме правления.....9

Змерзлый Б. В.

Государственные меры по восстановлению внешней торговли Крыма в 1780-х гг.....15

Кащенко С. Г., Таран П. Е.

«Закон о земле» Крымской АССР (1921 г.).....21

Соколова Н. В.

Формирование компетенции правоприменения у будущих учителей при изучении правовых дисциплин на основе практикума «Правовые казусы и способы их решения».....28

Шармоянц А. Н.

Измерения правового статуса автономных образований РФ в начале 1990-х гг.....35

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Бугаев В. А., Сударикова Т. Е.

Влияние религии на преступность.....44

Волошин И. А., Сударикова Т. Е.

Влияние СМИ на формирование криминогенных установок у несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет..... 50

Евсикова Е. В.

Органы внутренних дел как субъект предупреждения домашнего насилия...56

Мухин Г. Н., Исютин-Федотков Д. В.

Об использовании специальных знаний в области неврологии в раскрытии и расследовании преступлений.....69

Поддубняк А. А., Куртмамбетова С.

Правовые и моральные аспекты эвтаназии в современном обществе.....77

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Алимов З. А.

Становление земель рекреационного назначения как правовой категории на территории Республики Крым с 1787 по 1944 годы.....83

Некрасова Е. В., Донская Л. Д.	
Некоторые аспекты применения аналогии в семейном праве.....	92
Пасечник О. С., Романюк Л. В.	
Понятие и функции государственного управления в сфере недропользования.....	97
Рышкова Е. В., Рышкова Л. В.	
Правовой режим земель автомобильного транспорта: перспективы развития.....	106
Лукашева Н. Н.	
О некоторых особенностях социального партнерства и одной из важнейших его основ – коллективного договора.....	115
Макухин А. А.	
Сравнительно-правовой анализ уложения о торговом мореплавании в сфере морского страхования: первый проект 1903 г. и Уложение 1913 г.....	222